Ана Майя

ШАГИ МЕЖДУ НАМИ

18+

Astra inclinant, sed non obligant.
Звезды склоняют, но не принуждают.

Шаги между нами
Ана Майя

Аннотация
Ана Майя. Шаги между нами
Плейлист для атмосферы
Прошлое. Часть 1
Прошлое. Часть 2
Прошлое. Часть 3
Прошлое. Часть 4
Годы между прошлым и настоящим
Настоящее. Часть 1
Настоящее. Часть 2
Настоящее. Часть 3
Эпилог
Post scriptum
Вместо благодарностей
Об авторе

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ
ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Мы были полной противоположностью друг друга. Образцовый борец с преступностью и дочь криминального босса».

2005 год, Балканы. На Призрачном острове, в доме Макса Молера, проходит очередной обыск. Привычное дело для главы крупнейшего криминального картеля в Юго-Восточной Европе. В самый разгар суматохи на пороге особняка появляется молодой и обаятельный незнакомец. Официально Себастьян – журналист родом из Чили, прибывший взять интервью у Макса, на деле же – спецагент ЦРУ. Но при виде дочери мафиози, под натиском чувств профессиональный долг отходит на второй план. У пары есть всего четыре дня, однако нескольких мимолетных прикоснове-

ний, коротких разговоров о любимых книгах и морской прогулки вполне достаточно, чтобы они бесповоротно влюбились. Спустя двадцать лет Себастьян – влиятельный политик и примерный семьянин – ведет совсем иную жизнь. С другой стороны телеэкрана за ним наблюдает дочь Молера, готовая на все, лишь бы увидеться снова. А как известно, для встречи бывших влюбленных нет места идеальнее Рима…

Впервые на русском!

Ана Майя
Шаги между нами

Ana Maya
THE STEPS BETWEEN US
Copyright © 2025 by Ana Maya
All rights reserved
This book is a work of fiction. Any references to historical events, real people, or real places are used fictitiously. Other names, characters, places, and events are products of the author's imagination, and any resemblance to actual events or places or persons, living or dead, is entirely coincidental.

Перевод с английского Екатерины Фокиной

© Е. Ю. Фокина, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025 Издательство Азбука®

* * *

Плейлист для атмосферы

«Beggin'» — Frankie Valli & The Four Seasons
«Tu Vuò Fà L'americano» — Renato Carosone
«Marina» — Rocco Granata
«Bring It On Home to Me» — Sam Cooke
«I Say a Little Prayer» — Aretha Franklin
«Suspicious Minds» — Elvis Presley
«It's a Shame» — The Spinners
«Oye Como Va» — Santana
«I Love to Love» — Tina Charles
«Ain't No Sunshine» — Bill Withers
«Midnight Train to Georgia» — Gladys Knight & the Pips
«When Will I See You Again» — The Three Degrees
«Don't Leave Me This Way» — Thelma Houston
«Love Really Hurts Without You» — Billy Ocean
«How Deep Is Your Love» — Bee Gees
«Copacabana (At the Copa)» — Barry Manilow
«Wuthering Heights» — Kate Bush
«Heart of Glass» — Blondie
«No More Tears (Enough Is Enough)» — Barbra Streisand & Donna Summer
«Save a Prayer» — Duran Duran

«Islands in the Stream» — Dolly Parton & Kenny Rogers

«Total Eclipse of the Heart» — Bonnie Tyler

«California Dreamin'» — The Beach Boys

«Kiss» — Prince

«The Edge of Heaven» — Wham!

«Smooth Criminal» — Michael Jackson

«No Ordinary Love» — Sade

«Black Eyed Boy» — Texas

«La Camisa Negra» — Juanes

«Lovers In a Past Life» (Acoustic) — Calvin Harris & Rag'n'Bone Man

«Beggin'» — Måneskin

A JPBP. Nuestras vidas no podrían ser más diferentes ni estar más alejadas, y sin embargo pienso en ti cada instante de cada día, y me pregunto cuántos pasos hay entre nosotros.

Посвящается ХПБП. Наши жизни не могли бы быть более разными и далекими друг от друга, и все-таки я ежеминутно думаю о тебе и задаюсь вопросом: сколько же шагов нас разделяет?

Прошлое. Часть 1

У денег есть одна особенность: они имеют вес. Если пятьдесят тысяч стодолларовыми купюрами тянут на полкило, значит полмиллиона добавят к багажу около пяти килограммов. Я помедлила, чтобы прикинуть, сколько еще пачек могу положить в чемодан.

С экрана донесся голос Кэтрин Хепбёрн: «Мне начинает казаться, что со мной определенно что-то не так». Я чувствовала то же самое — с той лишь разницей, что мои ощущения не были ни заблуждением, ни преувеличением.

В последний июньский день 2005 года по телевизору шел фильм *«Дверь на сцену»*, комедийная драма тридцатых годов о независимых и остроумных женщинах. Слушать их диалоги я могла бесконечно. Мне даже не нужно было смотреть на экран: каждое движение персонажей я знала наизусть. Полупрозрачные шелковые занавески аметистового цвета колыхались от ветра, врывавшегося через открытые французские окна. Воздух снаружи был свежим, пропитанным запахом зелени и ароматом ландышей.

Моя комната находилась на верхнем этаже. Дом стоял на острове посреди реки в одной из стран Юго-Восточной Европы, которая за последний век столько раз меняла границы и название, что в итоге ее имя утратило всякий смысл. Точно так же, как ее жители потеряли свою национальную идентичность. Точно так же, как уровень безумия во всем мире повысился на октаву.

Через два часа ожидался очередной полицейский рейд, и к его началу чемодан с деньгами должен был исчезнуть. Информацией поделился один из наших осведомителей, работающий в полиции.

Даже у большого загородного дома, подобия современной крепости с вооруженной охраной и камерами наблюдения, есть дверь, которая открывается при определенных обстоятельствах. Наш дом и был такой крепостью, скрытой за бесконечной зеленой стеной из ив и болотных кипарисов, растущих вдоль берега.

Дом и остров окрестили Саличе — «ива» по-итальянски. Эксперт по флоре, который обследовал почву и растительность перед покупкой земли, называл деревья по-латыни — *Salice nero* и *Salice bianco*, — так имя и прижилось. Еще остров прозвали Призрачным, потому что зимой, когда

над водой поднимался густой туман, с речных берегов его было не разглядеть.

Балисто первым почувствовал их приближение. Его заостренные уши уловили шум за несколько минут до того, как открылись тяжелые стальные ворота.

Сначала послышался гул, затем появилась техника: легковые автомобили, фургоны, сирены, мегафоны, даже вертолет. Его огромные лопасти поднимали в воздух пыль и гравий вместе с травой. Вскоре из машин высыпали люди в форме. Они двигались слаженно, словно танцоры мюзикла на сцене театра в Вест-Энде. Со временем мы научились различать их по цвету экипировки: тускло-синий — у обычных подразделений, темно-серый — у спецназа, черный — у тайной полиции, а люди в безупречно-белых мундирах с медалями на груди, самые медлительные болваны, чаще всего приезжали последними в роскошных лимузинах. Мы также освоили искусство не обращать внимания на показательные выступления правоохранителей — участников одной и той же марионеточной постановки.

Я могла бы оставаться в доме или даже ходить за ними следом, ведь обыск был лишен всякого смысла. Они лишь топали грязными ботинками

по нашим паркетным полам, трогали и открывали все, у чего имелась ручка, совали нос в выдвижные ящики, шкафы, гардеробы… щупали, рылись, делали вид, что ищут, а на деле просто раскидывали наши вещи. Их цель состояла в том, чтобы показать, кто стоит за этой фиктивной операцией, оставив свой фирменный след — хаос и беспорядок.

В просторном холле наш адвокат рассматривал ордер на обыск, который уже видел накануне, старательно изображая удивление и выдвигая формальные возражения от имени клиента. Его голос разносился по всем уголкам огромного дома. Еще одна марионетка, но хотя бы у нас на зарплате. Вся обслуга пребывала в состоянии полной готовности. Не потому, что нам грозила опасность, а потому, что произойти могло все что угодно.

Я стояла на верху лестницы, наблюдая за суматохой внизу. Если бы кто-нибудь поднял голову, то увидел бы молодую женщину чуть за тридцать с книгой и портсигаром в руках, во всех отношениях заурядную и ничем не примечательную. Я не отличалась ни ангельской, ни дьявольской красотой — так, серединка на половинку. Во мне не было ничего выдающегося или сногсшиба-

тельного, за исключением резкого контраста между бледной кожей, пепельно-русыми волосами и неизменно черной одеждой: черный верх и черные капри с короткими разрезами по бокам. Одежду я предпочитала простую, неброскую. В черном я чувствовала себя окутанной тьмой, скрытой от мира.

Я спустилась, раздумывая, куда бы пойти почитать. Перед этим выглянула в сад — мой маленький сын Чарли, который едва научился ходить, играл за домом среди цветов под присмотром няни.

Балисто теперь сидел у входной двери, наклоняя четко очерченную голову то в одну, то в другую сторону, словно пересчитывая всех, кто топтался на лужайке перед домом. Эту немецкую овчарку с золотисто-рыжей мордой, мощной челюстью и черным «седлом» на спине, от шеи до хвоста, назвали в честь шоколадного батончика. Вскоре ему наскучила суета, и он улегся на пол, недовольно фыркнув и опустив голову на холодный мрамор. Он был породистым псом, обученным охранять меня, но со временем потерял интерес ко всему, кроме погони за белками и птицами, перекусов и нашей любимой игры в прятки.

– *Mitkommen*[1], — скомандовала я и похлопала по левой ноге, направляясь к выходу.

Сначала я хотела пройтись, но потом передумала и села на качели. Они были подвешены к толстой ветке старого дуба, на котором мы когда-то построили маленький домик. Люди туда почти не заглядывали — только жуки и пауки жили там бок о бок.

Балисто последовал за мной и устроился в густой тени дерева, спасаясь от солнца. Ветер налетал волнами: то едва ощутимый, то порывистый, он шелестел листвой и срывал лепестки с вишневых деревьев. Я сняла лазурные балетки из крокодиловой кожи, отбросила их в сторону, поставила на качели одну ногу и другой оттолкнулась от земли. В этот момент я увидела, как по гравийной дороге подъехала еще одна машина — старый «мерседес-бенц» S-класса, огромный, как танк. Ужасным был не только его цвет — самый уродливый оттенок коричневого, что я когда-либо видела, точь-в-точь подгоревший халапеньо, но и дизельный двигатель, который громко тарахтел в такт вертолету у нас над головой, а временами даже заглушал его. Балисто прикрыл

---

[1] Сноски: 1

За мной *(нем.). — Примеч. перев.*

морду широкой лапой и нервно заморгал. Его раздражал шум. Вертолет поднялся выше, уходя на новый круг над островом, будто и сам был потрясен ревом автомобильного мотора.

Машина затормозила. Водитель, по-видимому, решал, где припарковаться, но, не найдя свободного места, так и остался стоять, перекрыв выезд к воротам. Когда рычавший двигатель наконец-то заглох, я ощутила облегчение. Дверь открылась, и из машины вышел высокий мужчина — не в форме, а в джинсах и оливковом бронежилете поверх желтой футболки. Неужто всерьез думал, что в него будут стрелять?

Когда основной бизнес твоей семьи связан с преступной деятельностью, есть лишь две вещи опаснее тюрьмы или смерти. Первая — стать жертвой похищения. Вторая — быть застигнутым врасплох. Это означало, что либо нам не хватает осведомителей, либо те, кому мы платим, плохо справляются с работой. Единственная причина, по которой этот незнакомец мог оказаться здесь, — кто-то из семьи дал добро на его визит.

Обычно я ленюсь анализировать свои первые впечатления и откладываю это занятие на конец дня. И все же что-то в мужчине сразу привлекло мое внимание. Он казался чужим, будто случайно

забрел в наши владения прямиком со съемочной площадки дешевого криминального сериала в поисках режиссерских указаний.

У него был слегка неухоженный вид, который совершенно не вписывался в окружающую обстановку. Словно он только что встал с постели. Я прищурилась, чтобы получше его рассмотреть. Волосы темно-каштановые, коротко подстриженные, но растрепанные; усы на удивление аккуратные, в резком контрасте с небрежной щетиной. Образ дополняли зеркальные солнцезащитные очки в толстой золоченой оправе — прямо вишенка на торте. Незнакомец вытащил из машины коричневую кожаную куртку, перекинул через плечо, окинул взглядом окрестности, заметил меня и направился в сторону качелей. Присутствие полицейских его явно не волновало: он спокойно прошел мимо, будто их не было вовсе.

Балисто приподнял голову с травы — сработал инстинкт, но уже через пару секунд пес решил, что незнакомец не представляет угрозы. Скоропалительный вывод с его стороны. Вероятно, Балисто просто не учуял съестного и заключил, что суетиться не стоит.

Чем ближе подходил гость, тем быстрее мое

сердце билось от любопытства. Я точно знала, что никогда не встречала этого мужчину, и все же ощущение, будто я его знаю, было слишком сильным, чтобы сбросить его со счетов, даже если с точки зрения логики это было невозможно.

Я чувствовала его взгляд, проникавший сквозь зеркальные стекла очков. С качелей я не сошла: интуиция подсказывала мне то же, что и Балисто, — никакой опасности нет. Незнакомец подошел, улыбнулся и снял очки. У него были густые брови и резко очерченный орлиный нос. На солнце его радужки словно слились со зрачками, и темно-карие, почти черные глаза завораживали, не давая отвести взгляд. Я и не пыталась. Так смотрит котенок, загипнотизированный смятым бумажным шариком на веревочке, который болтается у него перед носом.

•

Спустя десять лет, когда его начали выставлять перед камерами и прессой — в дорогих костюмах из шерсти и шелка от «Бриони», в туфлях «Арчи» с Джермин-стрит в Лондоне, с зачесанными назад волосами, гладко выбритым подбородком, аккуратно подстриженными и уложенными усами, в массивных очках с черной квадратной оправой, — он выглядел как холеный

самовлюбленный тип. Но в нашу первую встречу производил куда более приятное впечатление.

•

Он спросил, говорю ли я по-английски, и я кивнула.

— Вы здесь живете?

Голос у него был прекрасный: негромкий, глубокий, хрипловатый, с бархатистыми нотками. В его речи я уловила смесь разных акцентов: преобладал американский английский, в котором слышались отголоски испанского. Я снова кивнула в надежде, что он скажет что-нибудь еще.

— Я заметил, что вы на меня смотрели, — сказал он, будто оправдываясь за то, что подошел.

Я нарочито не обращала на незнакомца внимания, и он продолжил:

— Я здесь впервые. Потратил кучу времени, чтобы найти это место, а оно, оказывается, такое огромное, что не заметить нельзя, ну, вы понимаете. Вы сами отсюда?

Гость завершил свой вопрос широкой дерзкой улыбкой. Он с интересом и осторожностью взглянул на задремавшего Балисто, размышляя, стоит ли его погладить.

Одной из моих привычек, не раз действовавшей людям на нервы, была манера задавать

встречный вопрос и уводить разговор от любых личных или откровенных тем, если я не знала, что сказать.

— Кого вы ищете? — осведомилась я с деланым безразличием.

Он приподнял брови, услышав мой беглый английский, и на мгновение засомневался, не занесло ли меня сюда тем же поездом, что и его.

— Босса, наверное. — Мужчина вытащил из кармана джинсов небольшой желтый листок и перевернул его так, чтобы я увидела имя. — Максимилиан Молер. Знаете его?

Я указала на парадную дверь и посоветовала обратиться к лысому адвокату в темно-синем костюме — тот поможет найти нужного человека.

— И зовут его Макс, — добавила я.

Однако гость не ушел и просто стоял рядом, словно хотел составить мне компанию, раздумывая, что бы еще сказать.

— Как вам машина? — Он кивнул в сторону коричневого монстра.

Меня растрогала простота его вопроса. Незнакомец пытался удержать разговор на плаву.

— Можно ответить честно? — уточнила я.

Он рассмеялся, и в уголках глаз появились тонкие лучики морщин — едва заметные следы

«гусиных лапок».

— Редко встречаются красивые женщины, которые ценят честность. Валяйте, я выдержу.

Гость снова улыбнулся, и на его щеках проступили ямочки. Мое лицо обдало жаром.

— Звук у нее впечатляющий, — солгала я, раскачиваясь на качелях.

Балисто замахал пушистым хвостом из стороны в сторону, подметая землю: мол, хватит болтать чепуху, дайте поспать.

— На самом деле это не моя машина, я ее одолжил. Вместе с грохотом, который она издает…

Он порылся во внутренних карманах куртки, нашел красную пачку «Мальборо» и протянул мне сигарету. Я покачала головой — чужих сигарет никогда не брала. Мужчина указал на маленькую черную коробочку, лежавшую на земле поверх книги и портсигара.

— Это зажигалка? Можно воспользоваться?

Это действительно была моя зажигалка, винтажная, в стиле ар-деко, покрытая черной эмалью и украшенная бриллиантами, — изделие парижского салона «Картье». Единственная ценная вещь, которую я всегда носила с собой. Я кивнула. Он присел, взял зажигалку и прочитал английское название книги. Возможно, узнал его, но

ничего не сказал.

— А что значит буква «А»? — спросил он, увидев гравировку на зажигалке.

— Первая буква моего имени.

На этом пора было остановить качели и вернуться в дом. Я забрала зажигалку из его рук, оставила книгу, портсигар и туфли и ушла, не оборачиваясь, лишив его возможности задать новый вопрос или как-то иначе продолжить беседу. Назвать ему свое имя значило проявить излишнюю и преждевременную откровенность. К тому же у меня не было ни малейшего желания представляться: люди обычно начинали вести себя совершенно иначе, когда узнавали, что Макс — мой отец.

Балисто последовал за мной, недовольный тем, что мне не сидится на месте. Как только мы вошли в дом, он растянулся на полу в холле, охлаждая свою рыжеватую шерсть. Я перепрыгнула через него и поспешила в библиотеку, окна которой выходили на дуб с качелями. Библиотека была солидная: стены заставлены книгами от пола до потолка.

Вдоль одной из стен, за массивным столом из бразильского палисандра, Макс разместил коллекцию классических детективов, которую

собирал с юности, — бесценный архив тайн и загадок: сборники криминальных историй, тома Эллери Квина в твердых обложках, антологии преступлений и интриг, подборки расследований, рассказы об убийствах, шедевры остросюжетной прозы… На полках вдоль противоположной стены выстроились словари иностранных языков — от латинского до русского, энциклопедии по символике, мировым религиям, направлениям в искусстве, а также разнообразные тезаурусы и бесчисленные биографии художников, писателей и актеров. Далее шли книги по медицине: не только учебники, но и справочники, анатомические атласы, словари терминов и даже тематические журналы, хранившиеся в специальных зеленых кожаных футлярах с тиснеными ярлыками. Последнюю стену занимала классика от Данте Алигьери до Стефана Цвейга — роскошные издания в твердых переплетах, нередко на языке оригинала, без единой пылинки и в строгом алфавитном порядке.

Это была моя любимая комната в доме — из-за больших потертых кожаных кресел цвета тимьянового меда. Их покрывали мягкие яркие лоскутные одеяла, которые сшила *Mãe* — так я называла мать. Имя звучит как «май». За чтением

я провела в этих креслах несчетное количество дней и ночей, сидя боком, закинув ноги на огромный подлокотник и устроив голову на спинке. В холодное время года комнату согревал огромный камин, в котором горел огонь. Сейчас он казался заброшенным, как пустая театральная сцена. Я закрыла дверь, на цыпочках подошла к одному из окон и спряталась за портьерами из плотной парчи с переливчатым блеском, подглядывая сквозь щелочку. В библиотеке стояла зловещая тишина.

•

В школе у меня не складывались отношения с числами. В точных науках я была слаба. Читала только те романы, которые выбирала сама, а не те, что велели. Терпеть не могла анализировать литературу. Не выносила вопроса «Что хотел сказать автор?». Ненавидела зубрить даты, события, битвы. История становилась интересной, только когда превращалась в рассказ, иначе она утомляла. Я не любила писать сочинения. Зато у меня была способность к языкам, и к двенадцати годам помимо родного, который двадцать лет назад назывался сербохорватским, пока это название не исчезло, я свободно овладела английским, испанским, итальянским и немецким. Но не

французским. Видимо, он оказался несовместим с моей группой крови. Изучение языков давалось мне легко; я ощущала себя хамелеоном, создавая новый образ в зависимости от того, на каком языке говорила. В детстве я болтала на разных языках с куклами, как это делают девочки во время игры. Когда я выросла, куклы исчезли, а навык подражать чужой речи остался.

•

Незнакомец стоял на прежнем месте и спокойно курил, наблюдая за домом, за полицейскими, сновавшими вокруг, и за кружившими в воздухе цветочными лепестками. Я вела себя по-детски, но лишь потому, что не хотела, чтобы наш короткий и неожиданный диалог оказался иллюзией, самообманом, чем-то, чего на самом деле не было. Поэтому я и задержалась у окна, желая убедиться, что этот мужчина реален. Меня пленили вовсе не его обаятельные остроты и не дерзость улыбки. Меня поразило полное отсутствие напряжения или опасности, когда я находилась рядом с ним.

Как бы мне ни запомнилась наша первая встреча, до конца того дня мы больше не обменялись ни словом, хотя я внимательно следила за каждым его движением.

Докурив сигарету, он вошел в дом. Я тихо при-

открыла дверь и осторожно выглянула в коридор. Гость перекинулся парой слов с нашим адвокатом, и тот отвел его в кабинет Макса.

Балисто, демонстративно не подававший признаков жизни, раздраженно поднялся, недовольный скоплением чужаков на своей территории, и пошел за ними. Это было странно, ведь Балисто никогда не проявлял интереса к незнакомцам и не сопровождал их… разве что по команде.

Убедившись, что посетитель у Макса, я снова проверила, где Чарли, а потом вернулась в дом и незаметно проскользнула в укрытие, откуда был виден кабинет. Толстая стена между спальней Макса и его кабинетом на самом деле была встроенным шкафом с потайными дверцами по обеим сторонам, замаскированными под витражные панели. Любой, кто находился в одной из двух комнат, мог рассматривать абстрактные узоры на стекле, не догадываясь, что за ним подглядывают.

•

Когда Макс купил землю и начал строить дом, то попросил не беспокоить его по поводу архитектуры, планировки комнат, интерьера и мебели. Его интересовал только собственный кабинет. За проект дома отвечала *Мãе*. Она обратилась в

местное архитектурное бюро и работала с ним с первых дней ветреной осени до самой цветущей весны. Вместе они придумали спрятать шкафы внутри стен, сделав их пригодными для хранения… или укрытия. Скрытые раздвижные дверцы, всего полметра в высоту, были оснащены электроприводом и открывались с помощью маленького пульта. Только *Mãe* и я знали их точное расположение, а пробираться внутрь, не считая меня, умел только пес.

•

Сцену знакомства и обмена любезностями я пропустила. Когда я оказалась внутри шкафа и принялась наблюдать, незнакомец уже уютно устроился в черном кожаном кресле напротив стола Макса, а верный Балисто дремал у его ног. Мужчины вели серьезный разговор, но я не слышала ни слова, поэтому осторожно потянула на себя одну из полок — спрятанный механизм открыл узкую щель между стеной и витражной панелью, выходящей в кабинет. Теперь я могла слышать беседу. Гость активно жестикулировал, словно рисуя в воздухе невидимые геометрические фигуры.

Раздался стук в дверь, и в кабинет вошла Пальмира, наша экономка и по совместительству

домашний диктатор. Она катила перед собой сервировочную тележку с двумя стаканами и высоким хрустальным кувшином с ее фирменным ежевичным лимонадом. Разливая темно-рубиновую жидкость, она обрушила на незнакомца лавину вопросов по-испански. Макс сидел за своим массивным столом, не вмешиваясь, и терпеливо ждал, пока Пальмира закончит и уйдет.

Больше всего Макс походил на редактора газеты из пятидесятых годов: высокий и жилистый, в безупречно выглаженной рубашке с небрежно повязанным галстуком. Всегда в жилете и никогда — в пиджаке. Рукава рубашки вечно закатаны. Вытянутое лицо с выразительными карими глазами, изогнутыми бровями и бифокальными очками, которые постоянно съезжали с носа. Волосы аккуратно подстрижены и зачесаны набок.

Сидя за рабочим столом, он мог править миром. Стол был завален папками, блокнотами, распечатками, газетными статьями, зарубежными журналами, карточками с заметками, видеокассетами и грудой тонких синих маркеров. Слева высилась старая пишущая машинка — небесно-голубая «Смит Корона Гэлакси 12» в черном чемоданчике. На ней лежала стопка свежих газет

— как местных, так и иностранных.

Два беспроводных телефона изогнутой формы — черный и серый — стояли на зарядных базах на другой стороне стола. В кабинете не было ни компьютеров, ни фотографий, ни ламп, ни картин на стенах. Только карикатурный портрет Макса, нарисованный уличным художником в Лиссабоне.

Как бы мне ни было любопытно, кто наведался к Максу, я постаралась отстраниться от разговора. Этому я научилась давно — не прислушиваться к беседам отца с другими людьми. Хотя, надо признать, слова все равно проникали в уши, как незваные гости, и оседали в памяти. Я шутила, что у меня в голове, похоже, встроен диктофон.

Посетитель поднялся с кресла, снял бронежилет и достал из-за спины пистолет. Он обернулся, чтобы положить вещи на соседнее кресло, и на его желтой футболке я увидела сиреневую надпись «Лос-Анджелес Лейкерс» — название баскетбольной команды. Мужчина снова сел, скрестил ноги, но теперь молчал и просто потягивал лимонад, внимательно слушая монолог хозяина.

Всей речи Макса я не расслышала: его витиеватую тираду заглушал шум, который издавали полицейские за стенами кабинета. Лишь отдель-

ные фразы пробивались сквозь гул, и одна из них привлекла мое внимание:

— Хочешь кого-то найти — ищи деньги. Деньги всегда выведут на след.

Вскоре голоса в холле зазвучали так громко, что я поняла: полицейские, видимо, закончили обыск и уже уходят. Я собиралась выбраться из укрытия, но вдруг услышала еще одну фразу Макса, которая меня озадачила:

— Страх и жадность — запомни эти два слова. Именно они управляют миром.

Макс любил делиться перлами своей мудрости, но никогда не раздавал чужакам ценных советов при первой встрече.

Я выскользнула из шкафа и вернулась в холл, который был заставлен коробками. В них сложили все, что полиция нашла из бумаг, — словно в этом и заключалась цель обыска и его обоснование. Я увидела модные глянцевые журналы, детские книги, всевозможные счета и квитанции, конверты, личные документы, медицинские заключения, календари, выписки по кредитным картам, даже инструкции к бытовой технике, блокноты с кулинарными рецептами и списки покупок для кухни. Они забрали раскраски моего сына и листы, на которых он рисовал планеты,

ракеты и космонавтов. Упаковали мои фотоальбомы и блокноты с эскизами *Mãe*.

Они даже взяли мой школьный табель, который на самом деле был моим старым личным дневником. Его обложку я обклеила фотографиями поп-звезд и актеров — так в те времена делали все подростки. Большинство снимков с тех пор потускнели, хотя лица Джорджа Майкла, Саймона Ле Бона и Мэтта Диллона по-прежнему смотрелись неплохо. Этот дневник был моим тайным святилищем. Я записывала в него все, что приходило в голову: плохие стихи, путаные мысли, бездумные решения, диеты, планы тренировок, советы по макияжу, важные даты… Кое-где пестрели таблицы спряжения немецких глаголов и повсюду — бесчисленные телефонные номера: магазинов, отелей, даже крупных авиакомпаний с офисами в центре города. Их сотрудники были для нас незаменимы: они занимались организацией наших поездок. Некоторые страницы походили на путеводители по городу — с билетами в театр или музей, приклеенными поверх текста или рисунков… Я записывала цитаты из романов и пьес, пословицы… Старательно заносила в дневник все понравившиеся мне умные фразы, придуманные кем-то другим. «Не тыкай

ягуара короткой палкой», — гласила пословица из Бразилии…

«Хорошая литература может родиться лишь из того, что не является литературой», — сказал Итало Кальвино. Еще я много цитировала Марселя Пруста: «Никогда не следует упускать возможность процитировать чужие мысли, которые почему-то всегда кажутся более интересными и значимыми, чем те, что приходят в голову нам самим». Однако больше всего высказываний в дневнике принадлежало Александру Дюма: «Жизнь — это буря, мой юный друг. В одно мгновение ты наслаждаешься солнечным светом, а в следующее — разбиваешься о скалы»[2].

Больше всего я ценила бесконечные диалоги из фильмов. Стоило услышать реплику или разговор, которые мне нравились, как я сразу их записывала, а потом редактировала, создавая свою версию текста. Главное достоинство бумаги и ручки заключалось в том, что написанное нельзя было стереть. Все оставалось на странице, и даже если я передумывала и вычеркивала слово, оно никуда не исчезало — просто становилось

[2] Сноски: 2

Приписываемая Дюма цитата в действительности представляет собой реплику, которую Эдмон Дантес произносит в экранизации романа «Граф Монте-Кристо» 2002 года. — *Примеч. ред.*

невидимым.

Неприятно было видеть, как полиция забирает дневник, но что тут поделаешь.

Я вышла на улицу за балетками. Полицейские начали выносить коробки из холла и грузить в фургоны. Библиотеку они так и не обыскали. Наверное, даже мысль о необходимости перерыть столько книг вызывала у них усталость. Еще одной комнатой, куда им не позволили войти, был кабинет Макса.

Вскоре полицейские поняли, что не смогут уехать, пока кто-нибудь не уберет «мерседес», изрядно нашумевший при появлении. Но идти на поиски владельца никто не захотел. Поскольку другого выхода не было, рядовым полицейским велели пройти вниз по аллее и ждать у ворот, а начальство отправилось на кухню за угощением. Жизнь в доме вращалась вокруг кухни — наша экономка называла ее *la cocina*. Пальмира была не просто выдающимся кулинаром, она управляла хозяйством по-военному, вынуждая нас безоговорочно подчиняться своим приказам. Нельзя было не признать: свою работу полицейские выполнили на совесть и не нашли ни одного доказательства против Макса. Самое меньшее, что мы могли для них сделать в знак благодарно-

сти, — это как следует накормить.

Я уже поднималась наверх в свою комнату, но, услышав цокот когтей Балисто, поняла, что гость Макса уходит, и поэтому поспешила к входной двери. Перед домом он попросил у полицейского зажигалку, а потом оглянулся, словно кого-то искал. Увидев меня, он подмигнул и помахал на прощание. Я махнула в ответ. Он направился к своей машине, по пути бросив взгляд на две коробки, которые еще не успели погрузить в фургон. Не колеблясь ни секунды и не заботясь о том, следит ли за ним кто-нибудь, он нагнулся, вынул из коробки какой-то предмет, спрятал под куртку и через пару минут уехал.

Тем же вечером, когда все посторонние удалились и домашние наконец смогли перевести дух, мы с Балисто спустились на кухню перекусить перед сном. На обеденном столе лежали свежие малина и черника, на кухонной столешнице — жареный миндаль, в духовке — кукурузные лепешки, в холодильнике — огромные сладкие вишни… Пальмира потягивала терпкую вишневую настойку и тасовала карты Таро. В нашем доме она первой вставала и последней ложилась спать.

•

Я знала Пальмиру всю свою жизнь. До работы у Макса она трудилась поваром в резиденции аргентинского посла. Единственной причиной, почему Макс так часто его навещал, было мастерство, с которым Пальмира готовила морепродукты — особенно рыбу. Когда посол сменился, Макс не упустил шанса переманить ее, предложив более высокую зарплату и полную свободу в ведении домашнего хозяйства, включая право самой подбирать персонал.

Хотя Пальмира жила и работала с нами больше тридцати лет, она продолжала говорить по-испански, изредка вставляя в речь английские слова.

Она была высокой и стройной женщиной с острым носом и узкими губами. Ее главным украшением служили длинные, черные как смоль волосы, всегда заплетенные, закрученные в пучок и украшенные заколками в виде маков. Она обожала носить наши народные костюмы: красную или зеленую плиссированную юбку ручной работы, белую холщовую блузу и елек. Елек — это короткий жилет бордового цвета, обычно из бархата, расшитый вручную золотыми узорами: цветами, листьями или гербами.

Точно так же, как некоторые люди по вечерам

проверяют прогноз погоды на завтра, Пальмира перед сном обязательно обращалась к картам за советом.

•

Я открыла холодильник и достала несколько ломтиков копченой говядины. Балисто тут же сел рядом, давая понять, что он тоже не против перекусить. Мы поделили мясо.

Пальмира уговорила меня разложить карты и загадать желание.

— Но будь осторожна, — предупредила она. — *Los deseos pueden ser peligrosos, especialmente si se hacen realidad.*

«Желания могут быть опасны, особенно если сбываются».

Балисто зевнул и приподнял усы, будто спрашивая, можно ли ему тоже загадать желание — скорее всего, о том, чтобы я снова открыла холодильник. Увидев в моих глазах сомнение, Пальмира протянула колоду, чтобы я ее перетасовала.

– *К нам сегодня пожаловал очень интересный invitado,* — продолжила она, имея в виду нашего гостя. — *Es un periodista chileno. Vino a entrevistar al Señor Maksimo.*

«Он журналист-чилиец. Приехал взять интер-

вью у сеньора Макса».

Пальмира по праву гордилась своими дедуктивными способностями. Она была нашим лучшим шпионом-любителем и одинаково ловко вытягивала нужные сведения как из незнакомого полицейского, так и из прислуги.

Однако в версии Пальмиры меня смутили явные несостыковки: (а) отец никогда не разговаривал с журналистами, независимо от того, откуда они; (б) этот якобы репортер приехал одновременно с полицией.

Я не слишком доверяла умению Пальмиры предсказывать будущее. Тем не менее загадала желание — увидеть этого *chileno* снова, — левой рукой сняла верхнюю часть колоды, собрала карты обратно в стопку, разложила в прямую линию, ткнула в одну из них пальцем и перевернула.

– *El Loco,* — произнесла Пальмира, поднимая бокал. — Шут. Значит, тебя ждет приключение. В чьей-то компании.

«Кто же тогда шут?» — подумала я.

Прошлое. Часть 2

Формально у Макса была только одна дочь — я, и никто в этом не сомневался. Неформально же за эти годы он «усыновил» немало молодых парней. Им всем требовался наставник, а кто лучше Макса мог показать, как устроен мир? Он был очень внимателен к своим подопечным. Если кто-то из них оказывался умным, красноречивым или талантливым, Макс не позволял этим способностям пропасть зря: отправлял юношей в университеты, чаще — в ремесленные училища, пару раз — за границу…

Макс никогда не пытался подражать Крестному отцу. Он не вербовал парней, ожидая от них ответных услуг в обмен на поддержку. Он просто пытался наладить их жизнь. Если же он видел в ком-то потенциал, которому сам не мог найти применения, то все равно не давал дару пропасть — рекомендовал парня знакомому или знакомому знакомого. Кто-то сказал бы, что Макс лез не в свое дело. И не ошибся бы. Суть была в том, что вмешательство в чужую жизнь позволяло Максу чувствовать себя хорошим человеком.

•

Всем знакомы истории о проходимцах из глубинки, мошенниках, аферистах, ловкачах и ворах, которые со временем оттачивают свое мастерство до совершенства и стремительно добиваются ошеломительного успеха. О них пишут книги, их увековечивают в кино. С Максом все вышло точно так же.

В молодости у него не было выбора — пришлось играть теми картами, которые выпали. А выпали ему социализм и коммунизм. В конце пятидесятых частной собственности не существовало, все в той или иной форме принадлежало государству. Макс вырос в бедной семье, его отец был единственным таксистом в их маленьком городке. Большим наследством там и не пахло, так что довольно рано Макс понял: пробиваться в люди нужно с помощью ума и амбиций. Он встраивался в любую систему и везде, где представлялась возможность проявить лидерские качества, своего не упускал. Его путь к успеху начался еще в школе и продолжился во взрослой жизни.

Во время учебы в университете он подрабатывал сочинительством коротких криминальных рассказов, которые публиковались в одной из местных газет. Позже занимал там редакторскую

должность. Стать главным редактором Макс не стремился, ему больше нравилось ездить в командировки, бывать на премьерах и концертах, брать интервью у знаменитостей: актеров, режиссеров, футболистов, музыкантов и самопровозглашенных творцов… Политические темы подвергались жесткой цензуре, но в сфере культуры, спорта и развлечений планка была гораздо ниже — здесь все крутилось вокруг громких историй. Спросом пользовались сенсации, скандалы и слухи.

Макс постоянно вступал в разные организации: клубы, общества, комитеты, политические советы, ассоциации, министерства, профсоюзы. Больше всего он любил возглавлять делегации — ему нравилось представлять чьи-либо интересы. Обычно он представлял свои собственные. Он был вездесущим, как утренняя роса. Официальных постов не занимал, числился консультантом или советником, однако при этом все знали: нужно решить вопрос — обратись к Максу. Упорно избегал он одного — членства в коммунистической партии, в которую Макс наотрез отказывался вступать. В те времена если ты не состоял в партии, то не имел будущего, но отец оказался исключением из правил. Он был слишком изворотлив и хитер.

Он выучил английский с нуля, просто слушая, как говорят другие, запоминая слова и подражая произношению.

Однажды он сказал мне, что его секрет в терпении. Чтобы выжить, нужно наблюдать и слушать, а чтобы победить — заранее все просчитать, действовать быстро и остаться в живых.

— Зачем ты это сделал? — как-то спросила я много лет спустя, когда Макс уже был стар и слаб, хотя его ум оставался по-прежнему острым. — Зачем построил свою маленькую империю?

— Ради власти и денег. Зачем же еще? — ответил он, не раздумывая.

•

Макс обожал рыбалку. Лето он проводил на одном из островов Адриатического моря, где снимал полуразрушенный каменный домик на галечном пляже — в семи секундах ходьбы от воды. Неподалеку, в пятидесяти метрах от берега, была пришвартована моторная лодка, которой разрешалось пользоваться. Каждое утро на рассвете Макс отправлялся на ней на рыбалку.

Его секретом была наживка из мелких кальмаров. Замороженных. Когда он впервые приехал в ту деревню, местные потешались над городским парнем с замороженной наживкой — да кто ж

так рыбачит? Его высмеивали за глаза, но вскоре Макс доказал, что они ошибались. Сначала поймал пагеля весом в четыре килограмма, а на другой день — красную скорпену примерно такого же размера. Макс никогда не возвращался с рыбалки без крупного улова; чаще всего это была рыба, которая водилась в более теплых водах или считалась исчезнувшей. Местные своего мнения о чужаке не изменили, однако заинтересовались. Неужели существуют в мире заклинатели рыб?

Неподалеку был еще один крошечный остров с бухтой, хорошо известной морякам как надежное убежище на ночь во время шторма или высоких волн. На островке никто не жил, кроме Роко. Он был настоящим исполином: ростом больше двух метров, широкоплечий и по-своему привлекательный — нечто вроде пещерного человека с обликом морского бога. Никто не знал, как он там оказался. Роко обслуживал парусные лодки: занимался мелким ремонтом, оказывал морякам первую помощь и снабжал их пресной водой, которую привозил в красных пластиковых канистрах с большого острова. Но со временем, когда лодок стало больше, ему пришлось превратить бухту в подобие гавани и ремонтной станции, а заодно расширить ассортимент товаров за счет

меда, сырого миндаля, оливок и свежего хлеба… Пища, которую он предлагал, была простой и спартанской. Роко завел коз, принялся делать козий сыр, посадил инжир, потом — виноград, собрал крупные сочные гроздья и в конце концов даже занялся виноделием.

Вскоре в бухту начали заходить парусники и моторные лодки покрупнее, и Роко соорудил импровизированные душевые кабинки с дождевой водой, а затем нашел способ хранить топливо. Он знал всего пару слов по-английски и по-немецки, но понимал, что без языка не обойтись. Кто-то из местных посоветовал ему Макса — городского паренька с волшебной удочкой. Макс с энтузиазмом согласился помочь и обучил Роко не только английскому, но также тому, как брать с владельцев лодок в десять раз больше за свои услуги и товары.

Следующим летом Макс убедил Роко построить на острове ресторан, где туристов угощали свежей рыбой, которую Макс сам ловил и жарил по вечерам. Он смешивал оливковое масло, петрушку и чеснок в маленькой миске, а затем большой кистью смазывал рыбу, пока та подрумянивалась на открытом огне.

Остальное было лишь делом времени, и вскоре

спартанское убежище в сердце Адриатического моря, не обозначенное ни на одной карте, привлекло внимание самой взыскательной публики — богатых и знаменитых. Как только в бухту начали заходить их яхты, запросы клиентов изменились: теперь они требовали шампанское, черную икру, трюфели, испанский хамон иберико, японские грибы мацутакэ… И снова на помощь пришел Макс: наладил надежные поставки из соседних стран и организовал ввоз всего, что можно было купить за деньги, — иначе говоря, контрабанду. Наличную выручку он увозил домой, но когда понял, что не успевает тратить заработанные доллары и немецкие марки, то стал искать способы вложить деньги. В те времена, когда люди встречались лично, беседовали, договаривались и пожимали друг другу руки, это было несложно. Контракты заключались устно и хранились в памяти, а не скреплялись цифровой подписью. Негласные договоренности соблюдались, а обязательства выполнялись.

Но капризные гости не успокаивались — врожденная скука, прописанная у них в ДНК, толкала их на поиски новых острых ощущений. Им понадобился кокаин. Что оставалось Максу, кроме как достать и его?

Для него это был всего лишь товар, как и любой другой, и даже его поиск не составил труда. Достаточно было обратить взгляд на противоположный берег Адриатического моря — Италию.

•

Перевозка кокаина в Европу отличалась от схем его доставки в Америку. Пока американцы тратили огромные суммы на борьбу с наркоторговлей в Южной Америке, используя свое знаменитое Управление по борьбе с наркотиками, в Европе попытки пресечь контрабанду почти не предпринимались — здесь этим занимались всего несколько полицейских подразделений. Исторически роль моста между Европой и Южной Америкой играла Испания. Позднее наркобароны нашли другой маршрут — через Северную Африку в Италию. «Так произошла встреча великих умов», — сказали бы некоторые.

•

Однажды, получив наводку от владельца одной из яхт — куда поехать и с кем встретиться, Макс собрал вещи и отправился на «каблук» Южной Италии, в Бари, а затем — с восточного побережья на западное, в Неаполь. Как никому не известному человеку вроде Макса удалось попасть в наркобизнес? Легко. Европа была открытым

рынком, и любой человек с деньгами, связями и нужными знаниями мог заняться торговлей кокаином. Насилие почти не встречалось — никто не контролировал границы, и за пути доставки не приходилось бороться.

Первоначальной целью Макса было наладить короткий, но регулярный маршрут: из Бари в Сплит — крупнейший порт на побережье Далмации.

В долгосрочной перспективе он собирался расширить сеть до стран Северной Европы. Все это было бы невозможно без поддержки на самых верхах государственной власти. В те времена страна называлась Югославией и состояла из шести республик — своеобразных мини-государств внутри одной страны. Макс использовал свои политические связи, чтобы создать децентрализованную и многонациональную преступную сеть, благодаря которой его подпольная империя процветала.

Когда он нашел посредника, который поставлял кокаин и переправлял его в Италию, то занялся поиском специалистов по логистике в каждой из республик. По сути, они становились партнерами Макса, закрепленными за определенными территориями и ответственными за перевозку

кокаина. Со временем они освоили сложную систему транспортировки — сначала на машинах, затем на фургонах, а позже на грузовиках. Все держалось на хрупком, но достижимом балансе между преступниками, местной полицией и политиками. Крупнейшая сеть по контрабанде кокаина, простиравшаяся из Италии через Балканы на север до самой Германии, получила название Ядранский, или Адриатический, картель.

•

Пока Роко держал оборону на хорватском побережье, у Макса появилась возможность заняться легальным бизнесом в столице Югославии, Белграде. А именно — в сфере медиа. Не вмешиваясь в работу государственной пропаганды и не затрагивая подцензурные темы, он убедил правящую партию в том, что его интересует исключительно индустрия развлечений. Ему позволили запустить телеканал, радиостанцию и ежедневную газету под названием *«MP»*.

Макс лгал, что эти буквы — инициалы его родителей, хотя на самом деле они означали *money* и *power* — «деньги» и «власть». Забавно, что на сербохорватский эти слова переводились как *pare* и *moć* — с теми же инициалами, только в обратном

порядке. По мнению Макса, перед деньгами и властью не могло устоять большинство людей.

Летом 1994 года вечно ищущий новые вызовы Макс стал одним из трех крупнейших операторов мобильной связи в стране. В первый год у его компании едва ли набралось бы пять тысяч абонентов. Мобильные телефоны стоили дорого, требовались не каждому и уж точно не всем были по карману. Макс вложил крупные суммы в рекламу. Через два года число абонентов превысило двадцать тысяч и продолжало расти. Однако летом 2007 года Макс открыто заявил, что смартфоны — это конец цивилизации, и категорически отказался приобретать такой гаджет.

Со временем характер преступного бизнеса изменился. Многие партнеры умерли, отправились на покой или просто исчезли; технологии развивались слишком стремительно, чтобы чувствовать себя в безопасности. Наличные как форма расчета уходили в прошлое.

Я никогда не была частью преступной машины. Макс позаботился о том, чтобы я не имела отношения к его делам. Время от времени меня использовали как приманку, если нужно было кого-то ввести в заблуждение или заманить в ловушку, но свидетелем преступлений я не была.

С другой стороны, только со мной Макс всегда был откровенным — прямолинейным, точным, без прикрас. Он никогда не лгал мне. Не думаю, что он стремился передать мне свои знания: понимал, что меня интересует совсем другое. Он хотел объяснить, как устроен мир: «Если будешь хорошей, станешь соблюдать правила и поступать правильно, то неизбежно столкнешься с теми, кто эти правила нарушает. Лучше научись быть нехорошей, а потом используй этот навык, чтобы добиться своего».

•

Через два дня после полицейского рейда в Саличе, ранним утром второго июля, я переехала мост, соединяющий остров с материком. Мест, где мне нравилось бывать, было не много, за исключением одного — ресторана под названием *«Перец»*. И в дождь, и в солнце — в любую погоду он был для меня тихой гаванью и укрытием от пульсирующего городского шума.

Когда-то «Перец», с открытой кирпичной кладкой, желтыми цветами форзиции весной и раздвижной крышей, считался модным заведением. Укромное место для тех, кто предпочитал сдержанную роскошь с местным колоритом. Интерьер был оформлен тяжелой и ценной

антикварной мебелью: столами из вишневого дерева, мягкими креслами с высокой спинкой, мраморными статуями и позолоченными рамами в мягком свете хрустальных ламп. Заведение славилось фирменным блюдом — ягненком с картофелем, запеченными в большом овальном керамическом горшке под названием *sač*. Его накрывают крышкой и оставляют томиться несколько часов в золе или на горячих углях.

На огромной террасе с потрясающим видом на реку когда-то играл живой оркестр, а столик могли забронировать только члены коммунистической партии, их друзья, подруги и иностранные гости. Пять лет назад, когда местные власти построили рядом открытый продуктовый рынок, отобрав у ресторана парковку, публика изменилась. На рынке продавали не только свежие овощи, фрукты, молочные продукты, копчености и рыбу. Там были рады любому, кто приносил всякий хлам: мебель, автозапчасти, антикварные безделушки, даже военное снаряжение и мелких животных… Из-за слишком узких улочек вокруг рынка припарковаться было невозможно, и большинство продавцов приезжали после полуночи, чтобы разгрузить фургоны и разложить товар на прилавках. До открытия у них оставалось много

свободного времени, поэтому «Перец» служил их ночным салуном, который никогда не закрывался. Оркестр исчез, весь персонал ушел на пенсию, за исключением тех, которым некуда было податься. Один из них, бывший парковщик, теперь мыл машины за чаевые. А по вечерам он превращался в штатного аккордеониста, игравшего одни и те же пять итальянских мелодий снова и снова. Среди них были «Белла чао» и «Марина».

•

Я взяла одну из машин Макса. Точнее, это была самая первая машина, которую он купил себе сам, — красная «Альфа-Ромео Джульетта Спайдер». Если вы когда-нибудь видели такую, то наверняка запомнили, когда и где это было. Для езды по мощеным улочкам она была куда удобнее всех наших более крупных машин.

Водить меня научил Попкорн — самый старый сотрудник Макса. Прозвище он получил от собственной матери, которая либо была ужасной женщиной, либо отчаянно хотела дочь. Она родила четырех сыновей, но никогда не называла их по именам — только болванами, дурнями, балбесами или же идиотами. Когда на свет появился пятый, она, по слухам, посмотрела на младенца и сказала: «Еще один попкорн». Так прозвище и

приклеилось.

•

Я остановила машину перед рестораном. По утрам парковщик, как обычно, сидел в деревянном кресле-качалке у входа, а на столике рядом были аккуратно расставлены его привычные кухонные принадлежности: медная турка, кофейная чашка с черно-белой эмблемой футбольного клуба, хрустальная вазочка с кусочками сахара-рафинада, тарелка рахат-лукума с ароматом розовой воды и стеклянная баночка с вареньем из белой черешни. Он пил очень горький турецкий кофе и обязательно заедал каждый глоток чем-то сладким. Читал местную газету, интересуясь только историями о человеческих трагедиях, случившихся в городках и деревнях, о которых никто не слышал. Каждый раз, натыкаясь на заметку об очередном несчастье, он говорил мне: «Бог не видит, что происходит у Него за спиной, так что, если придет беда, синьора, постарайтесь оказаться у Него перед глазами». Он всегда носил старую военную форму, независимо от времени года и погоды.

Другим напоминанием о былой славе ресторана оставалась коллекция огромных керамических горшков терракотового цвета с растениями: от

лавра и магнолий до самых обычных яблонь. Они стояли вдоль стены на террасе и в летний зной давали густую тень. А еще там был подвесной сад с жасмином и пассифлорой. Коты, кормившиеся на рынке неподалеку, постоянно приходили в ресторан подремать, извивались между горшками и сворачивались клубком, принимая для сна самые неудобные позы.

Мой любимый столик находился под оливковыми деревьями в дальнем углу. Когда Чарли подрос и у меня появилось больше свободного времени по утрам, я часто заходила на рынок. Но еду для дома я никогда не покупала, этим занималась Пальмира, и вмешиваться в ее дела означало только одно — обеспечить себе головную боль. Все свои покупки я раздавала: мальчишкам, гоняющим мяч на соседней улочке, мамам с детьми в ближайшем парке, иногда строителям, чаще всего — пенсионерам. Просто мне хотелось, чтобы у них были свежие фрукты и овощи с рынка.

Парковщик приветствовал меня, отсалютовав правой рукой. Это был наш шуточный ритуал. Увидев Балисто на заднем сиденье «альфа-ромео», он вздохнул и пошел за пылесосом, чтобы убрать из салона собачью шерсть. Одновременно он подал знак официантке приготовить мне кофе.

Присутствие собаки не раз вызывало панику среди спящих котов — они всегда чувствовали его приближение. Если бы я позволила, он бы сорвался с места, помчался к ним, а коты подскочили бы вверх, опрокидывая и разбивая горшки с неизвестными цветами, и с немыслимой скоростью метнулись бы через террасу в кусты. Однако Балисто грациозно вышагивал рядом со мной на поводке. На его шее был кожаный ошейник с подкладкой из красного шотландского твида и брелоком в виде большой серебряной буквы «Б». Коты узнали пса по звуку шагов, одновременно открыли глаза и вздрогнули, а я задержалась у входа на несколько минут, давая им возможность уйти с достоинством. Балисто наблюдал за ними и запоминал, кто куда убежал.

За одним из столиков в противоположном углу я увидела трех пожилых дам, игравших в рамми. На их запястьях блестели тонкие браслеты, а ногти покрывал ярко-розовый лак. Тихий звон украшений при каждом движении их рук был единственным звуком поблизости.

Других гостей в ресторане не оказалось. Идеальная обстановка, чтобы спокойно подумать.

Подойдя к своему столику, я сказала Балисто:

– *Platz nehmen.*

Это означало, что он должен лечь и не двигаться, не обращая внимания на котов. Я намеренно обучала его командам на немецком, чтобы никто, кроме пса, их не понимал и не мог отдавать ему приказы. Балисто прижал уши и растянулся на полу, выложенном плиткой.

Как только я села, мне принесли кофе и свежее ореховое печенье. Балисто приподнял нос в предвкушении, вдыхая сладкий аромат.

Когда я закурила, в ресторан неспешно вошел *hombre misterioso*, таинственный незнакомец, виденный позавчера. Руки в карманах джинсов, солнцезащитные очки на макушке. Казалось, что он заходил сюда каждый день.

Балисто поднял голову, наклонил ее сначала в одну сторону, потом в другую и посмотрел на посетителя с любопытством, задаваясь тем же вопросом, что и я: какого черта он здесь делает?

Мужчина направился прямо к моему столику и, прежде чем сесть, протянул мне руку:

— Доброе утро. Не возражаешь, если я выпью с тобой чашечку кофе?

При звуке его голоса в груди у меня что-то дрогнуло, разливаясь теплом.

На мгновение я растерялась, не зная, что делать, и машинально пожала ему руку. Его кожа

была сухой и теплой, а улыбка — ослепительной. Он сразу понял, что застал меня врасплох, и, возможно, именно этого и добивался. Сегодня на нем была фиолетовая футболка с большими белыми буквами *NYU* на груди, заправленная в джинсы. Его волосы лежали мягкими волнами, будто он их только что вымыл и высушил на утреннем солнце.

Мужчина сел, откинулся на спинку стула, съехал немного вниз, вытянул длинные ноги и закинул одну на другую. На нем были темно-синие кроссовки «Найки» с белым логотипом и носки в разноцветный горошек: индиго, фуксия и цвета морской волны. Он поднял руки, заложил их за голову, переплетя пальцы, и сказал с непринужденной легкостью:

— Я все время думал о цвете твоих глаз, очень уж он необычный. Такой глубокий и неуловимый… — Он замолчал, словно пытаясь ухватить собственную мысль, а затем продолжил: — И вот сегодня утром меня осенило. Знаешь, что такое ликер «Шартрез»?

Он просиял, будто выиграл конкурс и ждал награды.

— Нет, — ответила я, все еще ошеломленная тем, что снова его вижу.

— Его придумали французские монахи, он травяной и на вкус довольно противный. Сам я его не люблю. Но у него зеленый цвет… Точно такой же, как у твоих глаз.

Здравый смысл подсказывал встать и уйти, не позволяя втянуть себя в разговор, — и все же я осталась. Никогда не пыталась противиться искушению. Вероятно, чилиец проследил за мной от дома, но тогда я бы услышала оглушительный рев коричневого «мерседеса» задолго до того, как увидела бы его в зеркало заднего вида. Или же кто-то сообщил ему, где меня искать. Вариантов было не много.

— Меня зовут Себастьян, — представился он. Потом заметил ореховое печенье на фарфоровом блюдце рядом с моей чашкой кофе и взял, не спросив разрешения.

— Только одно? — уточнила я.

— Одно что? — озадаченно переспросил мужчина.

Печенье ему понравилось, и он начал собирать пальцами крошки и кусочки грецкого ореха с блюдца. Я пододвинула угощение ближе к нему.

— Имя, — ответила я. — Разве у тебя только одно?

Он облегченно вздохнул. Наверное, решил,

что я говорю про печенье и больше ему не достанется.

— Себастьян Габриэль Вальдивия Сото. Все зовут меня Лютик. — Он расплылся в широкой улыбке и добавил: — Шучу.

— Жаль, — ответила я, стараясь не выдавать интереса к его словам, но тут же передумала и быстро добавила: — Персидский лютик — мой любимый цветок. Я бы привыкла тебя так называть.

Он проглотил еще одно печенье в форме полумесяца — похоже, был голоден.

— Мне следовало представиться в прошлый раз, — сказал он. — Если честно, я тогда не знал, кто ты.

— Почему люди говорят «если честно»? Потому что в остальное время они лгут?

Реплика была в моем стиле — я всегда уводила разговор в сторону, как только начинала нервничать. Я окунула чайную ложку в кофе и подняла ее. К ней прилипла воздушная молочная пенка.

Балисто, все это время наблюдавший за Себастьяном, наконец решил действовать. Его стратегия была проста: продемонстрировать свое великолепие, положив пушистую голову Себастьяну на бедро, и выразительно на него

посмотреть, вымаливая последнее печенье. В переводе на человеческий язык его взгляд означал: *«Я бедный щенок. Меня никто не кормит»*. Прием сработал.

— Умница, правда ведь? — проворковал Себастьян, почесывая пушистую шею овчарки.

— Его зовут Балисто. Он у меня для охраны.

Я тотчас поняла, как глупо прозвучали мои слова. Балисто никогда бы не причинил вреда человеку — только если бы я приказала.

— Разве ты не одна из самых охраняемых женщин в мире? — поддразнил меня Себастьян, явно зная, кто я такая.

В отличие от большинства людей, которые при разговоре со мной либо нервничали, либо пугались, этот мужчина источал особенное спокойствие, от которого и мне становилось легче.

— Кто ты на самом деле? — проигнорировала я его вопрос и чуть подалась вперед, сохраняя положенную между двумя незнакомцами дистанцию.

— Что ты имеешь в виду? — переспросил он невинно.

И снова улыбка Чеширского кота. Свет в глазах.

Он ласково почесывал Балисто за ухом, но,

когда печенье закончилось, пес вернулся на мою сторону стола и лег рядом, разочарованный.

— Я не верю, что ты журналист, — призналась я, решив не скрывать то, что слышала.

— Правда? И почему же?

В его взгляде блестело веселье. На самом деле у него были грустные глаза, в их шоколадной глубине таилось скрытое горе. Но стоило ему начать флиртовать, как эта тьма искрилась искриться, словно внутри вспыхивали огоньки.

Вдруг я услышала, как аккордеон заиграл известную итальянскую песню «Ты хочешь быть американцем». Это было неожиданно, потому что днем в ресторане музыка никогда не звучала. Однако припев как нельзя лучше подходил к нашему разговору.

Скрестив на груди руки, я с вызовом произнесла:

— Не могу понять, откуда ты.

Он провел большим и указательным пальцами по усам, позволяя мне строить догадки.

— Когда ты говоришь по-испански, у тебя меняется тембр голоса, — продолжила я. — И ты путаешь времена, будто давно не было разговорной практики.

«*И журналисты не носят с собой оружие*», —

хотела добавить я, но сдержалась.

– *¿Hablas español?* — спросил он.

– *No solo hablo español, también sueño en español.* Я не просто говорю по-испански, я даже сны на нем вижу.

— А когда ты слышала, как я говорю по-испански? — удивленно спросил Себастьян, прокручивая в голове свой визит два дня назад.

Черт. Я сама себя выдала, совершенно забыв, что пряталась, когда Пальмира подавала лимонад. С этим человеком моя привычка соблюдать осторожность исчезала. Я не могла признаться, что подглядывала за ним в кабинете Макса, поэтому снова проигнорировала вопрос и перевела разговор на другую тему:

— А почему ты носишь футболки с логотипами? Кого-то пытаешься впечатлить?

Надеялась, что он расскажет, учился ли в Нью-Йоркском университете.

— Чтобы впечатлить тебя, одного университетского логотипа явно мало, — ответил он и поднял руку, подзывая официантку. — Я просто люблю яркие футболки, а фиолетовый — мой любимый цвет. Вот и все.

Официантка подошла, чтобы принять заказ.

– *¿Puedes traducirme?* — попросил меня Се-

бастьян.

Я согласилась помочь с переводом. Он заказал три двойных эспрессо в трех отдельных чашках, несколько кубиков льда в высоком бокале и еще орехового печенья. Официантка уточнила, что печенье называется *orasnice* и в его рецепте только четыре ингредиента: измельченные грецкие орехи, яичные белки, сахар и лимонный сок.

— Насчет моего испанского ты права, — сказал Себастьян. — Я давно на нем не говорил.

Он достал из заднего кармана пачку сигарет и бросил на стол.

— Я родился в Сантьяго, но мы уехали из Чили, когда я был еще младенцем. Моя семья, скажем так, не очень ладила с сеньором Пиночетом. Ну, то есть с его режимом.

Имя чилийского президента мне было знакомо. Себастьян потер подбородок:

— Мы жили в разных странах: сначала в Европе, потом переехали в Техас, затем в Калифорнию… Я учился в Нью-Йоркском университете, футболка оттуда. А ты? Всю жизнь провела здесь?

Он был умен: рассказывал только необходимое, а потом задавал собеседнику тот же вопрос. Но в такие игры можно играть и вдвоем, поэтому я ответила с долей иронии:

— Конечно. С рождения тут живу.

Балисто, видимо, учуял из кухни свежую партию печенья. Он встал, подошел к Себастьяну и сел рядом. На этот раз в его янтарных глазах читалось: «*Я снова здесь, амиго. Давай поедим*». Меня позабавило, как быстро они нашли общий язык, и я даже послала псу мысленный сигнал: «*Я прекрасно понимаю, почему тебя так и тянет к нему*».

Когда принесли кофе, Себастьян вылил три чашки эспрессо в стакан со льдом. Я много всего повидала, но такого способа пить кофе еще не встречала, поэтому решила взять то же самое, добавив к заказу подогретое молоко. Эспрессо я предпочитала с теплым пенистым молоком. Его сладость идеально уравновешивала горечь и подчеркивала вкус кофе. Когда официантка отошла, я принялась ломать голову в поисках умного вопроса, но в присутствии Себастьяна мои мысли путались.

— Не понимаю, зачем ты следил за мной и явился сюда. Людям, которые приходят к Максу, обычно нет до меня дела.

— А если мне до тебя дело есть?

Мне нравился его флирт больше, чем следовало бы. «Что ему нужно на самом деле?» — гадала я.

— Кем же ты хочешь для меня стать?

Он опустил голову, слегка покраснев, а потом посмотрел на меня:

— Другом.

Его уклончивость была под стать моей настороженности. Я решила зайти с другой стороны:

— Долго ты здесь пробудешь?

Он взял печенье, разломил его пополам и поделился с собакой.

— Сегодня и завтра. Потом уеду. Я живу кочевой жизнью. Одолжишь еще раз зажигалку?

Я достала из портсигара еще одну сигарету. Себастьян щелкнул моей зажигалкой, и над ней сразу же вспыхнул огонек. Я подалась вперед. Пламя коснулось кончика сигареты, окрасив его в оранжевый цвет. Я накрыла его руку своей и подержала ее секунды на три дольше, чем следовало, потом убрала и откинулась назад, не сводя с него взгляда.

Когда принесли мой кофе, я вылила двойной эспрессо на лед и добавила молоко. Жидкости на мгновение застыли, словно раздумывая, смешиваться или нет, после чего сдались и создали настоящий вихрь цвета. Оттенки коричневого и белизна молока превратили стакан в истинное произведение искусства.

Я вертела в пальцах кулон в виде компаса, который висел на тонкой цепочке у меня на шее. *Mãe* купила его для меня в антикварной греческой лавке на Корфу. Я любила его не из-за банального символизма: мол, компас указывает правильный путь. Я все равно никогда не следовала заданному курсу. Мне просто нравилось значение самого слова. Оно происходило от латинского *com* — «вместе» и *passus* — «шаг». На самом деле *compass* значит «идти вместе».

Нас окружала уютная тишина, даже дамы с картами прекратили щебетать и притихли. Себастьян смотрел на меня, затягиваясь сигаретой, а потом наконец сказал:

– *Mira*, послушай… Как мне завоевать твое доверие?

— Никак, — честно ответила я, выпуская струю сигаретного дыма. — Но мне нравится, как ты пьешь кофе. Ты показал мне что-то новое, а это не каждому удается.

Себастьян стряхнул пепел в пепельницу.

— Ладно, хочешь сделать наш разговор поинтереснее и развеять свои подозрения?

Я не совсем поняла, что он имеет в виду, но позволила ему продолжить.

— Задаем друг другу по три вопроса и обещаем

отвечать честно. Идет? Можешь спрашивать что угодно. Я — тоже.

Занятное предложение. Его вопросов я не опасалась, но меня беспокоила необходимость на них отвечать. Он наверняка спросит что-то о Максе. Конечно, я могла бы соврать, но тогда терялся весь смысл придуманной им игры. К тому же люди, за которыми я наблюдала с детства, были чемпионами по вранью, преувеличениям, лицемерию и полному искажению истины. Поэтому я приняла вызов и начала первой.

Я:

— Зачем ты носишь оружие?

Он:

— Для защиты. Сегодня у тебя день рождения?

Я:

— Да. Что ты взял из коробки перед нашим домом?

Он:

— Твой дневник. Почему ты не носишь обручальное кольцо?

Я:

— Оно было велико и все время соскальзывало. У меня будут из-за тебя неприятности?

Он (после паузы):

— Нет. Если будешь сотрудничать.

Вот оно — волшебное слово. *Сотрудничество*. Кодовое название схемы «ты — мне, я — тебе», только вот обмен чаще всего оказывается неравноценным. Я почти не сомневалась в том, что Себастьян — представитель какой-то силовой структуры, однако во мне теплилась надежда, что он действительно журналист и вот-вот достанет диктофон или блокнот. Я затушила сигарету в пепельнице и с неохотой поднялась. Решила уйти и все обдумать. Чем дольше я находилась рядом с Себастьяном, тем больше запутывалась. Я взяла поводок и пристегнула его к ошейнику Балисто. Пес поглядывал на тарелку с печеньем, мечтая получить еще одно на дорожку. Себастьян схватил меня за запястье.

— У меня остался еще один вопрос. Мы же договорились.

— Спрашивай.

Его прикосновение не вызвало у меня отторжения. Скорее, наоборот — оно было приятным.

— Когда я смогу тебя снова увидеть?

И вновь он застал меня врасплох. Неужели действительно думал, что я встречусь с ним где-то в городе? За бокалом вина? Или на прогулке? Где бы мы ни встретились, это выглядело бы неуместно. Он явно хотел получить информацию, а не осмат-

ривать местные достопримечательности. К тому же город не предлагал ничего, кроме раскаленного бетона и выжженных изнутри, истощенных людей, которых я старалась обходить стороной.

Единственным местом, куда я любила ходить помимо ресторана «Перец», был ближайший лесистый холм с небольшим кладбищем на вершине. Оно называлось *Memento mori* — «Помни о смерти». Древним надгробиям и прекрасным каменным тропинкам было более трехсот лет. Там царила божественная тишина. Я часто бывала на кладбище ради компании тех, кто по-настоящему обрел покой, — мертвых. Но пригласить туда Себастьяна значило подвергнуть его опасности. Хочу ли я этого?..

— Зачем же нам видеться? — спросила с волнением я, не зная, готова ли услышать правду.

— Мне нравится твое общество, — ответил он и отпустил мою руку. — А жизнь такая короткая… Почему бы не встретиться еще раз?

Я думала о том же, но свои мысли скрывала. Как объяснить себе, почему рядом с Себастьяном мне становилось так спокойно? В присутствии этого чилийца я чувствовала себя так, будто к пылающему лбу приложили холодную ткань. Это ощущение выходило за рамки физического

влечения. Себастьян казался добрым, ранимым и понимающим одновременно. Конечно, его мотивы не внушали доверия, однако его натура не вызывала у меня ни тревоги, ни опасений. Напротив, находиться рядом с ним было на редкость приятно.

Я не могла найти разумного объяснения тому, что незнакомец, появившийся в моей жизни меньше двух суток назад, пробуждал во мне теплые чувства. Словно из глубины памяти всплыл любимый, давно позабытый образ. Или как будто он снился мне много раз, но забывался сразу после пробуждения. Труднее всего было принять случившееся, не заподозрив, что я схожу с ума. Я никак не могла обосновать происходящее. Об этом мужчине я не знала ровным счетом ничего.

Балисто поднял на меня вопросительный взгляд, недоумевая, почему мы стоим на месте, если он уже на поводке. Я погладила его по голове, оттягивая момент ухода. Сделала последний глоток из стакана. Растаявший лед превратил эспрессо в холодную воду с привкусом кофе. Не сомневалась я лишь в одном — встреча с Себастьяном вне стен нашего дома слишком опасна для него.

Имелся и другой вариант. После обеда у Макса

была запланирована партия в ятзи. В доме останутся лишь игроки и несколько охранников.

Особо не задумываясь, хорошая ли это мысль, я сказала:

— Приходи к воротам чуть позже трех — я тебя впущу. Покажу сад и фруктовые деревья. Все остальное ты уже видел.

Он кивнул в знак согласия и снова подмигнул мне.

Мы оба понимали, что мои слова могли оказаться ложью, даже ловушкой. Если он не откажется пойти на риск, значит я — тоже.

Остров, на котором жила моя семья, давно превратился в загадку для посторонних. Многие строили предположения о том, что на самом деле скрывается в его лесах. За эти годы я слышала и читала разные истории: будто на острове есть аэропорт, хотя для взлетно-посадочной полосы там не хватало места; что в секретных пещерах у нас полно золота и краденых драгоценностей, хотя на острове вовсе не было скал; что мы оборудовали подземные хранилища, похожие на современные лаборатории, чтобы держать там психотропные вещества всех видов и форм, хотя на деле под нашим домом не было ничего, кроме винного погреба; что якобы под рекой проложе-

ны особые туннели, по которым может проехать машина; что мы построили казино, окруженное роскошными гостевыми бунгало, где останавливались наши богатые и знаменитые гости. Сплошные фантазии и домыслы. Те, кто действительно бывал на Саличе, благоразумно держали язык за зубами, потому что хотели вернуться на остров. Прочие даже представить себе не могли, что Саличе — это семейное поместье с клумбами, садами, деревьями, птицами и обыкновенным жилым особняком. Лично для меня Саличе был единственным домом с его размеренным распорядком и жизнью, идущей своим чередом.

Что бы ни происходило за пределами острова — в столице, стране или в мире, — это никогда не касалось нашего дома.

За исключением моего дня рождения, когда я увидела Себастьяна дважды. С тех пор я лишилась покоя, ему на смену пришло новое, незнакомое чувство. Тогда я еще не знала, что оно останется со мной на всю жизнь.

Прошлое. Часть 3

В отличие от меня, Макс был человеком терпеливым и всегда держал себя в руках. Он выжидал, просчитывал каждый свой шаг и ничего не забывал. Самообладание и самодисциплина служили ему топливом, и он всегда следил за тем, чтобы бак был полон. Безусловно, это была игра не для всех, но только так Макс умел действовать — и побеждать.

Он строго придерживался распорядка и отходил от своего еженедельного расписания только ради деловых встреч. Все остальное Макс предпочитал планировать загодя — нередко на месяцы вперед. Он чувствовал себя уверенно, когда точно знал, что его ждет, и мог все предугадать. Светские ужины допускались только в случае крайней необходимости, Макс ненавидел есть и говорить одновременно. Он знал, где и когда его работоспособность достигает пика — в собственном кабинете, после завтрака.

У кабинета было два отдельных входа — исключительно для удобства его повседневной жизни. Ранним утром, по привычке, оставшейся

со времен увлечения рыбалкой, Макс ездил плавать в ближайший отель, где находился один из крупнейших бассейнов в Европе. Далее по расписанию — завтрак, обычно состоявший из кофе, двух тостов с маслом и сливовым вареньем или с молодым каймаком. Это молочный продукт с добавлением соли, в свежем виде — на следующий день после изготовления — мягкий и вкусный.

С восьми утра до половины третьего Макс работал, затем обедал и уходил в гостиную смотреть телевизор, обычно новости, после чего следовал обязательный послеобеденный сон. Чем старше становился отец, тем дольше спал днем. Три раза в неделю после обеда он играл в ятзи.

У Макса было не так много друзей, он предпочитал заводить полезные знакомства. Еще в юности он понял, что друзья в конце концов предают. Проблема заключалась в их необдуманной откровенности и неблагодарности. Часто сталкиваясь с фразой: «*Ничего личного, просто бизнес*», Макс так и не научился никому доверять, поэтому не ввязывался в подобные игры. С его сотрудниками дела обстояли так же — в доме работал небольшой, но тщательно отобранный персонал. Чем меньше людей, тем меньше хлопот и разочарований. Зато те, кто работал на Саличе, были

настоящими профессионалами.

Я так и не поняла, обладал ли Макс шестым чувством, помогавшим выбирать лучших сотрудников, или он просто умел правильно их мотивировать. Не следовало сбрасывать со счетов еще один фактор: стоило кому-то начать халтурить, и его заменяли — так или иначе. Скорее всего, именно страх заставлял людей работать в полную силу.

Макс был заядлым игроком в ятзи. Эта игра давала ему возможность постоянно улучшать собственный результат. Трое его партнеров бросали кубики с таким же удовольствием, радуясь возможности хотя бы на пару часов оставить заботы за пределами острова.

Игра начиналась в столовой ровно в пять часов вечера. Большой стол накрывали темно-зеленой суконной скатертью, идеально выглаженной стараниями Пальмиры. В центре стола, на небольшом деревянном блюде, лежали игральные кубики из слоновой кости, которым, вероятно, было не меньше двухсот лет. Рядом — блокноты и ручки. В комнате регулярно проводили уборку и вытирали пыль. В темные зимние месяцы в столовой горели все лампы: с возрастом стекла в очках игроков становились все толще. Одна

партия длилась около полутора часов, с коротким перерывом, во время которого подавали чай, кофе и десерт и обсуждали события в мире. О бизнесе речи не шло никогда.

Обсуждение десерта всегда оживляло беседу. Макс любил сладости, но страдал оттого, что десерты казались ему слишком приторными. Он так и не нашел идеального баланса — и это говорил человек, объездивший весь мир и знавший толк в кулинарных традициях разных стран. Словно по необъяснимой прихоти, он поставил перед собой невозможную задачу: найти идеальный несладкий десерт. Поверьте, Макс действительно искал повсюду: от самых известных кондитерских в столицах мира, ресторанов с мишленовскими звездами и отелей класса люкс — до самых захудалых заведений, которые он посещал лишь по чьей-то рекомендации.

Попытки угодить Максу не прекращались: местные повара, пекари, их жены, друзья, даже случайные деловые партнеры — все старались удивить его домашними десертами… Он пробовал все, что ему предлагали, но так и не находил тот самый вкус, к которому захотелось бы вернуться.

Пальмира отказалась участвовать в экспери-

ментах через два месяца после начала работы у Макса. Каждый раз, когда она пекла торт или находила новый рецепт, ее вызывали на разговор, и Макс подробно объяснял, что именно она сделала не так. Терпения у Пальмиры хватило ненадолго, и однажды она не выдержала:

– *Señor Maksimo, ya basta. Deje de entrometerse.* Сеньор Максимо, довольно. Не лезьте не в свое дело. *Я же не учу вас, как делать вашу работу?*

Больше Пальмира никогда не пекла для отца сладости. В те редкие случаи, когда в Саличе появлялись именитые повара и кондитеры, чтобы приготовить десерт прямо на месте — то есть на кухне, где царила Пальмира, — та садилась за стол, брала вязанье или карты Таро и краем глаза следила за тем, сколько сахара кладет конкурент. Ей не требовались ни весы, ни мерные ложки. Если белого порошка было больше ста граммов, она заранее знала: Макс непременно останется недоволен.

По правде говоря, у Макса все же были любимые сладости. Он обожал *mohnstrudel* — маковый штрудель, а еще тыквенный пирог из свежей тертой тыквы и тончайшего теста фило.

В тот день на столе должно было появиться ассорти свежевыпеченных мини-десертов из

недавно открывшейся пекарни в деревне примерно в пятидесяти километрах от города. Пальмира называла их *pastelitos*. Но их участь еще предстояло решить, а до тех пор мини-десерты хранились в холодильнике.

Единственным человеком, который никогда не заходил на нашу кухню, была *Mãe*. Ела она либо в цветочном саду, либо в мастерской, где писала картины, либо в столовой — со мной и Чарли.

•

Лишь немногие знали, как познакомились *Mãe* и Макс. Это случилось благодаря вмешательству Пальмиры. Она уважала хозяина, но никак не могла смириться с тем, что *señor Maksimo* холост. Он встречался и проводил время с красивыми и интересными женщинами — танцовщицами, актрисами, певицами, знаменитыми и не очень, — но серьезных отношений не заводил.

Пальмира задумала познакомить его с дочерью своей бывшей соседки, молодой выпускницей медицинского института, ищущей работу. Не стесняясь показаться слишком прямолинейной, Пальмира постоянно твердила Максу, чтобы тот пригласил девушку на свидание:

– *Mire, Señor Maksimo…* Послушайте. *Ваши подруги… No son santo de mi devoción.* Не по душе

они мне. Будьте практичным. Хотите прожить до ста лет? Женитесь на молодой докторице. Она позаботится о вас.

Ее план сработал.

Однажды, когда я спросила *Mãe*, что побудило ее выйти замуж за Макса, меня поразила простота ее ответа, который совершенно точно описывал моего отца:

— Он не похож ни на одного мужчину, которого я знаю.

•

Mãe изучала анестезиологию и проработала врачом еще несколько лет после замужества. Однако как только она открыла для себя путешествия за границу, то работу решила оставить. Самые ранние воспоминания о матери у меня связаны с тем, как она возвращалась домой.

Она входила в дом, будто шла на светский прием или бал, безупречно одетая в пошитые на заказ твидовые костюмы, благоухая персиком, розой и абрикосом, и сразу поднималась наверх, в спальню. Где бы я ни была в тот момент, я бежала за ней следом по лестнице, кралась, подражая ее походке, копируя каждое движение и ощущая себя скорее мимом, чем дочерью. Часто она направлялась прямо в ванную, открывала кран и

наполняла ванну теплой водой. С непостижимой грацией и ловкостью закалывала волосы и, сбросив одежду, погружалась в ароматную воду с пеной. Ей нужно было всего несколько секунд, чтобы прийти в себя, и она становилась полностью моей.

— Как прошел день у моей девочки?

И я рассказывала. Как не смогла убедить Макса построить в Саличе каток. Или как обожгла руку, приложив ее к плите, просто чтобы понять, насколько она горячая. *Mãe* терпеливо слушала, иногда поднимала руку из пены, чтобы погладить меня по щеке или поиграть с моими волосами, просила убрать их с лица, ведь у меня красивые глаза, которые должен видеть весь мир.

Она была обворожительной. Каштановые волосы, идеальная кожа и золотисто-карие глаза. Из косметики мать пользовалась только помадой особого оттенка, смесью пастельно-розового и приглушенно-оранжевого, придававшего ее лицу теплое мягкое сияние.

Mãe была удивительной мастерицей, особенно в рукоделии. Она умела все: от вышивки до вязания спицами или крючком. Могла создать все что угодно. Она также искусно владела техникой лоскутного шитья, требующей терпения,

внимания к деталям и упорного труда. Она часто летала в Лондон только ради того, чтобы купить ткань в магазине «Либерти» на Риджент-стрит, а затем неделями, а то и месяцами корпела над сложнейшим лоскутным одеялом.

Однажды она собрала на пляже бесчисленное множество камешков, маленьких и плоских, одни были гладкими, другие — с узорами, творением моря. Она покрыла гальку смолой, придав ей стеклянный блеск, после чего приклеила камешки к доске. У нее получилась огромная мозаика, изображавшая парусник, который сражался с волнами.

Еще в детстве она начала писать картины. Рисовала конкретные, на первый взгляд обыденные предметы, превращая их в нечто иное. Позже она рисовала то, что запомнилось ей в путешествиях: лавку мороженого в Копенгагене, шатер на венском базаре, карусель в Центральном парке Нью-Йорка. Благодаря особенному, почти сказочному стилю и богатой палитре ей удавалось придерживаться реализма, одновременно наделяя картины волшебством.

Она разгадывала судоку, а по ночам, если не могла заснуть, собирала на обеденном столе сложные пазлы из трех тысяч деталей и больше.

А еще она делала игрушки для Чарли.

Она жила своей жизнью, отдельно от Макса, откровенно игнорировала род его занятий и никогда не общалась с его деловыми партнерами. Когда Макс изредка принимал дома гостей, она откладывала все, чем занималась, и уезжала в Афины, Париж, Биарриц или Венецию. Возвращалась через пару дней. Казалось, ей постоянно нужно было менять обстановку. Если Макс путешествовал по делам, то *Mãe* — исключительно ради удовольствия. Иногда они летали одним рейсом или останавливались в одном отеле, но *Mãe* всегда гуляла и осматривала достопримечательности одна. Куда бы они ни поехали, у *Mãe* были свои планы, и Макса они не затрагивали.

•

Увы, я не могу сказать, будто в тот день потеряла счет времени. Наоборот, я поглядывала на разные часы в доме каждые десять минут. Когда Макс после обеда ушел в гостиную, Пальмира прибрала в столовой, убедилась, что в библиотеке все готово для партии в ятзи, и удалилась на кухню.

Я еще раз проверила, что в доме нет посторонних, никто ненароком не бродит по коридорам и курьеров не ожидает. Чарли крепко спал у себя

наверху, а *Mãe* дремала в мягком массивном кресле рядом с его кроватью с их любимой книжкой, раскрытой у нее на коленях. Она обожала читать внуку вслух.

Балисто чувствовал, что происходит нечто необычное. Пес отлично разбирался в моем настроении. Но вместо того чтобы ходить за мной по пятам, он выбрал стратегическую позицию у подножия лестницы, откуда мог наблюдать, не путаясь у меня под ногами.

Я переоделась в другие черные брюки и легкий черный топ с американской проймой. Долго ломала голову над обувью, выбирая между кожаными бежевыми балетками с серебристым отливом и золотистыми туфлями с плетеным узором. Остановилась на туфлях, взяла маленький ключик из выдвижного ящика в своей комнате и наконец спустилась по лестнице вниз, готовая выйти из дома.

— *Spazieren, — сказала я псу.*

Это означало, что мы идем на прогулку. Вдвоем мы неторопливо и без лишнего шума направились к главным воротам.

На Саличе можно было попасть по однополосному мосту, который построили еще до моего рождения. На обоих концах моста стояли оди-

наковые распашные ворота из нержавеющей стали. Со стороны острова они выглядели менее угрожающе и более приветливо. Рядом с воротами теснились садовые домики, обшитые деревянными панелями цвета темного махагони и крытые красной черепицей. Зимой, когда все покрывалось снегом, они напоминали деревню Санта-Клауса. Сейчас домики были украшены алыми геранями в корзинах и горшках, расставленных повсюду.

Один писатель, лауреат Нобелевской премии, который часто приезжал к Максу на остров, отмечал, что ни у кого дома не видел столько цветов и книг.

Себастьян уже ждал, облокотившись на машину и держа в руке что-то блестящее. Он разговаривал с нашими охранниками, и мне стало интересно, как это ему разрешили припарковаться прямо у ворот. Выглядел он непринужденно, будто привык иметь дело с вооруженными людьми.

Балисто тут же бросился к нему, не в силах сдержать радость. Я же, напротив, изо всех сил старалась скрыть свою.

Себастьян опустился на колени, поглаживая пса по шее и голове.

– Я надеялся увидеть тебя, jefe, — сказал он, называя собаку боссом.

Балисто поднял голову, давая понять, что предпочитает, когда его чешут под подбородком. Себастьян встал и начал разворачивать сверток, который держал в другой руке. Балисто почуял запах еды и немедленно сел в ожидании угощения. Он смотрел на Себастьяна так, будто говорил: «*Мы больше не просто amigos (друзья), мы теперь compañeros (напарники)*».

Я подошла ближе, протянула руку и вежливо поздоровалась с Себастьяном, делая вид, будто намерена проводить его обратно в кабинет Макса.

Он взял мою руку, но не пожал, а просто удержал в своей. На нем снова были джинсы, но футболка другая — кобальтово-синяя, с красно-желтым символом Супермена.

— Лекс Лютор[3] — мой любимый злодей, — сказала я, указывая на его грудь.

Себастьян улыбнулся и продолжил разворачивать фольгу.

— Источник его силы — не ядерный реактор и не глубокая психотравма, которую он подавил. Им движет чистая жадность, подпитанная капи-

---

[3] Сноски: 3

Лекс Лютор — вымышленный персонаж, суперзлодей из вселенной DC и главный враг Супермена. — *Примеч. ред.*

тализмом, — пояснила я и вдруг тихо рассмеялась без очевидной причины, вспоминая сцены из фильма.

Себастьяна удивил мой внезапный искренний смех.

— Обожаю фильмы с Джином Хэкменом[4], — сказал он, связав персонажа с актером, который его играл. — Я полюбил кино благодаря отцу. Он водил меня и сестру в кинотеатр несколько раз в неделю.

Он вновь занялся фольгой. Балисто бросил на меня раздраженный взгляд, словно говоря: не отвлекай человека своей болтовней, тут кое-кто ждет угощения.

— Ты что, носишь только футболки с логотипами?

Стоило мне опять заговорить о футболках, я сразу поняла, насколько нервничаю.

— А ты что, носишь только яркую обувь?

«Какой наблюдательный, — подумала я. — А ведь это всего лишь наша третья встреча».

Я приподняла левую ногу, демонстрируя туф-

---

[4] Сноски: 4

Джин Хэкмен (1930–2025) — популярный американский актер, один из исполнителей роли Лекса Лютора в фильме «Супермен» (1978) и его продолжениях «Супермен II» (1980) и «Супермен IV: В поисках мира» (1987). — *Примеч. ред.*

лю.

— У меня много обуви. Наверное, больше пятидесяти пар.

•

Эту невинную ложь я произнесла без смущения. На самом деле у меня было около пятисот пар обуви, возможно, и больше. Для обуви в доме выделили целую комнату.

В этом, пожалуй, заключалась единственная привилегия состоятельных людей, которую я ценила: вся обувь изготавливалась вручную в Италии, только для меня. Один дом высокой моды во Флоренции во время моего визита сделал деревянные колодки, точную копию моих стоп. Его основатель, умерший в шестидесятых, был не просто сапожником: он был инженером, экспертом по анатомии, философом, живым воплощением флорентийского ремесла, но прежде всего — художником. В автобиографии он написал: *«Я люблю ноги. Они говорят со мной».*

Каждый год я получала от тридцати до пятидесяти красных коробок с балетками самых разных цветов и моделей. Любимые пары оставляла себе, а те, что надевала всего один или два раза, отдавала.

•

Наконец Себастьян снял последний кусок фольги, открыв несколько длинных полосок жареного бекона.

— Я подумал, Балисто это понравится.

Пес сидел, излучая буддийское спокойствие. Знал, что рано или поздно получит угощение.

— Из отеля принес.

Бекон исчез в пасти Балисто в одно мгновение. Пес понял, что бекон липнет к зубам и жуется с трудом, но все равно наслаждался.

Мы с Себастьяном пошли вместе по подъездной аллее. Однако я не собиралась вести его в дом, в этом не было смысла. Когда мы отошли достаточно далеко от ворот, он достал из-под футболки мой дневник.

— Кажется, это твое, — сказал он, протягивая тетрадь. — Я не собирался его красть, мне просто было любопытно. Но я рад, что никто другой его не прочитал.

Этот жест застал меня врасплох.

— Ты его читал? — наивно спросила я.

Он почесал щеку, вероятно раздумывая над ответом.

— Частично. Те отрывки, что на испанском.

Я не поверила. Протянула дневник Балисто, который уже доел бекон и осторожно взял зубами

тетрадь.

– *Mitnehmen und verstecken*, — скомандовала я.

Это означало, что пес должен отнести дневник обратно в дом и спрятать в нашем тайнике — старой неглубокой корзине, где мы зимой хранили дрова. Пес тут же помчался домой.

Мы с Себастьяном пошли в противоположную сторону, свернули налево и сделали большой круг. Только так можно было попасть в сад *Mãe*. В это время года он стоял в полном цвету. По сравнению с площадью острова сад был не слишком большим. Его окружал ряд вишневых деревьев, который тянулся до самого дальнего конца острова. Между участками с травой и голой почвой извивались дорожки из гранитных плит. Они напоминали запутанный лабиринт, те самые головоломки из детских журналов, где только одна тропинка ведет к выигрышу. Однако в Саличе петляющие дорожки не вели никуда.

На каждом участке рос только один вид цветов; *Mãe* меняла их в зависимости от сезона или настроения. Впереди пестрели циннии, оранжевые бархатцы, лилии и георгины, но главным украшением сада были любимцы *Mãe* — фиолетовые, синие, розовые и белые гортензии, трехцветные крокусы и вероники. Те, кто видел наш дом с

высоты птичьего полета, в редкие дни, когда небо было чистым, а из-за сильного ветра самолеты меняли привычный маршрут, часто принимали это бесконечное лиловое покрывало за лавандовое поле.

Если в саду и было нечто похожее на центр, то им служила мощенная плиткой площадка с парой деревянных скамеек, столиком, старым ручным насосом цвета сосновой хвои и песочницей с разбросанными пластиковыми игрушками. Слева находился абрикосовый сад. Ни одна дорожка не пересекала ни сад, ни заросли плакучих ив. Все и так понимали: раз это остров, значит река где-то рядом. Но деревья росли так густо, что воды не было видно.

Царили удивительные тишина и покой. Небо было чисто-голубым. Даже облака, казалось, взяли перерыв и удалились на пару часов. Я услышала, как Балисто бежит обратно к нам — он не хотел оставаться один. Пес радостно потерся головой о мою ногу, подтверждая, что выполнил задание, и с готовностью сел. Его хвост метался из стороны в сторону, а на морде читалось выражение: «Что делаем дальше?»

Себастьян оглядывался по сторонам, иногда приседал, трогал цветы, любовался ими и, быть

может, проверял, настоящие ли они. Он спросил, есть ли у нас садовник.

— Конечно нет. Это владения *Mãe*. Даже Балисто знает, что ходить можно только по дорожкам.

Стоило мне упомянуть его имя, как пес тут же подтвердил мою правоту резким чихом.

Среди игрушек, лежавших в песочнице, я заметила знакомый ярко-красный грузовичок с желтыми колесами — Чарли как раз искал его сегодня утром. Я подняла машинку, а Себастьян наклонился и начал собирать остальные игрушки, аккуратно складывая их в ящики, стоявшие у песочницы. Он внимательно осматривал каждую игрушку, прежде чем положить ее в ящик, проверял, чтобы на ней не осталось песка.

— Почему ты называешь ее *Mãe*? Это ведь «мама» по-португальски?

Вопрос показался мне личным, но я решила открыться.

— Если ты действительно журналист, — сказала я, напоминая, что все еще не знаю, чем он на самом деле занимается, — то наверняка в курсе, что у Макса есть собственный телеканал?

Себастьян уловил тонкий намек, но ничего не ответил.

— В общем, в самом начале, много лет назад,

телеканалу разрешали транслировать только латиноамериканские сериалы. Они тогда были безумно популярны. Один из них, бразильский, шел на португальском языке. Перед показом его нужно было снабдить субтитрами, но студию, где этим обычно занимались, затопило. Другого помещения не нашлось, и всю технику перевезли в Саличе. Субтитры записывали прямо у нас дома, и две недели мы слышали только португальскую речь. Несколько слов я запомнила. Мама начала звать меня *filha* с немым «h», дочкой, а я ее — *Mãe*. С тех пор мы так и обращаемся друг к другу.

Я села на одну из скамеек, закинула ногу на ногу, все еще держа в руках красный грузовичок. Балисто устроился рядом с Себастьяном, с любопытством наблюдая за его движениями и тем, как он собирает игрушки. Потом пес аккуратно взял зубами плюшевого Тигру, приятеля Винни-Пуха, и положил его во второй ящик. То же самое он проделал с куклой Нодди[5] и пластиковыми коалами.

— Она где-то рядом? На днях я ее в доме не видел.

Вопрос был с подвохом, и я предпочла его про-

[5] Сноски: 5

Нодди — деревянный мальчик, герой детских книг британской писательницы Энид Блайтон (1897–1968). — *Примеч. ред.*

игнорировать. Себастьян меня понял.

— Не хочешь рассказывать слишком много?

— Как и ты, — заметила я с улыбкой, понимая, что игра между нами явно еще не закончилась. — Зачем тебе встречаться с *Mãe*?

— Я просто спрашиваю, вот и все. Судя по всему, она умеет обращаться с цветами.

Явное преуменьшение. *Mãe* умела практически все.

— Интересуешься как журналист? — съязвила я.

— Тебе нравится надо мной насмехаться, — ответил он, будто обидевшись. — Но я подготовился. Мне известно, что никто не знает твоего настоящего имени. Говорят, что ты пользуешься разными именами.

Об этом знали многие, никакой тайны здесь не было. Наутро после моего рождения Попкорн пошел в местный муниципалитет, прихватив коробку швейцарских шоколадных конфет, флакон духов и букет цветов. Все это предназначалось женщине, выдававшей свидетельства о рождении и смерти.

Она выдала Попкорну несколько свидетельств: в одном значились мое настоящее имя и точная дата рождения, а в других, с измененными номе-

рами, — имена прочих девочек, рожденных в тот же день в разных уголках страны. Формально в моем подлинном свидетельстве не было никаких искажений. Остальные девочки сделались моими двойниками, чьи имена я время от времени использовала. По мере того как я взрослела, количество поддельных паспортов, водительских прав и удостоверений личности росло. Для нас это была мера защиты. Хотя я не занималась ничем противозаконным, мне нужно было путешествовать без задержек и лишних вопросов.

Увы, всякий раз, когда за дело брались всерьез, найти доказательства махинаций с личными данными оказывалось невозможно — иногда из-за бюрократической волокиты и потерянных архивов, но чаще — из-за того, что внимание следователей вовремя уводили в сторону. Как? С помощью коробки конфет с вложенными купюрами.

Пришло время поговорить серьезно.

— Давай прекратим притворяться? — искренне попросила я. — Откуда ты узнал, что у меня сегодня день рождения?

Он закончил собирать игрушки и сел на скамейку напротив меня.

— Это была просто догадка. Когда мы с твоим

отцом встретились в кабинете, экономка принесла лимонад и сказала, что готовит многоярусный торт для сеньориты и что надо успеть за два дня. Я решил, что этой сеньоритой можешь быть ты.

Сеньоритой действительно была я. А Пальмира была *la chismosa* — сплетницей. Она называла меня сеньоритой с самого детства, что не раз пригождалось, когда в доме оказывались чужаки, но эту привычку я все равно терпеть не могла.

Неудобную тему я решила дальше не развивать. Хотела кое-что ему показать и предложила пройтись сквозь заросли деревьев. Он сразу встал, будто только и ждал приглашения. Я ополоснула красный грузовик водой из насоса и положила обратно на скамейку — пусть сохнет. Потом подошла к Себастьяну. Осторожно прижала мокрые ладони к его груди и провела вниз, к животу, оставив на футболке темные следы.

— Спасибо, что разрешил вытереть руки, — сказала я с озорной улыбкой.

Он усмехнулся в ответ:

— Всегда пожалуйста.

Балисто, который слизывал капли воды с насоса, не сводил с нас глаз, не вполне понимая, что происходит.

Мы шли между деревьями, пока не оказались

на другой стороне острова, на берегу реки. На фоне пейзажа эффектно выделялся мощный моторный катер цвета сапфира, пришвартованный к деревянному причалу. Он назывался *«La Dottoressa»*, «Докторица», был изготовлен в Италии и ранее принадлежал одному господину из Бари, страстно любившему скорость. Тот подарил катер Максу, который держал его на острове Роко, пока не решил тайком перегнать сюда.

Такие катера, длинные и обтекаемые, созданы для гонок. Ничто не заставляет адреналин бурлить сильнее, чем моторка, летящая по серебристой глади. Итальянцы, особенно мафиози, их обожают. Возят на них контрабанду через Адриатическое море. На рассвете нередко можно увидеть, как эти скоростные лодки носятся вдоль побережья, к итальянским портам и обратно. Зрелище напоминало бесконечные захватывающие гонки без публики и зевак: мафия против береговой охраны. Обычно мафия побеждала. Непогода и высокие волны часто играли на руку контрабандистам. Погоня могла длиться часами. Когда полиция закупала более быстрые катера, мафия за неделю обновляла свой флот. Цена не имела значения, прибыль тех лет позволяла тратить сколько угодно.

На сцену вышел Макс с недавно налаженной сетью поставок из Бари в Сплит. Спустя всего год он получил этот моторный катер в подарок от итальянского партнера. Отец обожал эту лодку и постоянно ездил на ней на рыбалку. Но на зиму он не оставлял катер без присмотра, понимая, что береговая охрана может его конфисковать, ведь на лодку не было документов.

В конце концов Макс нашел способ вернуть *«La Dottoressa»* домой. В черногорском порту Котор лодку подняли с воды и переправили обратно на Саличе.

Я сразу поняла, что катер Себастьяна впечатлил. Он был уже не новый, но за ним прекрасно ухаживали. Морская синева корпуса так и сверкала на солнце. Для лодки построили прочный деревянный причал на сваях, уходящих в воду. Катер был крепко привязан к массивной швартовой тумбе, а на бортах у него висели яркие оранжево-красные кранцы, похожие на гигантские сосиски. Я наклонилась, чтобы сорвать полевых цветов, и, будто невзначай, спросила:

— Хочешь прокатиться?

Себастьян не поверил своему счастью.

– *¡Claro que sí!* Конечно! А чья она?

Макс очень любил свою лодку, однако причал

выстроил подальше от дома. Катер напоминал ему о давно прошедшей эпохе, и отец почти не наведывался сюда. Я сказала Себастьяну, что лодка принадлежит нашей семье, и не стала вдаваться в подробности. Не было смысла приписывать Максу сентиментальность. Катер связывал его с прошлым, отец хранил его по причинам, понятным только ему: следил, чтобы лодку регулярно мыли и чистили, чтобы винты были в идеальном состоянии, а бак — всегда полон.

Балисто заметил в траве оливково-зеленую ящерицу и издал странный утробный рык. Крошечная рептилия застыла от страха. Я оставила их наедине, пусть подружатся, и подошла к Себастьяну, который стоял на причале.

Лодка была накрыта плотным водонепроницаемым чехлом, тяжелым и жестким. Он крепился на специальных крючках и был стянут эластичным шнуром, концы которого фиксировал висячий замок. Я вынула из кармана ключ, отперла замок и потянула за шнур, снимая чехол с крючков. Себастьян мигом сообразил, что я делаю, и начал стягивать темно-синюю ткань и складывать ее на корме.

Как только Балисто услышал шорох чехла, он тут же подбежал к нам, великодушно пощадив

ящерицу, и запрыгнул в катер. Внутри было удивительно чисто, пахло лимоном и эвкалиптом. Пол был выстлан белыми досками. Все вокруг было белым или серебристым, за исключением деревянной приборной панели с рычагами управления и спидометрами. В зоне отдыха стояли четыре кресла, обтянутые кремовой искусственной кожей, и даже имелась лежанка для собаки с водонепроницаемым синим матрасом, которую тут же с гордостью занял сами знаете кто.

Неожиданно с веток деревьев взмыла и пронеслась над нами стайка невзрачных бурых воробьев. Балисто гавкнул, будто хотел их пристыдить, и я ласково погладила его по морде, влажной от воды, которую он пил из насоса. Пес раздраженно чихнул и улегся обратно.

Себастьян закончил с тентом и теперь отвязывал швартовые. Он действовал уверенно и, похоже, знал, что делает. Меня это полностью устраивало. Я попросила его открыть отсек для хранения под палубой. У Макса там до сих пор лежали удочки, пара ящиков со снастями, чистящие спреи и губки, бутылки с водой и даже пара водных лыж. Там же хранились два ярко-желтых спасательных жилета, новые, в полиэтиленовой заводской упаковке, и аккуратно сложенные

большие полотенца. Я попросила подать мне один из рыболовных ящиков, заполненный лесками, крючками, поплавками, грузилами, вертлюгами… Снасти были уже старые, некоторые — даже ржавые. Они напоминали о том, как увлеченно Макс когда-то рыбачил.

Рыбалка для него была тем же, чем для меня литературное творчество. Отчаливая от берега, Макс наслаждался уединением, пожиная незримые, но ценные для себя плоды. И безусловно, он знал: где-то там, в глубине, всегда найдется рыба покрупнее. В рыболовном ящике также лежал ключ зажигания. Я достала его и бросила Себастьяну. На вопрос, умеет ли он управлять катером, Себастьян ответил с детской ухмылкой:

— Сейчас и узнаем.

Он закрыл отсек. Я устроилась в одном из кресел, сняла туфли и закинула ноги на соседнее.

— Тут недалеко есть красивые дюны. Хочешь посмотреть?

Себастьян поднял якорь и мягко оттолкнул катер от пристани. *«La Dottoressa»* медленно отчалила, вода бережно подхватила ее и понесла. Я хотела выяснить, зачем Себастьян здесь оказался. Но одни и те же вопросы, которые я снова и снова перебирала в голове, ни к чему не вели. Гораздо

лучше было просто смотреть на него.

Он вставил ключ в замок зажигания, и мотор сразу завелся, издавая приятное ровное урчание. Себастьян передвинул рычаг газа, включил передачу и повернул руль вправо. Он подмигнул мне, словно давая понять, что осознает: его проверяют и это испытание он проходит с блеском. Разве можно внезапно почувствовать влечение к мужчине лишь потому, что он мастерски делает свое дело?

Я предложила Себастьяну прокатиться, чтобы он расслабился и разговорился. Но как только мы оказались на катере, мне расхотелось его допрашивать. Я объяснила, в какую сторону держать курс, чтобы добраться до песчаных дюн, и закрыла глаза, прислушиваясь к баюкающему шуму мотора. Моя рука свесилась и легла на нагретую полуденным солнцем голову Балисто.

Вода всегда дарила мне умиротворение. За нее нельзя ухватиться, можно только отдаться течению… и плыть. Вода говорит с душой и обволакивает тело. Именно в воде начинается вечность. Позаимствую слова Райнера Марии Рильке: «*Когда приходят тревожные, тяжелые мысли, я иду к морю, и оно заглушает их мощным гулом, очищает меня своим шумом, задает*

внутренний ритм моему растерянному и смятенному сознанию».

И точно — дюны из удивительно белого песка возникли словно из ниоткуда, будто тропические собратья миниатюрных ледников. На одной стоял длинноногий аист, с любопытством наблюдая за нами. Его белое оперение и черные крылья напоминали роскошные веера из перьев, с которыми выступают танцовщицы бурлеска.

Себастьян сбавил скорость, заглушил двигатель, бросил якорь и пришвартовал катер как можно ближе к берегу. Он снова открыл отсек для хранения и достал две бутылки воды и полотенце, видимо, с предложением пройтись. Снял обувь и носки, закатал джинсы и спрыгнул в мелкую воду, приглашая последовать за ним. Я засомневалась. В мои планы не входило покидать катер. Или мочить ноги. Балисто дремал, не проявляя ни малейшего желания куда-то идти.

Себастьян попросил бросить ему желтый канат, привязал его к толстой ветке, наполовину зарытой в песок, которую, наверное, принесло ветром.

— Ну же, пойдем, — сказал он, улыбаясь, как ребенок.

— Здесь плавают водяные змеи, — выпалила я

первую глупость, пришедшую в голову, не придумав лучшего оправдания.

— Да ладно, — бросил Себастьян. — Не верю, что ты чего-то боишься.

Я одарила его многозначительным взглядом: «*Серьезно? Других доводов у тебя нет?*» Он рассмеялся и подозвал меня жестом. Я подошла к носу катера: спрыгнуть или сесть на край и соскользнуть вниз? Себастьян заметил мою нерешительность и подошел ближе, показывая, что поймает меня. Я присела на корточки, собираясь прыгнуть, но в последний момент передумала, наклонилась вперед и положила руки ему на плечи. Он обхватил меня за талию, притянул к себе, и я, конечно же, оказалась в его объятиях. Это было приятно, но я тут же отстранилась и едва не потеряла равновесие. Он сделал вид, что не обиделся, хотя все равно спросил, почему я не прыгнула. Неужели не доверяю ему?

— Много лет назад я вывихнула оба коленных сустава, катаясь на лыжах. Классика, знаю. С тех пор предпочитаю не прыгать. И не приземляться, — пояснила я.

Мокрый песок приятно холодил ступни.

— Наверное, было больно. Колени болят до сих пор? — спросил он из вежливости, а может, из

сочувствия.

— Иногда, — призналась я. — Я очень долго проходила физиотерапию. Потом расстроилась, когда поняла, что не смогу носить туфли на каблуках. Ноги не справлялись с нагрузкой. — И, будто желая прояснить все до конца, добавила: — Так я начала носить балетки. В них я снова научилась ходить.

— У каждого в детстве бывали травмы. Я вот ломал руку, — с застенчивой улыбкой сказал Себастьян и мгновенно покраснел, будто ему стало неловко. — И не один раз, а два. Причем одну и ту же — левую.

Он гордо поднял левую руку, доказывая, что она по-прежнему на месте. Мне захотелось продолжить игру — обмениваться историями и понемногу открываться друг другу. Оказавшись вдали от людей, мы могли позволить себе откровенность.

– *Mãe* подшучивала надо мной, мол, раз я ношу обувь на плоской подошве, то со временем научусь улавливать звуки и вибрации через ступни, как слоны. — Я и сама удивилась, что сумела поделиться с ним давним воспоминанием.

— Слоны потрясающие, — быстро отозвался Себастьян. — Каждый раз, когда я их вижу, не

могу отвести взгляд — такие они умные и добрые. Ты знала, что слоны умеют отличать один язык от другого?

Нашу беседу прервала стая чаек, закружившая над водой с привычным хохотом. Я закатала штанины повыше. Себастьян снова забрался в лодку — взять бутылки с водой и полотенце. Он двигался быстро, ловко и по-спортивному. У него были сильные руки и крепкая шея. Он показал на Балисто, который уже похрапывал. Я махнула рукой и велела оставить пса в лодке.

— Если Балисто начнет гоняться за птицами, мы здесь навсегда застрянем.

«Было бы, кстати, неплохо. Только это невозможно», — подумала я.

Мы шли вдоль кромки воды, оставляя следы на песке. Себастьян шагал впереди, и каждый раз, когда я пыталась наступить на отпечаток его ноги, прозрачная волна, словно в ревнивой спешке, опережала меня, смывая след и оставляя после себя безупречно гладкий песок. Наши следы, как и время, проведенное вместе, были недолговечны.

Дюна оказалась куда больше, чем виделось с катера. Себастьян обернулся и пошел спиной вперед, не сводя с меня глаз.

— Ты, наверное, больше не катаешься на лы-

жах, но в Чили отличные горнолыжные курорты. Например, Валье-Невадо недалеко от Сантьяго. Или Портильо, там потрясающие пейзажи. Еще на севере есть долины, похожие на поверхность Луны. Если тебе по душе горный туризм, то парк Торрес-дель-Пайне в Патагонии просто невероятный. А на острове Чилоэ в Тихом океане находятся знаменитые *palafitos* — разноцветные деревянные дома, построенные на сваях, как пирсы.

Я подняла голову, прикрывая глаза от солнца, и спросила, что ему больше всего запомнилось из жизни в Чили.

— Ответ на поверхности — ночное небо. Оно не похоже ни на одно другое — там столько звезд, будто все они собрались на фиесту. Настоящий рай для астрономов. Мелкие бриллианты, рассыпанные по черному бархату… Так моя мама описывала чилийское небо.

— А где она живет? — перебила я.

— Ее уже нет.

Теперь я поняла, почему в его взгляде притаилась эта печаль. Мы состоим из плоти и крови, но именно шрамы заставляют нас держаться вместе. Его шрамы были следом личной утраты.

Себастьян продолжил, больше не упоминая о смерти матери:

— Моей семье пришлось бежать из Чили. Я был слишком мал, чтобы что-то запомнить или понять. Почему мы уехали, что такое военная диктатура… или либерализм. — Он сделал паузу. — Я много раз возвращался туда. Самые романтичные воспоминания в моей жизни связаны с Чили. Я живу в Америке, но в глубине души навсегда останусь *chileno*.

Через каждые несколько шагов он останавливался, совершал оборот на триста шестьдесят градусов, будто записывая в памяти пейзаж, и шел дальше. Он поднял с земли маленькую ветку — возможно, обломок толстой коряги, к которой привязал лодку, — и крупными буквами написал на песке: «**Bastián».**

— Так меня называют друзья. Можешь звать меня так же.

С его стороны это был жест доверия, за которым последовал вопрос:

— А у тебя есть прозвище?

По спине пробежал тревожный холодок.

— Вроде бы нет, — ответила я.

Мы пошли дальше, наслаждаясь тишиной. Внезапно в небе появилась большая стая уток. Птицы опускались на воду одна за другой, словно следуя невидимому, выверенному порядку. Они с шу-

мом разбрызгивали воду, нарушая безупречную гладь. Бастьян сел и начал играть с мелким, словно мука, песком, просеивая его сквозь пальцы.

— Знаешь, на самом деле это не важно, — сказал он, будто продолжая разговор, который мысленно вел сам с собой. Я не понимала, о чем речь. — Хочешь ты назвать свое имя или нет.

В лучах солнца кончики его мягких волос отливали рыжим.

— Я уже выбрал для тебя имя. *Аñаñиса.*

— Почему? — спросила я и села рядом.

Он поведал легенду. Во времена испанского владычества в Чили, в деревушке Монте-Патрия близ реки Лимари, жила девушка по имени Аньяньюка. Все местные юноши восхищались ею, но ни один не смог завоевать ее сердце. Однажды в деревню пришел красивый молодой старатель, искавший золото. Увидев Аньяньюку, он влюбился, и девушка ответила ему взаимностью. Недолгое время они счастливо жили вместе. Однако ночью старателю приснился волнующий сон: горный дух указал ему точное место, где скрыто заветное золото. Юноша отправился на поиски, обещав Аньяньюке вернуться. Она ждала день за днем, но возлюбленный так и не возвратился. Местные посчитали, что его погло-

тил мираж. Печаль охватила сердце Аньяньюки. Бедняжка не нашла утешения, зачахла от горя и умерла. Ее похоронили в дождливый день, а поутру, когда солнце согрело долину, на ее могиле распустились ярко-красные цветы. По легенде, Аньяньюка превратилась в цветок в знак любви, чтобы навсегда остаться рядом со старателем.

— Аньяньюка цветет в Чили — между Копьяпо на севере и долиной Килимари. Там потрясающие пейзажи, а земля усыпана кварцем, — добавил Себастьян.

Я никогда не бывала в Южной Америке, но теперь Чили меня заинтриговала. Захотелось продолжить расспросы: как далеко отсюда его родина, как часто он туда ездит, есть ли у него там дом, какая у него семья — обычные, простые вопросы, которые задают, чтобы узнать человека ближе.

— Может, однажды и ты поедешь туда, — сказал он искренне. — *Desierto florido*. Так называется это редкое явление. В пустыне Атакама на севере Чили, в самом сухом месте планеты, после редкого проливного дождя вдруг прорастают цветы самых разных видов.

— Цветущая пустыня, — повторила я и присыпала ноги теплым песком.

Я услышала всплеск, но не обернулась.

— Ты не сказал, почему назвал меня в честь аньяньюки.

Себастьян помедлил с ответом:

— Ты уникальна. Как цветок посреди пустыни. Не в буквальном смысле, конечно. — Его лицо стало задумчивым. — Сколько языков ты знаешь? Пять? Любишь читать. Тебе нравится быть одной. Когда на душе пасмурно, ты смотришь старые черно-белые фильмы. Когда тревожно — рисуешь геометрические узоры, как на картинах Густава Климта. В твоих записях они повсюду: маленькие треугольники, квадраты, спирали… Ты ведешь беседы с мертвыми писателями. Я узнал некоторых: Неруда, Гессе, Достоевский… Эмили Бронте… Дафна Дюморье…

Он говорил так, будто меня не было рядом. Словно разговаривал с ветром или с одной из уток. Теперь я не сомневалась: он прочел мой дневник, страницу за страницей.

— Я понимаю, что все это из прошлого, из твоих подростковых лет, — продолжил он. — Но мне интересно, насколько ты изменилась.

Изменилась я сильно. Быть молодой означало быть беззаботной. Жить с ощущением, что ничего невозможного или опасного не существует.

Книги, путешествия и мечты шли в комплекте. Я не ходила в университет, у меня не было обязанностей по дому, мне не нужна была работа. Идея самой зарабатывать на жизнь приходила в голову, но в этом не было необходимости. Богатое воображение помогало мне коротать время, но оно ушло в спячку, когда родился Чарли. Мне внезапно пришлось пересмотреть жизненные правила и ориентиры. Я была вынуждена стать ответственной, бдительной и осторожной. Сосредоточенной на собственных интересах. Заботливой. Еще более одинокой.

Но я не произнесла этого вслух, потому что Себастьян продолжал говорить:

— Ты живешь на острове в окружении садов, цветников и вооруженной охраны — это самое необычное место, которое я когда-либо видел в жизни. Прости, но я сбит с толку.

— Все нормально. Так себя чувствует большинство людей.

По правде говоря, многие незваные гости вообще не проходят дальше ворот.

Он поднял ветку и взмахнул ею в воздухе.

— Я был готов к поездке на остров, но, поверь, ничто не могло подготовить меня к такому. Я сижу у песчаной дюны, у меня за спиной живой

аист в гнезде, в небе кружат чайки, а в реке плещутся утки. — Он широко улыбнулся, и у него на щеках заиграли ямочки. — От подобного с ума можно сойти.

Тонкая грань между симпатией и желанием держать его на расстоянии понемногу исчезала. Он пытался нащупать связь с женщиной, сидящей рядом с ним на песке. С этой же целью два дня назад я наблюдала за ним из библиотеки. Проверяла, существует ли он на самом деле. Теперь он столкнулся с такой же проблемой.

Я попыталась пошутить:

— Для протокола: мне ближе Толстой.

— Зришь в корень, — признался Себастьян. — А я вот люблю «Преступление и наказание». Это одна из лучших книг, которые я читал.

— Понятно. Цитаты оттуда отлично смотрелись бы на твоих футболках.

Он подарил мне еще одну очаровательную улыбку. Солнечные лучи били прямо в его темные глаза, придавая им бронзовый оттенок.

Мне вдруг вспомнилась одна фраза, и я решила проверить его:

— Нет ничего в мире труднее прямодушия, и нет ничего легче лести. Разве это не Достоевский сказал?

Себастьян повернул голову в мою сторону, улыбнулся и тихо вздохнул:

— Думаешь, я тебе льщу?

Похоже, мы внезапно перешли к более прямому и личному разговору. Без малейших усилий.

— Конечно льстишь. Я ведь не знаю, кто ты на самом деле. Или на кого работаешь. Может, ты борец за идею. Я уже видела таких, как ты.

— Таких, как я? — переспросил он почти с изумлением и встал.

— Борцов за свободу, демократию и… Забыла третье слово.

Теперь Бастьян выглядел уязвленным:

— Справедливость, наверное?

— Пусть будет так, — сказала я и нарочно добавила: — Все эти слова ничего не значат.

Настал мой черед вздыхать.

— Я не могу тебя понять, Бастьян. Я тоже слегка сбита с толку. Как и ты.

Лучше бы я выбрала одежду с длинными рукавами. Солнце пощипывало кожу на руках.

— Могу ли я тебе доверять? — задал он смелый вопрос, поигрывая веткой, словно бейсбольной битой.

Я согнула колени и оперлась на них подбородком.

— Если приходится меня об этом спрашивать, значит не можешь. Доверяй своей интуиции. Но сначала скажи, зачем ты здесь?

Он опустил ветку. Поразмышлял немного, опять решил не отвечать на вопрос, но все же сказал:

— Я не хочу, чтобы ты во мне сомневалась. Никогда. Я не собирался тебя обманывать.

Наконец-то мы перешли к сути происходящего.

— И я не солгал, — настаивал он. — Я учился на журналиста. Еще на юриста, но юристом не стал. Я работаю на ЦРУ.

Он выглядел искренним. Напоминал мальчишку, который только что сознался в том, о чем следовало молчать. Недостающие фрагменты головоломки посыпались из пустоты, как снежинки, и по моей коже снова пробежал холодок, но в этот раз не самый приятный. События последних дней обрели смысл. И все же… Макс не был дураком. Если бы Бастьян представлял угрозу, с ним бы уже разобрались. Либо Макс не распознал опасность, либо передо мной был умный агент с другим замыслом. Я не могла сказать, что была сильно удивлена. Просто хотелось, чтобы все оказалось иначе. Потому что такой расклад озна-

чал лишь одно: мне придется поставить точку и, скорее всего, отказаться от будущих встреч.

И все же его откровенность, как по волшебству, рассеяла облако сомнений, висевшее над нами последние несколько дней.

— Если ты из ЦРУ, то и так знаешь все, что позволено знать. Или у вас появились новые секретные досье на Макса?

— Нет. Я приехал только для встречи с ним, — признался Бастьян. — Личной. Чтобы поговорить.

— О чем же? — спросила я нарочито спокойно, прекрасно понимая, что если бы подслушивала повнимательнее, то знала бы ответ.

— О том, из-за чего люди обычно начинают нервничать. Все, кроме него.

Бастьян впился в меня взглядом. Его настроение изменилось. Не в худшую сторону, просто… стало другим.

— С кем же ты в итоге поговорил? — уточнила я. — С Максом — филантропом, гуманистом и медиамагнатом… или с Максом — аферистом, растратчиком и мафиози?

Мой тон был ледяным. Я уставилась на него в упор, чувствуя, как срабатывает защитный инстинкт.

— По-моему, с Максом-отцом. Проницательным и практичным.

Он смотрел на меня, внимательно изучая, будто ястреб.

— Значит, тебе повезло, — заметила я. — Он прагматичный отец. Занимайся делом и не ленись — вот его девиз.

Я отмахнулась от жужжащей мошки, пролетевшей прямо перед лицом, и с усмешкой спросила:

— Разумеется, он ответил на все твои вопросы?

— А что тебе известно о контрабанде? — допытывался Бастьян, хмуря брови и опираясь на ветку, как на трость.

— Это было сто лет назад. Он давно завязал.

«К чему он клонит?»

— А как насчет оружия? Что-нибудь об этом знаешь?

Теперь уже я уставилась на него.

•

Чем больше разрастался Ядранский картель, тем больше денег зарабатывал Макс. Со временем ему потребовалась серьезная охрана. Сначала его защищало собственное правительство. Взамен Макс делился прибылью — напрямую с отдельными людьми или перечисляя средства фиктивным компаниям или благотворительным

организациям. Но оставаться в тени ему удалось недолго. В конце концов в дело вмешались американцы, собрав картину по кусочкам: кто стоял за международными операциями, откуда поступал порошок и куда уходили деньги. Дорога была одна, но с двусторонним движением. Расследование привело их к Максу, однако собственные интересы вынудили пойти с ним на сделку. Иного выбора у них не было. Они не могли ни устранить Макса, ни переправить в другую страну, ни включить в программу защиты свидетелей. Не зная, что с ним делать, они начали переговоры. С помощью своих связей Макс был обязан добывать любую информацию, которая требовалась правительству США. В обмен ему позволили сохранить свой бизнес — как легальный, так и незаконный.

Макс, в свою очередь, дал ясно понять: если с ним, его семьей или сетью поставок и сбыта что-то случится, у него есть все средства, чтобы обнародовать правду о правительстве США. Американцы знали о существовании Ядранского картеля, но сознательно отказались от его ликвидации.

•

Я гадала, известно ли это Бастьяну.

— Что ты на самом деле ищешь? — попыталась

я прояснить ситуацию.

Мне не хотелось покидать дюну без ответов.

— Не что, а кого, — поправил Бастьян.

Это походило на правду. Он искал кого-то, кого знал Макс: делового партнера, чиновника с доступом к секретным контактам или продюсера, связанного с каким-нибудь известным филантропом… Выбор был широк.

— У меня ведь нет под рукой списка гостей, которые приезжали в Саличе за эти годы, с галочками напротив фамилий, — заметила я без тени притворства.

— Скажем, есть такой человек. — Бастьян понизил голос, будто даже дневные насекомые могли нас подслушать и донести. — Тот, кого Макс нанимает или привлекает к работе…

— Для чего? — спросила я гипотетически.

Макс был знатоком человеческой природы. Он считал, что люди вполне предсказуемы, если вовремя предложить им то, что они хотят. Но разве он нанимал кого-нибудь? Или заводил равноправных партнеров? Маловероятно. Макс был не командный игрок, а одиночка.

Однако ответ Бастьяна застал меня врасплох. У него, казалось, были готовые ответы на собственные вопросы, пусть и ошибочные.

— Показать, как тут все устроено. Поделиться сетью сообщников.

Я уловила, с какой легкостью он говорит об этом, и мысленно представила, к чему он клонит: будто бы Макс кого-то готовит или обучает. Что ж, будь сценарий таким, он бы состоял из пустых страниц.

— Так ты спросил об этом Макса?

— Да, спросил. Он ничего не ответил. Я ему не ровня.

Признание Бастьяна прозвучало так трогательно, что я решила протянуть ему руку помощи:

— Дам тебе бесплатный совет: хочешь играть с волками — сначала научись выть.

Бастьян озадаченно кивнул. Казалось, он принял мои слова как инструкцию, но не знал, как ее применить.

— Просто это выглядит нелепо, — добавила я без тени улыбки, возвращаясь к прежней мысли. — В твоей стране скрываются самые крупные в мире преступники. Нечистые на руку люди есть везде. Большинство из них никогда не окажутся ни в суде, ни за решеткой. А ты приехал сюда охотиться за миражами. Макс давно вышел из игры. Его время прошло.

На мою руку опустился комар, и я его прихлоп-

нула. На коже осталось серое пятнышко. Однако мне не давал покоя еще один вопрос:

— Если бы я что-то знала, с чего ты взял, что я бы тебе рассказала?

Бастьян снова сел, откинувшись назад и опершись локтями о песок. Он не сводил с меня глаз, словно предлагая к себе прикоснуться. Будто именно в этом и заключался его ответ.

— Я гоняюсь за плохими парнями большую часть своей взрослой жизни. А ты среди них выросла, — сказал он с лукавой полуулыбкой.

Еще одно крохотное насекомое зажужжало у меня перед лицом, заставив почесать нос. Я отмахнулась, намекая, что здесь бесполетная зона, и спросила:

— Ты правда веришь, что в мире есть плохие люди, которые творят злодеяния, и что Макс — один из них?

Бастьян надолго задумался, прежде чем согласиться:

— Да, некоторые из них и правда плохие. Ты считаешь иначе?

«Он наивен? Или просто играет со мной?»

— Мы способны на все, — ответила я. — Законы физики действуют на всех одинаково.

Буду честна: тайком я наслаждалась, мысленно

обводя контуры его тела. Каждый раз, когда я на глаз прикидывала ширину его плеч, по телу пробегал легкий озноб. Я беззвучно усмехнулась. Если бы он только знал, какой ураган бушует в моей груди по его вине…

Одна из уток, с зеленой головой цвета петрушки и белым ожерельем на шее, подплыла к дюне. Бастьян отложил ветку, надеясь, что птица приблизится.

— А какой закон действует сейчас? — беззастенчиво флиртовал он. — Между нами.

— Электромагнетизм. Не находишь? — рассмеялась я.

Мне всегда нравилось мое чувство юмора. Немногие находили мои остроты смешными, но мне было все равно. *Mãe* говорила, что мне хватает смелости, чтобы смеяться над собой. Этого было достаточно.

— Мне нравится твой смех, — признался Бастьян, продолжая смотреть на утку. — Когда ты смеешься, ты настоящая.

Я впервые обратила внимание на его бакенбарды. Почему-то они идеально сочетались с формой его носа.

У нас появился новый зритель — к Бастьяну подошла вторая утка и принялась изучать ветку

рядом с его ногой.

— Как насчет твоего мужа? — вдруг спросил он.

Я сделала вид, что не поняла вопроса.

— Его нигде не видно. Будто волной смыло… Ты о нем даже не упоминаешь… И мне интересно…

Он замолчал, прежде чем продолжить:

— Где он? Умер?

Я до сих пор помню его серьезный взгляд, скрытый за темными прядями волос, неуверенную интонацию и осторожную манеру подбирать слова. Точно вопрос был опасен сам по себе и даже утки могли нас подслушать. Я вновь не удержалась от смеха.

•

Не помню, сколько мне тогда было лет. Может, десять. Летние каникулы мы всегда проводили на острове в Адриатике, где у Макса был небольшой каменный домик. Позже отец приспособил его под сарай для рыболовных снастей и купил другой, побольше, выше на холме. Тоже каменный, с маленьким мостиком, соединявшим верхний этаж с сосновой рощей. Неровная мощеная тропинка, петляя, вела на юг, к чудесному галечному пляжу, но подниматься по ней на холм в изнуряющую жару было тяжким испытанием. Я

старалась не ходить на вершину одна и всегда находила попутчиков. Местные рассказывали, что громкие разговоры отпугивают змей, поэтому молчать было нельзя. Мы часто играли в словесные игры. Например, нужно было назвать то, что любишь больше всего: бабушку, смотреть в окно поезда на полном ходу, критиковать какую-нибудь знаменитость, выкидывать все из ящика, пробовать новый вкус мороженого, жульничать и выигрывать…

Как обычно, в полдень мы втроем — я и две мои подруги — поднимались по тропинке, в сандалиях и легких платьях поверх мокрых купальников. Мы играли в свою любимую игру, а потом пускались подбирать себе другие имена.

— Мне не нравится мое имя. Никогда не нравилось, — начала я. — Оно такое обычное. Вот если бы меня звали Аляска… Или Андорра…

— Ты что, атлас по географии? Я бы выбрала Эмили, — заявила подруга номер один. — Так аристократично звучит.

— Забудь, это не считается, — подключилась подруга номер два. — Ты взяла это имя из какой-то песни, а мы договаривались придумывать редкие. Я хочу быть Розалиндой.

— Слишком длинное, — парировала подруга

номер один. — Все равно сократят до Линды. О, слушайте, а моего мужа будут звать Джонни.

Подруга номер два ее перебила:

— Ты не можешь заранее знать имя своего мужа. Это не так работает — ты же не будешь выбирать жениха по имени. Ты, что ли, совсем тупая?

У подруги номер один уже все было продумано.

— Конечно нет. Но я сразу пойму, что это он. По имени, — гордо ответила она.

Подруга номер два закатила глаза:

— В таком случае моего мужа будут звать Том.

— Ну уж нет! — вспыхнула подруга номер один. — Ты же знаешь, что он нравится мне. И вообще, ты для него слишком высокая.

Как мы умудрились перейти от обсуждения имен к внешности будущих мужей, ума не приложу. Я все еще размышляла, подходит ли мне имя Аляска, как вдруг подруга номер два спросила:

— А твоего мужа как будут звать?

Я никогда не помышляла о замужестве. Тем летом все мои мысли о мальчиках сводились к одному австрийцу. Я втайне мечтала, чтобы он научил меня виндсерфингу, но не представляла, как заговорить с ним об этом. Уже собираясь

сказать, что не знаю, я вдруг заявила:

— Чарли. Его будут звать Чарли. Но моим мужем он не станет.

•

Отец Чарли вошел в мою жизнь в образе высокого темноволосого ирландца по имени Майкл с гор Уиклоу в одноименном графстве, известном в народе как Сад Ирландии. Он работал на пивоварне «Гиннесс» в Дублине, разливая пинты, а до этого стоял за стойкой бара в Тринити-колледже, пока там учился.

Он покинул Ирландию в сентябре 2002 года вместе с группой друзей. Они набились в две машины, прихватили палатки и отправились в Грецию. В Белград они заехали потому, что тот славился бурной ночной жизнью. Точнее говоря, их привлекли знаменитые «плоты».

В просторечии они назывались *splavovi*. Это были баржи, превращенные в рестораны, бары, ночные клубы, даже дискотеки, пришвартованные вдоль берегов Дуная и Савы. Они бывали самых разных форм и размеров — от домиков с верандами до стильных современных строений из стекла. Некоторые работали круглый год, но большинство — только летом.

У каждого «плота» был свой характер. Бы-

ли мейнстримные, с громкой международной поп-музыкой, куда ходили, чтобы засветиться. Прямой противоположностью им были непритязательные, по-домашнему уютные площадки с народной музыкой, рассчитанные на большие праздники вроде свадеб. Были и маленькие, альтернативные, с минимальным декором, где выступали любительские группы, — для тех, кто не вписывался в общие рамки. Но во всех заведениях действовало общее правило: работали они до последнего гостя.

Они прославились не только ночной атмосферой. Названия этих мест были не менее громкими: «Аргумент», «Вакх», «Шато», «Диско-бочка», «Калаш» (отсылка к автомату Калашникова), «Паранойя»…

В начале девяностых «плоты» превратились в настоящую вольницу для криминальной элиты, которая стекалась в самые известные заведения. Узнать такие места было несложно: там гремела музыка, мигали лазеры, ярко светили прожекторы, цветной свет заливал стены и даже работали дымовые машины. У входа стояли вышибалы, выбирая, кого впустить, и приветствуя самых красивых женщин. Там опасные люди выпускали пар, мерились силой и статусом в подпольном

мире. Не проходило и недели без стрельбы, порой со смертельным исходом.

Вечера я проводила на одном хипстерском «плоту», номинальным владельцем которого числился коллекционер, одержимый комиксами. С собственным алкоголизмом он боролся куда менее увлеченно. Настоящим хозяином заведения был не кто иной, как Макс, который помог коллекционеру деньгами, узнав, что тот собирается продать свои комиксы доморощенному букинисту из Парижа.

Это, разумеется, означало, что вход на «плот» контролировали люди Макса, хотя то было совершенно излишне. Каждый, кто видел перед заведением выставку автомобилей с надписью «Параграф» на номерах, знал, на чью территорию он ступает.

Макс обожал параграфы и всегда подчеркивал, насколько они важны и в письме, и в жизни, ведь они дробят целое на удобные части и упорядочивают мысли. Поэтому на всех его машинах были одинаковые номера. Удобно, если можешь себе это позволить.

Макс назвал свой *splav* «Модести Блейз», в честь героини, созданной британским автором комиксов Питером О'Доннеллом. Модести была сиротой

из Югославии, которая перебивалась чем придется, добывала еду на улицах и подворовывала. Ее приютил венгерский профессор, которого она называла Лоб. Тот обучил ее продвинутым навыкам выживания и нарек Модести, а имя Блейз она выбрала сама — в честь волшебника, наставника Мерлина из легенд о короле Артуре. Впоследствии она вступила в ряды секретных агентов, выполнявших специальные задания для британской разведки.

Я проводила бесконечные дни на этом «плоту» за чтением не только комиксов о Модести, но и романов, которые, как по мне, были даже лучше — умные, с фантазией и закрученным сюжетом.

Именно из-за Модести я начала носить черную одежду, но настоящая причина, по которой она стала моим кумиром, заключалась в ее отношениях с напарником, Уилли Гарвином. Он называл ее Принцессой. Они были как две части одного целого: каждый знал, о чем думает другой. Уилли относился к ней с безграничной преданностью. Их отношения — любовь без привычной романтики — выходили за грани моего понимания, потому что я никогда ничего подобного не испытывала. Только мысленно представляла. Я не из тех, кто чувствует себя счастливым, но стоит мне

погрузиться в мечты — и вот оно, мое счастье.

Была еще одна причина, по которой «плот» Макса приобрел такую популярность. Вопреки распространенному мнению — или мифу — о том, что коктейль «Космополитен» появился то ли на Майами-Бич, то ли в районе Трайбека на Манхэттене, его восточноевропейский собрат был изобретен на том самом «плоту» многими годами раньше.

Согласно местной легенде, один известный британский актер, не раз бывавший в Югославии на съемках фильма об операции «Шварц» времен Второй мировой, попробовал на «плоту» Макса коктейль под названием «Красный Робин». Это была смесь домашнего вишневого сока, лайма, «Куантро» и водки. Актеру так понравился напиток, что, вернувшись в Лондон, он заказал его в отеле «Дорчестер», но там не нашлось вишневого сока, и его заменили клюквенным. Очень немногие знают эту версию истории.

В «Модести Блейз» я и встретила Майкла. Он был настоящим красавцем и объяснил мне, что «пинта черного» — это пинта «Гиннесса», который на самом деле не черный, а темно-рубиновый. У него были восхитительные скулы и незабываемая улыбка. Он покорил меня ха-

рактерным ирландским акцентом и манерой говорить. Сначала я не понимала ни слова, не говоря уже о выражениях вроде: *away with the fairies*[6], *look at the state o'you*[7], *what eejits*[8]. Майкл был беззаботной душой — именно это мне в нем и нравилось.

Он называл меня своей *mot* — подружкой. Мы провели вместе три недели: бывали в «Модести Блейз», катались на моей машине и встречали рассвет у реки, поедая свежеиспеченные подушечки из слоеного теста под названием *жу-жу*. Потом он уехал на автобусе в Грецию, к друзьям, которые отправились туда раньше.

Узнав, что беременна, я позвонила ему на остров Миконос, где они арендовали жилье. Майкл был на седьмом небе от счастья. Но я не хотела, чтобы он возвращался, потому что не собиралась проводить с ним всю жизнь.

•

В марте 2003 года убили премьер-министра. На

---

[6] Сноски: 6

Букв. «улетел с феями» *(англ.)*, «витает в облаках, чокнутый». — *Примеч. перев.*

[7] Сноски: 7

Посмотри на себя! *(англ.)* — *Примеч. перев.*

[8] Сноски: 8

Что за придурки! *(англ.)* — *Примеч. перев.*

следующий день — еще до того, как в страну прибыли иностранные политики, чтобы выразить соболезнования и присутствовать на похоронах, — я на шестом месяце беременности села в частный самолет. Всякий раз, когда в стране происходило что-то серьезное, родители привычно собирали мои чемоданы и отправляли подальше. Через три месяца в лондонской больнице Челси и Вестминстера родился Чарли.

•

Из воды вышла третья утка и направилась к нам.

— Ты правда думаешь, что мы все тут члены какого-то мафиозного клуба? — Я была вынуждена его разочаровать. — История стара, как мир. Девушка встречает парня и беременеет. Брак был самым практичным решением, которое я приняла ради сына.

Бастьян выглядел еще более озадаченным.

— У моего сына фамилия отца и двойное гражданство. *Eso es todo.* Вот и все. Мой муж живздоров, и с ним все в порядке.

Я умолчала о том, что свидетельство о браке оформили на одно из моих фальшивых имен, так что технически замужем была не я. Резко сменив тему, я попыталась развеселить Бастьяна:

— Ты знал, что слово *mafioso* раньше было прилагательным? — с гордостью сообщила я, бросив взгляд на часы. — Оно означало «красивый» и служило комплиментом.

Уголки его губ поползли вверх. Я его позабавила.

— Была такая известная пьеса на Сицилии. В ней так называли тюремных бандитов. А потом слово вырвалось на свободу и стало обозначать обычных гангстеров за пределами тюрем.

«Рыбак рыбака видит издалека», — возможно, подумал Бастьян. В таком случае он был далеко не первым и не последним.

Он встал и отряхнул с джинсов песок, чем спугнул уток, и те заковыляли обратно к воде. Назойливые мошки тоже намекали, что пора уходить. Бастьян подал мне руку, помогая подняться. Я уже привыкла держать его за руку, которая была будто создана для моей.

Мы пошли назад к лодке. Бастьян предложил мне подождать на дюне. Он отвязал канат и подтянул лодку, развернув ее так, чтобы я могла подняться по маленькой лестнице рядом с мотором. Он оттолкнул лодку от берега, забрался внутрь и поднял якорь.

Я налила воду из бутылки в собачью миску.

Солнце медленно клонилось к закату, его предвечерние лучи окрашивали небо в теплые оттенки кораллового и янтарного, отчего облака походили на розовую сахарную вату.

Я ополоснула ноги оставшейся водой и вытерла их полотенцем. Бастьян протянул мне мои туфли, пристально глядя на них. Его джинсы промокли до самых бедер.

— Ты смотрела «Римские каникулы»? — спросил он, пытаясь завести новый разговор или найти повод не запускать мотор и не плыть обратно.

— Конечно смотрела.

Мне было нужно вывести его с острова до восьми вечера, пока партнеры Макса по игре не разошлись.

— Ты напоминаешь мне ее. Хепбёрн. Только ты, конечно, блондинка.

Верно. Я состояла в эксклюзивном клубе «двадцати пяти процентов» — сообществе натуральных блондинов. Макс и *Mãe* были брюнетами, а я почему-то оказалась блондинкой — именно по этой причине никто не принимал меня за их дочь. Что заставило Бастьяна провести параллель между мной и непокорной принцессой из фильма?

Будто читая мои мысли, он пояснил свой вопрос другим:

— Ты бы променяла свою жизнь на обычную?

— Что ты имеешь в виду?

Балисто сонно поднялся и зевнул.

— Ты бы могла быть никем? Как я?

«Тебя едва ли можно назвать никем», — подумала я.

— Ты спрашиваешь, смогла бы я жить простой жизнью? — уточнила я с застенчивой улыбкой.

— Да. «Меньше» значит «больше», — ответил он.

Каждый раз, когда он говорил о чем-то личном, его голос превращался в хриплый шепот, проникновенный и успокаивающий, как колыбельная.

— Я часто думаю: а вдруг меньше — это все, что есть, — сказала я, удивив саму себя неожиданным признанием.

— Тогда помоги мне понять, — мягко попросил он.

Наши взгляды встретились.

— Что именно?

Он указал пальцем на меня, затем на себя и снова — на меня.

— Разве мы с тобой не по разные стороны баррикад? — поддела я его с легкой иронией.

— По разные. Но я не хочу, чтобы ты там была.

Я задержала дыхание, выжидая, что он скажет или сделает дальше. Краем глаза заметила длинную и узкую деревянную лодку со старым мотором. Она проплыла мимо, подняв волну. «La Dottoressa» закачалась. Я ухватилась за спинку кресла, чтобы не потерять равновесие.

Бастьян воспользовался моментом, и его рука быстро скользнула мне за спину, притянув ближе к себе. От него пахло свежим цитрусовым одеколоном и еще чем-то. Мятной жевательной резинкой. Я заметила крошечную родинку на левой стороне его шеи внизу.

— Где же ты хочешь, чтобы я была? — услышала я собственный голос.

Свободной рукой он взял мою ладонь, поднял ее и приложил к левой стороне своей груди.

— Хочу, чтобы ты была вот здесь.

Он мягко накрыл мою ладонь рукой, заставив почувствовать ритмичные удары его сердца.

В тот же миг, будто по молчаливому сигналу, Балисто заметил аиста и рванул за ним, спрыгнув с катера. Аист расправил крылья, словно плащ, и взмыл в небо, до смерти напугав глуповатых уток.

Спокойствию пришел конец.

Прошлое. Часть 4

Когда мы пришвартовали лодку и я проводила Бастьяна к воротам, мы попрощались. А потом решили встретиться снова — чтобы еще раз попрощаться. Он так и не сказал мне, где собирается провести следующий день.

Сознание того, что я увижу его снова, принесло слабое утешение и помогло дотянуть до утра. Я не спала. Всю ночь провела на балконе, в компании скверного настроения и полупрозрачного лунного света, дожидаясь рассвета. Балисто занял свое любимое место в моей комнате и смотрел на меня с озабоченным выражением на щекастой морде. Время от времени он тяжело вздыхал с сочувствием к моим страданиям, хотя те значили для него не больше мешка куриных костей.

Ночь разрушает разум, а думать во время бессонницы хуже, чем не думать вовсе: утомленный мозг — штука мстительная.

Остатки рассудка подсказывали, что нужно отдохнуть, но голова кипела. Что делать, если перед тобой стоит невозможный выбор?

На следующий вечер я попросила Бэмби отвез-

ти меня в отель Себастьяна. Бэмби, в прошлом рестлер, был добродушным великаном с приветливым лицом, но среди людей чувствовал себя неловко.

•

На летней Олимпиаде 1980 года в Москве он выиграл золотую медаль, однако мечтал стать юристом. Парень был умный, но бедный. Его мать трудилась уборщицей в здании Верховного суда. Помимо основной работы она выполняла поручения судей: стояла в очередях в банках и на почте, чтобы оплатить их счета, убиралась в их квартирах, покупала цветы для их любовниц. Так она и познакомилась с Попкорном: она была сообразительной и нуждалась в деньгах, а Попкорну требовался информатор в суде.

В мае 1992 года Совет безопасности ввел экономические санкции против Федеративной Республики Югославии — красивое название для шаткого союза двух маленьких стран: Сербии и Черногории. Международная торговля и любые финансовые операции были запрещены. Путешествовать стало сложно, особенно для бизнесменов. Но на искусство и спорт санкции не распространялись, поэтому, если удавалось доказать, что поездка связана с участием в турнире,

ее разрешали. Макс искал способ оформления виз для своих людей. Он убедил Министерство спорта зарегистрировать новые спортивные организации вроде ассоциации водных мотоциклистов или пляжного волейбола. Они существовали только на бумаге, не имели участников и не вели никакой деятельности. Еще Максу нужен был кто-то, похожий на спортсмена. Например, бывший атлет. Макс вспомнил о Бэмби и согласился оплатить его обучение в университете в обмен на выполнение пары-тройки поручений в Бельгии и Германии. Когда Бэмби окончил университет, то, ко всеобщему удивлению, сам попросил Макса взять его обратно и позволить работать на него.

•

Бэмби проследил, что я вошла в вестибюль и подала знак швейцару. Швейцар должен был сообщить на ресепшен о том, что я здесь, на случай если мне что-то понадобится. Бэмби уехал, а я спустилась на цокольный этаж, где находились магазины с товарами класса люкс. В одном из них торговали продукцией известного датского бренда, любимого меломанами. Макс закупал у них всю аппаратуру для дома, включая телевизоры, акустические системы, телефоны, CD-плееры и радиоприемники.

Владелец магазина знал меня и помог выйти из отеля через боковую дверь, предназначенную для персонала. Я не хотела, чтобы швейцар видел, как я ухожу. Я направилась к парковке отеля в поисках коричневого «мерседеса». Шаги Бастьяна отзывались эхом за моей спиной — он шел следом.

— Ты всегда носишь черное? — спросил он.

Да. Я выбирала черный вне зависимости от времени года или повода. Предпочитала строгие линии. В тот вечер на мне был стандартный наряд: укороченные черные брюки, черная вискозная блузка с элегантным V-образным вырезом и красные балетки. Единственное исключение касалось обуви, только она могла быть цветной. Бастьян, напротив, обожал носить яркие цвета — чем насыщеннее, тем лучше. В тот вечер на нем были джинсы и хлопковая рубашка пронзительного бирюзового оттенка, напоминавшего небо Флоренции в сентябре, сразу после дождя, в тот час, когда солнце уже село, а ночь еще не наступила. В такие моменты цвет неба становится особенным — глубоким сине-зеленым, и, когда он отражается в реке Арно, невозможно отличить небеса от земли.

— Как же так? Ты сегодня без футболки с лого-

типом? — дерзко спросила я.

Бастьян приподнял штанину ровно настолько, чтобы показать носок с изображением сжатого кулака, раскрашенного в синий, белый и красный цвета, с белой звездой на большом пальце.

— Подойдет? Это флаг Чили.

— Ты для меня слишком модный, — поддразнила я его. — Помню, мы договорились пойти в барбекю-ресторан… Но ты не против, если сначала немного прогуляемся?

— Конечно нет. Веди, — ответил он с галантным поклоном.

Недалеко от отеля находился огромный питомник растений, который к этому часу уже закрылся. Его ограждала проволочная сетка, но задние ворота, через которые обычно заезжали грузовики и фургоны с растениями, никогда не запирались. Мы толкнули калитку, пошли по длинной пыльной дорожке к самому широкому месту реки и добрались до небольшой цыганской общины, переселившейся из Италии и обосновавшейся на этом заброшенном клочке земли. Я наткнулась на них случайно несколько лет назад, когда приехала с *Mãe* за бугенвиллеями в горшках для ее сада.

Как бы убого ни выглядели их дома, у каждого

имелся свой характер. С удивительной изобретательностью цыгане превращали все, что находили на свалках, в полезные вещи: старые люстры — в ветряные колокольчики, тракторные покрышки — в цветочные горшки, видеокассеты «Бетамакс» — в строительный материал для укрепления тонких стен, а мраморные надгробия — в столешницы. Они даже соорудили фонтан из старого оливково-зеленого трехколесного мотоцикла — вытащили пассажирское сиденье из коляски и подвели к багажнику водяной шланг. Я часто навещала их, приносила еду, детскую одежду, одеяла — все, что могла незаметно вынести из дома. Община состояла из десяти-двенадцати семей, некоторых я знала по имени. Как и следовало ожидать, они удивлялись, почему я продолжаю приходить.

Один из самых богемных персонажей, скрипач по имени Пиццикато, часто беседовал со мной. Нас объединяла любовь к чтению, и я по возможности приносила ему книги.

Он был убежден, что является реинкарнацией буддийского монаха, поэтому брил голову и носил оранжевый шарф, цветом напоминавший кашаю — традиционное одеяние буддистов, прошедших обряд посвящения. Его лысая голова была напол-

нена восточной мудростью. Всякий раз, завидев меня, он говорил что-нибудь вдохновляющее. Тот вечер не стал исключением.

Пиццикато раскинул руки, расплылся в беззубой улыбке и сказал по-итальянски:

– *Buonasera, signorina. Добрый вечер, синьорина. Знай: твой злейший враг причинит меньше вреда, чем твои неосторожные мысли.*

Затем он повернулся к Бастьяну, пожал ему руку и добавил:

– *Лучше одно слово, приносящее мир, чем тысяча пустых. Benvenuti.* Добро пожаловать.

Бастьян выглядел озадаченным, но продолжал улыбаться.

– *Come stai, Pizzicato?* Как поживаешь? — вежливо спросила я.

Пиццикато сложил ладони, вытянув пальцы вверх, и ответил:

– *Чувства приходят и уходят, синьорина. Мы становимся тем, о чем думаем.*

Женщина неподалеку жарила баклажаны, красный перец и початки кукурузы на большом самодельном гриле. Пахло дымком со сладковатыми нотками. Мужчина в синем рабочем комбинезоне полировал крыло автомобиля тряпкой. Женщина рядом развешивала белье.

Мальчик кидал сдувшийся баскетбольный мяч в ржавое кольцо, прикрепленное к одной из лачуг, а другая женщина рубила арбуз топором на импровизированном столе, сделанном из старой стиральной машины.

— Надеюсь, ты не против, что мы пришли сюда? — Я посмотрела на Бастьяна. — Знаю, это не самое красивое место для прогулок. Но мы постараемся не задерживаться надолго.

За нами увязалась стайка детей. Девочек завораживала моя обувь: алые лакированные балетки с ребристым шелковым бантом и золотой пластинкой посередине. Что за магия притягивает маленьких девочек к красным туфлям?

— Совсем не против. Я и раньше видел *gitanos*, цыган, знаешь ли. Они ведь не только в твоей части света водятся. — Мяч подкатился к его ногам, и Бастьян легонько пнул его обратно мальчику. — К тому же я бы пошел за тобой куда угодно.

Пылинка, подхваченная легким ветром, попала мне в правый глаз. Я остановилась и достала из сумки носовой платок. Бастьян забрал его у меня, велел приподнять голову и посмотреть вверх. Я не знала, что можно увидеть в сгущавшихся сумерках, но подчинилась, стараясь не моргать. Он осторожно провел платком по нижнему веку

и произнес:

– *Bajo la luna gitana, las cosas la están mirando, y ella no puede mirarlas.* Лишь месяц цыганский выйдет, весь мир с нее глаз не сводит — и только она не видит[9].

Я пожалела, что у меня нет бумаги и ручки, чтобы записать эти слова. Пришлось повторять их про себя, чтобы запомнить. Позже я узнала, что это строки Федерико Гарсиа Лорки.

— Попробуй поморгать, — посоветовал Бастьян.

Неприятное ощущение в глазу исчезло. Его лицо было так близко… Я поймала себя на мысли, что хочу украсть его глаза, чтобы они всегда смотрели только на меня.

Каждый раз, когда нам по пути попадалась грязь, он давал мне знак перепрыгнуть.

— Зачем ты вообще сюда приходишь? — спросил он. — Странное место для прогулок.

— Я могу отправиться в любую точку на карте, но пойти мне при этом некуда. Это место где-то посередине.

Это было правдой, но лишь отчасти. Я действительно могла поехать куда угодно: у нас

---

[9] Сноски: 9

Цитируется стихотворение Федерико Гарсиа Лорки «Сомнамбулический романс», перев. А. Гелескула. — *Примеч. перев.*

были машины, самолеты, лодки… И я много путешествовала. Месяцами находилась в дороге, посещала разные города, останавливалась в неприлично дорогих отелях, любовалась восходами и закатами в разных концах света. Но мне не хватало спутников. Когда люди узнавали, кто я такая, то сразу делали выводы и либо льнули ко мне, либо выражали явную неприязнь. А если не знали, то приходилось выдумывать факты и подгонять правду под конкретные обстоятельства. В конце концов я все равно оставалась одна и со временем перестала искать друзей.

— Рим — исключение, — добавила я, будто поправляя себя. — Это моя самая давняя любовь. Каждый раз, когда нужно исчезнуть, я лечу туда. Иногда всего на пару дней. На Пьяцце Навона есть старая церковь, базилика Сант-Аньезе-ин-Агоне. Когда заходишь внутрь, слева, прямо напротив статуи святой Агнессы, есть маленькая капелла, посвященная святому Себастьяну, и я всегда…

Мой голос затих, когда я осознала смысл своих слов.

Беломраморный святой, привязанный к стволу дерева и пронзенный стрелами… выглядел таким мужественным и притягательным… Неужели его имя — просто совпадение?

Формально я христианка, но не католичка. Да и то в этой религии меня привлекала лишь одержимость церквями.

Когда я родилась, большинство семей тайно оставались верующими и жили в страхе перед коммунистами, чья идеология отрицала религию. Люди ходили в церковь, стараясь не привлекать внимания. Иконы и реликвии прятали по домам. Главным зимним праздником был Новый год, а не Рождество. Меня крестили в маленькой православной церквушке рядом с известным источником святой воды. Говорят, эта вода исцеляет болезни глаз, поэтому ищущие чуда приезжают туда, пьют ее и омывают лицо. Бабушка и тетя дали денег священнику, чтобы он провел обряд.

Впервые отправившись в Рим, я пошутила, что встречаюсь с Богом, и была разочарована туристическим антуражем Ватикана. Мне чего-то явно не хватало. Скорее всего, раздражал шум. Для святого места там было слишком много болтовни на всех языках мира. Потом я открыла для себя бесконечное множество церквей по всему городу. Каждая была уникальна по-своему и хранила особую замкнутую тишину. Я поставила себе цель — посетить как можно больше церквей.

Я не молилась, меня этому никто не учил. Обычно я зажигала свечи и оставляла деньги в ящиках для пожертвований.

Каких бы демонов я ни приводила с собой в церкви, покой и уединение внутри древних стен всегда обращали их в бегство. Я устроила себе настоящее испытание — посетить все девятьсот церквей и начала вычеркивать их из списка.

Я стала расспрашивать Бастьяна о Чили. Ему понадобилось немного времени, чтобы собраться с мыслями и погрузиться в воспоминания о доме в Кинтеро, виноградниках вокруг Сантьяго, пустынях на севере, пингвинах на острове Качагуа, вулканах и озерах на юге, городе Пукон на озере Калафкен… Его воспоминания напоминали короткие рассказы, в каждом из которых находилось место колоритному персонажу из набора дедушек, тетушек, дядюшек, кузенов, крестных и друзей. Вместе с ними оживала память о праздниках…

— В Чили потрясающая еда, — просиял он. — Ничто не сравнится со сладостью манхара. Это десерт из сгущенки и сахара. Каждый раз, когда я его ем, накатывает ностальгия — он напоминает мне о детстве. — Бастьян на секунду задумался, перебирая в памяти прошлое. — А еще хлеб.

Marraqueta con palta! Хлеб с авокадо.

Услышав про авокадо, я нахмурилась. В те времена это был редкий фрукт, еще не ставший культовым, как сегодня.

Голос Бастьяна превратился в легкий тихоокеанский бриз, приподнявший меня над живой балканской землей, на которой мы стояли. Он всегда оживлял свою речь жестами, из-за чего его рассказы напоминали кукольное представление. Я запоминала его движения, текстуру кожи, волоски на руках, форму пальцев.

Мне нравилось, что при каждой улыбке уголки его усов превращались в два острых клинышка, похожие на мохнатые клыки вампира, а на щеках появлялись ямочки.

Мы подошли к пологому участку земли, который цыгане иронично называли *la sala* — «гостиная». Это был плавный склон, спускавшийся к воде, с травой, покрытой старыми коврами и половиками, собранными за много лет. Металлические шесты поддерживали огромные пластиковые крышки от ящиков, скрепленные проводами, — это создавало иллюзию крыши. Хотя почва была бугристой, вокруг стояли старые, видавшие виды стулья. На одном из них спала пестрая кошка — белая, с квадратными черными

и рыжими пятнами. Рядом лежала серая дворняжка. Пиццикато сидел на стуле напротив, закинув ноги на красный пластиковый ящик из-под кока-колы. Он возился со стареньким переносным радиоприемником: то ли разбирал его, то ли просто менял батарейки.

Противоположный берег реки сиял городскими огнями, словно кадр из старого цветного фильма. Прямо у воды стоял типичный деревянный стол для пикника с прибитыми по бокам скамейками. Я присела на столешницу, побоявшись, что если сяду на скамейку, то вся конструкция опрокинется.

Дети, шедшие с нами, подбежали к тощей собаке и кошке и разбудили их. Самая маленькая девочка в малиновом платье подошла ко мне и попросила примерить мои туфли. Я сняла их и протянула ей. Она захихикала, села на землю, сняла башмачки и надела балетки. Конечно, взрослая обувь была ей велика, но девочка не смутилась и даже попробовала пройтись, покружив перед нами. Когда она поднимала ногу, туфля спадала, и девочка скользила по коврам, как на коньках.

– *Non infastidire la signorina, Karla!* Не беспокой синьорину, Карла! — крикнул ей Пиццикато.

Девочка виновато на меня посмотрела, будто спрашивая разрешения остаться, и я, улыбнувшись, кивнула:

– *Va bene*. Все в порядке.

Бастьян стоял у воды, с руками в карманах джинсов, то ли задумавшись, то ли наслаждаясь видом. Каждый раз, когда я смотрела на него, по телу пробегала сильная дрожь. Я ловила себя на тех самых неосторожных мыслях, о которых упоминал скрипач. Они выводили меня из равновесия. Я радовалась, что Бастьян рядом, ведь завтра в это же время он уедет, а спустя мгновение — осуждала свои чувства и искала способ стереть их.

Женщина, которую я видела раньше, спускалась по склону с пластиковой миской в руках. На ней была юбка из искрящейся ткани с блестками и золотыми подвесками, напоминавшими монетки. Они издавали мелодичный звон в такт движениям бедер. Женщина прикрикнула на детей, которые спорили, кому принадлежат кошка и собака, а бедные животные не знали, куда деваться.

Бастьян обернулся, и женщина протянула ему миску с кусочками арбуза. Он поблагодарил и поставил угощение на стол рядом со мной. Девочка

бросила туфли на ковре и подскочила к нам, но не смогла дотянуться до арбуза, поэтому Бастьян переставил миску на скамейку. Девочка, похоже, была им очарована. Как и я.

Он дотронулся пальцем до кончика ее носа и издал звук, похожий на автомобильный клаксон. Девочка расхохоталась. Потом уселась на скамейку и принялась есть арбуз. Сок с каждым укусом стекал по ее подбородку на платье. Я снова достала платок и попросила Бастьяна передать его девочке. Вместо этого он развернул хлопковую ткань и засунул один уголок за воротник малинового платья, превратив платок в слюнявчик.

Девочка наелась и вернулась к игре с моими туфлями, а платок по-прежнему болтался у нее на шее.

Бастьян извлек из нагрудного кармана пачку сигарет. Я ждала, что он что-нибудь скажет, а он только хлопал себя по рубашке. Ему снова понадобилась зажигалка: то ли он никогда ее с собой не носил, то ли привык пользоваться чужими. Он обшарил карманы джинсов и наконец сдался. Мне пришлось вновь одолжить ему свою зажигалку.

Бастьян подошел ближе, убрал прядь волос с моего лба и спросил:

— Что мы делаем?

— Не знаю, как ты, *sabelotodo*, а я краду последние крохи времени, что у меня остались с тобой.

Я назвала его всезнайкой по-испански, чтобы скрыть, насколько нервничаю. По тому, как напряглись мышцы на его шее, я догадалась, что он тоже на взводе.

— Мне нужно возвращаться.

Он закурил и вернул мне зажигалку.

— Знаю, я ведь не дура, — сказала я. — Просто сделала глупость.

— Какую?

— Загадала желание, — не стала таить я и хихикнула.

Он усмехнулся, не понимая, что я имею в виду.

— Можно я буду тебе писать? — спросила я, цепляясь за призрак надежды.

Вдруг письма станут нашей ниточкой?

Впоследствии я поняла, что надежда — самое бесполезное чувство. Не более чем плацебо для психики.

Бастьян покачал головой. Мы столкнулись с безвыходной ситуацией, когда чем больше думаешь, тем запутаннее все становится. Бесполезные размышления затягивают в водоворот и одновременно душат. Сегодняшняя встреча была

ошибкой, но ни один из нас не соглашался это признать.

Так что я просто сидела. Вежливо делала вид, что понимаю трудности нашего положения. И при этом словно разваливалась изнутри на части.

Из радиоприемника, с которым возился Пиццикато, доносились нежные звуки музыки. Он все крутил большую боковую ручку, пытаясь поймать станцию без помех, пока не понял, что нужно поднять антенну повыше. Девочка, шаркая в моих балетках, подошла к мягким креслам и села рядом с остальными детьми.

Бастьян молча стоял и курил. Это была импровизированная игра — каждый выжидал, подстрекая другого сделать первый шаг. Мы были полной противоположностью друг друга. Образцовый борец с преступностью и дочь криминального босса. Такими мы были. И такими останемся навсегда.

— Ты слышала легенду о Ла-Пинкойе? — спросил он, выдыхая сигаретный дым. — Она была богиней и жила в Тихом океане. Говорят, если она танцевала лицом к холмам, это был дурной знак, рыбы не жди. А если лицом к морю — улов был богатым. Ты такая же. Я не знаю заранее, куда ты

повернешься. Не понимаю, что у тебя на уме. — Он отступил на шаг с растерянным видом. — Я просто хочу, чтобы ты сказала.

— Сказала что? — Я сжала пальцами край деревянной столешницы.

— Мне только кажется или между нами что-то происходит?

Бастьян смущенно опустил взгляд. Когда он посмотрел на меня снова, его глаза улыбались, а в их уголках пролегли лучики морщинок.

— Я поверю всему, что ты скажешь, — добавил он с уверенностью.

— Я не могу перестать думать о тебе.

Это было все, на что я отважилась. Он опять расплылся в странной тревожной улыбке. Цвет его глаз напоминал жженую умбру.

— Может, найдем место, где нас не побеспокоят? — спросил он, покосившись на колоритную компанию, которая нас окружала.

Но загвоздка заключалась в том, что в городе не существовало гостиницы, где он был бы в безопасности. Рядом всегда маячил кто-нибудь, мечтавший меня сдать. Эта угроза преследовала меня всю жизнь. Уединение всегда было проблемой. Роскошью, почти для меня недоступной. При всем богатстве и возможностях, которыми

я обладала, у меня не было свободы. Я покачала головой.

— Ты правда думаешь, что я просто уйду и вытолкну тебя? — спросил он с мольбой.

Я знала: единственный способ поддерживать связь — это ограничить свои ожидания разумными рамками. Мы могли бы жить в разных местах, но встречаться время от времени. И все же, что бы мы ни придумали, наши отношения напоминали бы следы на песке, которые смывает волной.

— Откуда?

— Из головы, наверное. — Бастьян отбросил окурок. — Или из сердца.

Я часто задавалась вопросом, как именно люди любят: головой или сердцем? Нам говорят, что сердцем. Но так ли это? Разве мы ощущаем свое сердце в груди, пока с ним не случится приступ?

Девочка в малиновом платье и моих красных туфлях куда-то исчезла. Все дети ушли. Остались только Пиццикато и кошка с собакой. Покрытый морщинами старик все еще крутил ручку радиоприемника артритными пальцами в попытке поймать волну. Вверху на склоне тускло светился гриль с овощами. Мне нужно было найти девочку.

Вдруг радио заиграло громче, и из него полился

чистый звук фортепиано в стиле госпел с мягким сопровождением струнных и баса. Следом послышался теплый проникновенный голос: ***«If you ever change your mind… About leaving, leaving me behind…»*** «*Если ты вдруг раздумаешь… бросать, бросать меня…*»

— Я знаю эту песню, — сказал Бастьян, протягивая мне руку. — Это Сэм Кук.

Он помог мне спуститься со стола и, когда я встала перед ним, притянул к себе. Я сразу поняла: он что-то задумал. Бастьян был из тех редких мужчин, которые прекрасно осознают свою привлекательность и обаяние. Их лукавые, лисьи глаза способны разговаривать с женщинами без слов.

Я подчинилась его воле, как марионетка. Он осторожно отвел мою голову назад и в сторону, проведя по шее пальцами, будто в поисках пульса. Другой рукой он придерживал меня за висок. Потом наклонился. Я ощутила на коже его теплое дыхание — оно согревало, как пустынный ветер сирокко. Кончики усов щекотали мои нервные окончания. Наконец его губы коснулись моей щеки. Я схватила его за руку в молчаливой просьбе остановиться.

Моя вторая рука обвилась вокруг его шеи, слов-

но гибкий стебель плюща. Мы замерли, сжимая друг друга в объятиях. Завладев друг другом, мы понимали, что, возможно, никогда больше не увидимся. Если бы я опустилась на колени и представила, что стою на цветочном лугу среди калейдоскопа цветов, а мои босые ноги свисают с края пропасти, сцена напомнила бы известную картину Густава Климта «Поцелуй».

Его губы провели невидимую линию от моей щеки вниз по шее до ложбинки над ключицей. Он не целовал меня. Он оставлял на мне метки своими губами. Я позволила телу впитывать его, как нектар.

— Боже, почему ты всегда так приятно пахнешь? — Казалось, он разговаривает не со мной, а с моей кожей. — Будто четыре времени года слились воедино…

— Если бы прямо сейчас могло сбыться любое твое желание, — тихо сказала я, — чего бы ты захотел?

До чего же эгоистичный вопрос я задала!

— Потанцевать с тобой, — ответил Бастьян, не раздумывая.

И мы начали танцевать. Мы двигались медленно, едва заметно, но синхронно, подстраиваясь под ритм песни. Он старался не наступить на мои

босые ноги. Потертый и грязный ковер позволял легко скользить, и я время от времени приподнималась на цыпочки, пытаясь стать чуть повыше. Моя голова покоилась у него на груди… и да, я вдруг ощутила биение его сердца. Оно танцевало в том же ритме — семьдесят один удар в минуту. Я прошептала ему на ухо единственную фразу, которая пришла мне на ум, пока я слушала слова песни:

— Эта песня прекрасна.

Он слегка отстранился, возможно раздосадованный тем, что я испортила момент, но потом улыбнулся, посмотрел на меня и подтвердил:

— Как и ты.

Он был скромным, но очень искусным соблазнителем.

— Не пытайся разгадать меня, — предостерегла я, не зная, как отвечать на искренний комплимент, ведь он мог перевернуть мою жизнь с ног на голову.

— Почему? — задорно спросил Бастьян.

— Я не такая, как все. Немного с приветом.

— Мой любимый тип женщин.

Песня закончилась, и ее сменила другая, с более быстрым ритмом.

— Пойдем искать твои туфли, — усмехнулся

он, затем подхватил меня под колени и поднял на руки.

— Что ты делаешь? — всполошилась я.

— Убиваю одним выстрелом несколько зайцев.

Я не страдала худобой и понятия не имела, насколько сильным должен быть мужчина, чтобы нести меня на руках, но плавность и легкость его движений удивили меня. Он нес меня вверх по пологому склону, шагая уверенно и глядя мне прямо в глаза, а не себе под ноги. Когда мы дошли до убогих лачуг и Бастьян узнал женщину, которая принесла нам арбуз, он аккуратно опустил меня на землю. Ковры уже убрали, я стояла на траве.

— Ручка есть? — спросил он ее, жестом показывая, будто пишет.

Она кивнула, зашла в дом и вернулась с пластмассовой авторучкой. Бастьян оторвал от сигаретной пачки кусочек картона, разгладил его края и развернул меня спиной к себе.

— Не двигайся, — сказал он, будто одергивая непоседливого ребенка.

Он приложил обрывок картона к моей спине, словно это был стол, и начал что-то писать. Я смотрела по сторонам в надежде увидеть девочку в малиновом платье.

— Послушай, это важно. Я хочу, чтобы ты запомнила. — Он повернул меня лицом к себе. — Если понадобится моя помощь — не важно зачем, — звони по этому номеру.

Женщина беззастенчиво за нами наблюдала. Скрестив руки, она прислонилась к громоздкому ящику, разрисованному граффити, который на самом деле был старой морозильной камерой.

— Это номер моего друга в Лэнгли, — строго продолжил он. — Мы работаем вместе, и, даже если меня там не будет, он передаст мне твое сообщение. Где бы я ни находился.

Я держала в руке кусочек картона с десятизначным номером, все еще не понимая, зачем он мне.

— Зачем мне хранить дома номер агента ЦРУ? — спросила я. — Ты же сам видел, что у нас творится: на днях полиция забрала все подчистую.

К чему все это? С чего мне обращаться к Бастьяну… за помощью? И почему он не дал мне свой домашний номер? Тут меня осенило: может быть, он живет не один? Вдруг у него есть девушка или он женат… Нелепые, глупые, безумные мысли жужжали в моей голове, как пчелиный рой. Хотя, если я состояла в фиктивном браке, какая мне

разница, с кем он живет? Я пыталась заглушить эмоции здравым смыслом.

Заметив, что я не слушаю, Бастьян взял измятый клочок картона, вложил его в другую мою руку и снова попросил запомнить:

— Потом сожги его или выброс. Мне все равно. Но если я тебе понадоблюсь, просто позвони по этому номеру, и я приду.

Он держал мою ладонь и не отпускал.

— А что мне сказать твоему другу? — спросила я.

Бастьян задумался.

— Скажи, что у тебя есть для меня сообщение.

— Какое сообщение?

Женщина села на стоявший рядом стул. Наверное, поняла, что наш разговор затянется. Из-за домиков вышел новый персонаж — незнакомый мужчина в чем-то вроде блузы хирурга и в пижамных штанах с изображением маленьких голов Человека-Паука. Он нес что-то, завернутое в старую газету.

Это были мои красные туфли, но вычищенные до блеска. Я поблагодарила и надела балетки. Мужчина уходить не собирался. Теперь наша аудитория состояла из двух человек.

— Нам нужно придумать кодовое слово, что-то

вроде сигнала, — сказал Бастьян и покосился на женщину.

Я была уверена, что она не понимает ни слова. И все же я могла поклясться, что выражение ее лица говорило: *«Dai, pensaci. Ну давай, думай»*.

— Есть идея. Кодовая фраза будет вопросом: «Как называется моя любимая песня Сэма Кука?» — предложил Бастьян.

Он что, издевается? Вот так, значит, работает ЦРУ? Использует музыкальные хит-парады сорокалетней давности вместо шифров? Я выжидала. План казался слишком простым или слишком глупым, чтобы сработать. Однако лицо Бастьяна оставалось серьезным. Наверняка за этим скрывалось что-то еще.

Бастьян сжал мою ладонь, словно хотел, чтобы номер отпечатался на моей коже.

— Пообещай, — настаивал он.

И я пообещала.

В ту же ночь, вернувшись домой, я выучила номер наизусть. А потом сожгла обрывок картона своей зажигалкой.

Бастьян уехал на следующий день. Когда и как, я не знала, хотя по глупости высчитывала, сколько времени займет его путь до Америки, если он правда направлялся туда. Прошел день, затем

неделя, другая, потом — целый месяц. Каждый день я сдерживалась, чтобы не взять трубку и не набрать номер, придумав любой глупый повод себе в оправдание. Настал момент, когда я пыталась убедить себя, что между нами ничего и не было. Я не лелеяла свою тоску, не впадала ни в отчаяние, ни в ярость.

Единственным врагом оказались мои собственные мысли. Мысли о нем. Сильвина Окампо писала: *«Hay diferentes grados de silencio como hay diferentes grados de oscuridad. Существуют разные уровни тишины, как и разные градации темноты».*

Я хотела — нет, мне было необходимо — вернуться к привычной жизни: рассуждать здраво, находиться в движении, заниматься делами, заботиться о Чарли, писать рассказы, снова почувствовать себя нормальной. Но потом я поняла: мои нынешние чувства, невыносимое бремя желания и тоски по Бастьяну — это и есть моя новая норма. В тишине и во тьме.

Годы между прошлым и настоящим

У меня всегда был писательский дар. Помню, как во втором классе начальной школы нас учили основам грамматики. Это напоминало изучение нот для последующего создания симфонии. Каждый раз, когда нам задавали сочинение на определенную тему, я писала вымышленную историю. Мои школьные тетради были испещрены правками красного цвета: учителя часто указывали, что я совершенно не поняла задание, но рассказ получился интересным.

Макс умел сочинять истории на ходу и рассказывал их мне, когда я была маленькой. *Mãe* больше любила петь мне детские песенки.

Если я болела, грустила или плакала — например, потому, что наступила на пчелу и та меня ужалила, — Макс сажал меня себе на колени и рассказывал истории о своем вымышленном младшем брате по прозвищу *Šibica*, или Спичка. Он был сообразительным и озорным мальчиком, который постоянно втягивал себя и друзей в неприятности, особенно когда пытался из них

выкрутиться. Истории выходили забавными, потому что Спичка был импульсивным и непредсказуемым. Он врал, не уважал взрослых, больше всего на свете обожал приключения и всегда умудрялся выйти сухим из воды.

Позже я придумала собственный персонаж — семилетнюю малышку по имени *Klinka Palačinka*. Первое слово значит «девочка», а палачинкой у нас называют блинчик.

У нее были прямые темные волосы с челкой, которую она стригла сама. Челка получалась неровной, потому что ножницы затупились. Любознательные серо-голубые глаза Клинки вечно выискивали в ее маленьком мире несправедливость, которую девочка пыталась исправить. Ее единственным недостатком было нежелание смириться с тем, что несправедливость вообще существует.

Клинка всегда надевала слишком много одежды. Поверх обязательной кофты с длинным рукавом она носила одну или две футболки на случай чрезвычайной ситуации: ведь если верхняя одежда испачкается, ее можно снять и остаться в чистой. Клинка обожала мягкие спортивные штаны, которые заправляла в белые резиновые сапоги с узором в виде красных ви-

шен. Сверху на штаны она часто надевала юбку из тюля и никогда не выходила из дома без желтой панамы и корзинки из ивовых веток. В корзинке лежали ее инструменты: клубок веревки, старые ключи, мелки для письма, пластиковые трубочки, шерстяные помпоны и блинчики, если их удавалось достать. Клинка начиняла блинчики джемом или ванильным сахаром, смотря что было под рукой. Сахар часто высыпался, отчего вся корзинка пахла ванилью.

Девочка жила на малиновой ферме и приручала животных, которые всюду следовали за ней, в основном из-за блинов. Три воробья по имени Хоппер, Боппер и Стэнли любили блины больше всех. Лучшим другом и соседом Клинки был Спичка. Они постоянно попадали в разные переделки: когда учились грести на лодке на ближайшем озере, искали спрятанные сокровища, спасали котят с колокольни, воровали тракторные шины или гонялись за привидениями на чердаке. А еще они очень любили петь, по горло увязнув в грязи.

Истории доносили до детей простые, но важные мысли: заправляй по утрам постель; если тебе доверили секрет — храни его; будь как утка — снаружи спокоен, но под водой греби изо всех

сил; записывай свои сны, потому что, повзрослев, ты их забудешь; получай удовольствие от мытья посуды; не верь всему, что говорят взрослые; не уступай обидчикам; и никогда-никогда не сдавайся…

Я начала переделывать свои истории в рассказы для будущей книги в марте 1999 года, когда НАТО бомбила Югославию. Тогда же закончились мои попытки осмыслить происходящее. Бегство в придуманный мир казалось единственным логичным решением.

За ночь до того, как военные самолеты взлетели с авиабаз в Италии и Германии, а политики объявили, что, раз мирные переговоры провалились, пора переходить к действиям, мои родители решили отправить меня в Будапешт.

Я покинула Саличе посреди ночи на семейном «рейнджровере». Только я и водитель. Мы пересекли границу с Венгрией вместе с бесконечной вереницей дипломатов и посольских сотрудников, которые в то же утро покидали страну. Я провела пять месяцев в королевских апартаментах роскошного отеля в стиле модерн, чувствуя себя одинокой и оторванной от мира. Я не говорила на венгерском и не знала никого, кроме персонала отеля. Дни я проводила в кры-

том бассейне или писала на террасе с видом на величественный Дунай и живописные очертания Буды.

Когда я вернулась в Саличе и показала свои рассказы родителям, *Mãe* сделала мне сюрприз: нарисовала к ним несколько иллюстраций. Она подарила моим персонажам лица, кудри и веснушки. Хотя сюжеты были реалистичными, красочные рисунки *Mãe* придавали им беззаботную, мечтательную атмосферу. Они стремились не отражать реальность, а будить детское воображение.

Mãe убедила меня опубликовать рассказы, что не составило труда, ведь у Макса было собственное издательство. За следующие десять лет книги нашли читателей по всему миру и были переведены на дюжину языков.

Клинка Палачинка стала известна как *Cutie Patootie* в Англии, *La Petite Crêpe* во Франции, *Chica Palachinka* в испаноязычных странах, *Kleine Blintzy* в Германии, *Piccolina Padellina* в Италии и *Клинка-блинка* в России.

Имена автора и иллюстратора были вымышленными. Их настоящие личности до сих пор не раскрыты.

•

Перфекционизм — коварное и опасное заблуждение. То, как рушилась моя семья, напомнило мне лавину. Она зарождается на вершине горы, сметает все на своем пути, а когда кажется, что худшее позади, следом несется новая волна снега, которая, словно бетон, намертво запечатывает все, что уцелело. Послойное разрушение, как я это называю.

Все началось в тот день, когда уехал Бастьян. Следить за его жизнью было непросто, особенно вначале.

В 2006 году умер Пиночет, и я гадала, вернется ли Бастьян в Чили. Я предполагала, что он в Америке, но удостовериться в этом не могла. Целых пять лет я ничего не знала о нем. Я часто подумывала позвонить по телефону, который он оставил. Частица меня оказалась навсегда заперта в тех четырех июльских днях. Достаточно было прокрутить драгоценные воспоминания в голове, и Бастьян словно оживал для меня. Я утешала себя мыслью о завтрашнем дне или следующей неделе, когда у меня, возможно, появится смелость набрать заветный номер. Чарли тем временем рос. Из белобрысого пухлого малыша он превращался в долговязого мальчика с темными непослушными волосами и ярко-голубыми

глазами. Глядя на эти перемены, я понимала: время уходит, и, возможно, Бастьяна я больше не увижу.

Однажды, снежным февральским днем 2010 года, я зашла в гостиную, чтобы убавить звук телевизора. В доме было две гостиные, но только в одной стоял большой телевизор. Там Макс обычно смотрел дневные новости. Из духовки на кухне доносился сладкий запах корицы и мускатного ореха. Макс задремал, как это часто бывало после обеда. Пока я искала пульт, в новостях вдруг упомянули имя Бастьяна.

Он вернулся в Чили и, когда там произошло землетрясение, работал в ЮНИСЕФ. Он помогал и оказывал психологическую поддержку детям, пережившим катастрофу, но потерявшим все. У него отросли и начали виться волосы, а усы стали гуще. В остальном он почти не изменился. На нем были светло-голубая выцветшая футболка с логотипом авиакомпании «Пан Ам» и браслеты из разноцветных бусин на левом запястье. Телеканал Би-би-си ньюс взял у него интервью, в котором он обращался к международным организациям с призывом направить гуманитарную помощь.

Затем в новостях показали короткий, заранее

записанный документальный сюжет о деятельности Бастьяна до землетрясения: как он помогал местным властям ремонтировать школы, строить ограждения и детские площадки, как повышал безопасность детей на дорогах, устанавливая дорожные знаки. Похоже, Бастьян трудился не покладая рук. На одном особенно красивом кадре он стоял в окружении детей и альпак. Я все ждала, что он улыбнется.

Сообразив, что выпуски новостей могут стать нашей связующей нитью, я распорядилась установить на крыше дополнительные спутниковые антенны. С телеканала Макса приехали двое инженеров с дрелями, кабелями и провозились весь день, подключая два новых телевизора: один во второй гостиной, а другой на кухне внизу.

Я не видела Бастьяна несколько недель, а потом он появился на канале Си-эн-эн, анонсируя крупный благотворительный ужин в Лос-Анджелесе. На аукционе должны были продавать киномемориалии, а вырученные средства планировалось направить на помощь детям и подросткам, осиротевшим из-за землетрясения. Бастьян был обаятельным, уверенным в себе и умело продвигал свои инициативы. Теперь он сидел в студии, в сером костюме, с короткой стрижкой. Яркие

браслеты исчезли с его запястья. Но в кадре он все равно смотрелся отлично.

В мае 2011 года, когда очередное мощное землетрясение обернулось катастрофой, вызвав десятиметровое цунами в Японии, Бастьян снова напомнил о себе в новостях. Теперь он состоял в Демократической партии США и собирался в турне по Центральной и Южной Америке. Наверное, кто-то из высокопоставленных либералов заметил его красноречие и самобытность и убедил плотнее заняться политикой. Надо отдать должное: когда Бастьян говорил о любой проблеме — бедности, несовершенствах системы образования, рабском труде детей или их вовлечении в наркоторговлю, — его обеспокоенность звучала искренне.

Его политическим, а позже и предвыборным лозунгом стала фраза: «Моя цель — быть не просто хорошим, а приносить пользу».

В 2014 году Бастьян поехал на Кубу. Передвижения ограничивались Западным полушарием, будто он сознательно избегал Европы. Я восприняла это как знак: он позабыл меня. В конце концов, чем я могла доказать себе, что наша встреча для него что-то значила?

Вскоре вся жизнь Бастьяна превратилась в до-

стояние общественности. Сначала СМИ уделяли внимание только недостаткам, но с течением времени, по мере роста его амбиций, совершили разворот и заговорили о нем всерьез. Конечно, я плохо разбиралась в политической системе США и ее механизмах, но одно знала точно: стоило выйти на эту арену, как ты становился частью системы, которую невозможно просто покинуть.

В первые дни, пока Бастьян был честен в своих интервью и жаждал одобрения, он откровенно заявлял, что чувствует себя самозванцем, который ищет внимания, славы и стыдится собственных желаний. Он мастерски изображал скромность и уязвимость. Но я так и не поняла, зачем он подался в политику.

В Саличе я часто видела прожженных политических дельцов, виртуозно манипулировавших общественным мнением. Чаще всего они действовали в одиночку или по указке сверху. Макс хорошо знал коварную суть этих **макиавеллистов**. Мне же они были безразличны.

Мой интерес к Бастьяну был исключительно эгоистичным. Меня привлекал мужчина, а не политик и уж точно не его отполированный разрекламированный образ.

Он встречался только с брюнетками с дымча-

тым макияжем глаз, тонкими губами и безупречными зубами. В основном это были актрисы, иногда — правозащитницы. Пару раз в их ряды затесались богатые наследницы. Эти женщины всегда были рядом и охотно позировали с Бастьяном на публике. Он неизменно восхищался их красотой, щедростью и невероятным чувством юмора. После четвертой подружки я перестала обращать внимание на его признания. Они звучали одинаково и шаблонно. По крайней мере, мне хотелось в это верить.

Бастьян явно стремился двигаться вперед и в карьере, и в личной жизни. Он хотел приносить пользу, добиваться результатов и вдохновлять людей. Именно эти слова он повторял в интервью, используя любую возможность, чтобы поделиться своими взглядами и заявить о поставленных целях через мировые СМИ.

Очевидно, он поступал так, чтобы двигаться дальше по жизни. Я делала то же самое. Вот только моя жизнь складывалась совершенно иначе.

Мои отношения с мужчинами всякий раз оканчивались ничем. У меня появлялись так называемые бойфренды. Большинство из них были остроумными, обаятельными, успешными, а некоторые — даже привлекательными. Они

обладали достоинствами, но не были лишены недостатков, слабостей и раздражающих привычек. Какое-то время мы наслаждались друг другом, проводили вместе время, путешествовали. Каждый раз я слепо обманывала себя, думая, что это по-настоящему серьезные отношения. Ах да, чуть не забыла: все мои бойфренды были женаты.

Вопрос был только в одном: насколько они увязли в браке? По классике принято выделять свежих женатиков, слегка обремененных браком, супругов со стажем и примерных семьянинов. Последние, разумеется, редкость.

История до смешного банальная и нелепая: мои бойфренды якобы не имели со своими женами ничего общего. Мужчины не раз заверяли меня, что не общаются с супругами. Как оригинально!

После свадьбы они больше не делили спальню, а жили вместе, потому что так было удобнее.

Все они без проблем могли получить развод — просто предпочитали этого не делать.

Для независимой женщины вроде меня, которая не стремилась вить гнездо или идти под венец, женатый мужчина был идеальным вариантом. Он не имел права ни предъявлять ко мне требования, ни связывать обязательствами, ни

принуждать… У него, по сути, вообще не было никаких прав.

Иногда я влюблялась. Явление любопытное: мгновенная, взрывная реакция между двумя людьми, за которой следуют безграничные ожидания. Всего несколько застенчивых взглядов, намеков, игривых фраз и улыбок — и ты начинаешь надеяться на многое. Практически на все.

Никогда не стоит подвергать влюбленность проверке реальностью, потому что фантазия о человеке рассыплется так же легко, как высохший хлеб. Влюбленностью нужно просто наслаждаться. Влюбленность никогда не ведет к хеппи-энду, потому что идеальный возлюбленный — всего лишь плод нашего воображения.

Я влюблялась в обычных мужчин, которых встречала на улицах, в магазинах, ресторанах, аэропортах. В знаменитостей, с которыми сталкивалась в Саличе. В звезд, с которыми знакомилась на кинофестивалях в Венеции или Каннах. Актеры — идеальный и одновременно самый опасный объект для фантазий. Влюбившись в актера, можно создать для него идеальную роль — такую, которую не придумает ни один сценарист или режиссер. Чем богаче у человека воображение, тем совершеннее его влюбленность.

Несмотря на приключения с кавалерами, я не могла выкинуть Бастьяна из головы, прекрасно понимая, что у нас было всего четыре тайные встречи, за которыми последовало семь тысяч двести девяносто девять дней тишины, и счет этим дням продолжается. Как с этим справиться? Либо броситься со скалы, либо заняться чем-то стоящим.

Известие о женитьбе Бастьяна выбило меня из колеи. Разумеется, невеста оказалась брюнеткой с блестящими волосами, длинными ногами и губной помадой цвета фуксии. Свадьба состоялась на озере Комо в Италии, и великосветские журналы признали ее самой роскошной свадьбой лета. Церемония проходила на вилле XVI века. Невеста, похожая на модель с обложки, блистала в изысканном кружевном платье от Веры Вонг. Бастьян выбрал серый костюм от Джорджо Армани. Обручальные кольца были изготовлены на заказ брендом «Булгари». Кто оплатил свадьбу — осталось для меня загадкой. У невесты не было богатого отца. Откуда же у Бастьяна взялись такие деньги?

Вскоре после медового месяца они стали безупречной, показательно идеальной парой. Посещали официальные мероприятия, благо-

творительные балы и кинопремьеры; ездили за границу, заводили знакомства с высокопоставленными лицами из других стран; появлялись на баскетбольных матчах и теннисных турнирах; держались за руки, позировали для камер. Бастьян с гордостью восхищался женой, сравнивая ее с «природной стихией» и называя «до невозможного простой». Она поддерживала его политические амбиции и всегда подчеркивала: «Я сделаю все, чтобы люди увидели: мой муж способен изменить мир к лучшему». Она даже намекала, что у него есть далеко идущие планы баллотироваться в президенты. И все же в ее словах ощущалась неискренность. Часто ложь проще распознать на слух, чем на глаз.

Пока официальные СМИ тиражировали их искусственный образ, в гармонирующих нарядах и с натянутыми улыбками, таблоиды преследовали их, демонстрируя оборотную сторону глянцевой картинки: как они выглядели в свободное время, бегая по делам или выгуливая миниатюрных собачек, зачастую в мятой одежде, шлепанцах или растянутых выцветших худи.

Бастьян больше не носил яркие футболки с логотипами. Теперь его футболки были черные, обычно с портретами музыкантов или групп:

Принца, «Флитвуд Мэк», «Роллинг Стоунз»… Была еще одна — кажется, его любимая — поблекшая голубая футболка с надписью: *«Ну вот, как всегда — не одно, так другое»*.

При ходьбе он, часто погруженный в свои мысли, глядел на кроссовки, будто желая слиться с тротуаром. Он напоминал меня. Я тоже, когда иду, смотрю в пустоту перед собой, не замечая, что происходит вокруг, и просто считаю шаги.

Однажды Чарли рассказал мне о мультивселенной, где люди проживают разные жизни в разных мирах. Вероятно, это был как раз случай Бастьяна. А может, это происходит со всеми нами.

С годами я так и не перестала думать о нем. По-прежнему испытывала противоречивые чувства: не могла понять, как он захватил такую власть надо мной, находясь далеко и не имея со мной никакой связи. Или почему память о нем, его облик и голос не утонули в забвении, то и дело всплывая на поверхность сознания. Эта безотчетная мука была глухой, едва уловимой, но постоянно тлела внутри, словно волшебная древняя лампа, которая не гаснет, потому что в ней никогда не заканчивается масло.

Время шло своим чередом, и я ощущала его ход только благодаря сыну. Он взрослел, оканчивал

школу и превращался в человека, с которым мне нравилось проводить время больше всего.

•

Чарли всегда поддерживал связь с Майклом, своим отцом. По мере того как мальчик взрослел, их общение становилось все более тесным. Майкл часто приезжал к Чарли в Саличе. Мы встречались по разным поводам: когда Майкл возил сына в парижский Диснейленд, в Леголенд в Виндзоре или в Ирландию, к бабушке с дедушкой. У меня крепло тайное подозрение, что, когда Майкл бывал в Ирландии, он специально учился чему-то новому: кататься на роликах или на каноэ, играть на гитаре, лазать по скалодрому — лишь бы найти с Чарли общие интересы. Но Чарли всегда интересовало только одно — звезды. В этом была и моя вина.

Когда он родился и врач положил сына мне на грудь, его темно-синие глаза так сияли, словно в них искрились тысячи звезд. Когда Чарли был еще маленьким, я рассказала ему, что все дети приходят со звезд и поэтому их путь занимает девять месяцев. Но Чарли не мог понять, как ребенок находит именно свою маму, и пообещал себе изучить звезды.

Со временем Майкл женился на девушке, в

которую был влюблен в детстве. Детей у них не было, зато они завели кокер-спаниелей. Но главное — у Майкла был теплый дом, где царила любовь, а у Чарли была своя комната и даже черный кокер-спаниель с белой отметиной на лбу по кличке Стелла. Мальчик всегда оставался там желанным гостем.

•

Данте писал, что существуют девять кругов ада. Я не читала «Божественную комедию», но в марте 2020 года мне открылись врата в личный ад.

Я отправилась на благотворительный концерт вместе с Чарли и *Mãe*. У нее были выкуплены ложи на все спектакли, концерты и мюзиклы, которые ставили в Национальном театре. Особенно она любила концерты. В тот вечер она была в приподнятом настроении, хоть и простужена. Выглядела невероятно счастливой, слушая музыку Фридерика Шопена вместе с дочерью и внуком.

Спустя неделю правительство объявило, что «та самая штука из Италии уже здесь». Людям велели самоизолироваться. Нашу домашнюю жизнь пришлось перестроить. Большую часть персонала отправили по домам. Остались Попкорн и Бэмби с пятью охранниками. Пальмира не отпустила повара и двух горничных. Макс стал

раздраженным и беспокойным, потому что ему не разрешали плавать.

Дом разделился на невидимые зоны. Мы с Чарли обосновались наверху, на последнем этаже; Макс почти не выходил из кабинета и не покидал первый этаж, а *Mãe* бродила повсюду — она отказывалась сидеть на месте и старалась не унывать. Каждое утро и вечер она совершала долгие прогулки по острову. Вскоре ее начал мучить сухой кашель. Я заваривала для нее чай с лимоном и акациевым медом. Пальмира растирала ее сливовицей, чтобы сбить температуру. В дом привезли врачей. Они заключили, что у матери грипп, раз она не контактировала с зараженными коронавирусом. Мне это казалось странным. Я спросила *Mãe*, как они могут быть уверены, что это просто грипп.

— Они знают, что делают, они же врачи, — ответила она.

Я придерживалась обычного распорядка. Сидела с *Mãe*, писала детские рассказы или помогала Чарли с выбором университета. Ему предстояло еще два года учиться в школе, но он уже строил планы на будущее.

Mãe предложила отправить Чарли в Англию, потому что британское правительство приняло

важное решение не закрывать школы. Со мной в детстве поступали точно так же — при первых же признаках опасности увозили подальше. У нас была студия в Мэрилебон-сквер в Лондоне, где Чарли мог жить, ходить в ближайшую школу и, отучившись два последних года, получить диплом международного бакалавриата, после чего подать документы в университеты. Макс одобрил эту идею и использовал ее как повод, чтобы вернуться в кабинет и заняться составлением маршрута.

Я видела, что Чарли не хочет от нас уезжать, но *Mãe* сумела его успокоить. «Помни: тянись к звездам. Не позволяй обстоятельствам встать у тебя на пути».

Она заставила меня пообещать, что я отправлю его в Англию.

— Отведи его за руку, если придется, — сказала она. — Мир превращается в сумасшедший дом. Вопрос только в том, в какое отделение тебя определят.

Лучше ей не становилось. На дом вызывали разных врачей. В этот раз они поставили другой диагноз: пневмония. Макс обзванивал директоров всех городских больниц, но никто не брал трубку. Частным клиникам запретили

принимать пациентов. Государственные были переполнены. В моей стране есть известная поговорка: «Если не крутится дрель, деньги ее провернут». Именно с их помощью Макс в конце концов устроил *Mãe* в больницу.

Мы посылали друг другу сообщения, потому что *Mãe* была слишком слаба, чтобы говорить, и все время носила кислородную маску. «Здесь настоящий хаос, — написала она мне. — Медперсонала нет. А это ведь лучшая больница города».

Через два дня ее подключили к аппарату ИВЛ. Макс нашел в больнице связного, младшего врача в отделении интенсивной терапии, который согласился присылать ему отчеты о состоянии *Mãe.* Макс предлагал деньги всем: врачам, медсестрам, уборщикам. Просил, чтобы ему разрешили навестить жену. Но все отказывали. Он увеличил сумму. Ничего не изменилось. Младший врач продолжал уверять нас, какая *Mãe* храбрая, как она борется и не сдается. Какая чушь! Я спряталась в одном из укромных уголков дома и расплакалась — в первый и последний раз.

•

Каждый год, в апреле и мае, мы сталкиваемся с удивительным явлением. Тополя, также известные как хлопковые деревья, выпускают

свои знаменитые белые семена, похожие на хлопковый пух. Ветер разносит их повсюду, они покрывают газоны и улицы, залетают в открытые окна. Они очень хитрые — всегда оседают в углах, словно пытаются найти постоянное пристанище. Когда Чарли был маленьким, то часто пытался поймать эти пушинки, но они были такими легкими и мягкими, что выскальзывали из пальцев. Местное название тополиного пуха — *taca*, что значит «киса». При сильном ветре весной наш остров выглядел так, будто его занесло снежной бурей. *Mãe* умерла в последний день апреля, во время одной из таких бурь.

•

По законам нашей страны человеческие останки можно хоронить только на кладбищах. Но я поставила перед собой цель развеять прах *Mãe* в ее саду, чтобы она воссоединилась с фиолетовыми и желтыми цветами. Задействовала все доступные средства, включая Попкорна с его умением убеждать, чтобы добиться своего.

Трагедия не выбирает жертв, и все же чаще всего она обрушивается на добрых, невинных и слабых. Вселенная не подчиняется нравственным законам. Смерть легче всего понять, когда она забирает того, кого мы любим.

•

Чарли был убит горем и резко изменил планы относительно поездки. Он отказался выходить из своей комнаты.

Макс полностью отрешился от привычной жизни и закрылся от мира. Разница между грустью и депрессией в том, что грустный человек знает, почему грустит, а страдающий от депрессии — нет. Печаль Макса вылилась в агрессию против всех. Он использовал свою медиамашину, чтобы открыто критиковать действия правительства, неспособного справиться с ужасом. Он написал нашумевшую статью под названием «Их бездушие» для одной из своих газет, которую позже перепечатали самые влиятельные издания мира, включая *«Ле монд»* и *«Гардиан»*.

Сколько бы он ни пытался смириться с существованием власть имущих, он не мог простить им глупость и ошибки в борьбе с пандемией. Макс не щадил никого: обвинял политиков в узости мышления и в том, что они сеют тревогу, тем самым провоцируя неуправляемое безумие; указывал на абсурдность их решений, на обидную и раздражающую привычку считать всех вокруг недалекими. Он понимал, что причиненная во время пандемии боль — прямое следствие их сле-

пого эго, их конкуренции друг с другом. Но он не мог ни изменить их, ни устранить, ни заставить исчезнуть… У него не было другого выхода, кроме как кричать, стать резким, грубым… Он называл их «имбецилами, способными лишь читать по бумажке, не более».

Он был сломленным человеком, избегал любой нежности и близости, сторонился всех нас. И все же… Макс оставался реалистом.

Он знал, что, выставляя бывших союзников на посмешище и дискредитируя их, рискует многим: его бизнес мог пострадать, а партнеры — отвернуться. Репутация, власть, деньги… все могло оказаться под угрозой из-за его нападок. Но ему было наплевать.

Казалось, он ясно понимал, что́ именно способен выдержать. Был готов совершать крупные ошибки, зная, что все равно… выживет. Но в одиночку.

Отцу поступали предупреждения: если он или кто-либо из членов его семьи попытается покинуть страну, их задержат. Угрозы были пустыми. Макс обладал слишком большой властью, чтобы его шантажировать, но он также не мог допустить, чтобы со мной или Чарли что-то случилось.

Сына нужно было вывезти из страны. Это стало нашим приоритетом. Безопасность Чарли имела огромное значение для Макса. Возможность представилась летом, когда правительство Великобритании сняло ограничения на въезд для ряда стран.

План состоял в том, чтобы доставить Чарли во Францию, где его встретит отец и отвезет в Англию. Сын был волен выбрать: остаться в Лондоне или поехать с отцом в Дублин.

Водитель, Чарли и я должны были доехать до венгерской границы, где нас ожидал свой человек. Он помог бы пересечь КПП и сопроводил бы нас до ближайшей деревни. Там пересел бы в другую машину и повез Чарли через Вену, Франкфурт и Антверпен в Кале. Мы не хотели, чтобы Чарли садился или в поезд, или в самолет.

В последний момент свой человек внес изменения: попросил нас пересечь границу и добраться до венгерской деревни самостоятельно. Попкорн не мог покинуть Макса, поэтому за руль сел Бэмби.

Мы постарались составить безупречный план, ведь формально граница была закрыта. Маршрут разработали заранее; знакомые нам люди проходили через тот КПП бесчисленное множество

раз и знали, как происходит смена машин. Бэмби подготовил старый «гелендваген» — не самый быстрый автомобиль, зато самый надежный, — полностью пуленепробиваемый. Мы выехали до полуночи. Чарли надел наушники и слушал музыку на смартфоне. Я откинулась на сиденье, урчание двигателя превращало машину в колыбель. Подлокотник между нами был опущен. Я сжала руку Чарли, и он ответил мне тем же.

На границе было шесть переходов. Бэмби получил указание ехать к четвертому. Незадолго до пандемии там началась реконструкция, которая до сих пор не завершилась. Из достоверных источников мы знали, что новые камеры наблюдения еще не установлены. Дороги оказались совершенно пусты.

Мы добрались до перехода через границу менее чем за три часа, к тому времени Чарли уже крепко спал. Место было безлюдным: шлагбаумы опущены, освещение тусклое. Маленькое строение напоминало скорее неприметный магазинчик, чем государственный пограничный пункт.

Бэмби остановил машину и в бинокль осмотрел местность в поисках камер. Рядом со шлагбаумом стоял плотный мужчина в форме неопределенного серого цвета. Бэмби опустил окно, окликнул

пограничника и передал ему конверт с деньгами. Мужчина поднял шлагбаум и махнул нам, разрешая проехать. Вот что я называю эффективным планированием и безупречным исполнением.

Та же процедура ожидала нас по другую сторону шлагбаума. Когда мы подъехали, то увидели устройство, похожее на светофор, с мигающим красным светом. Бэмби нажал на клаксон. Я посмотрела на часы. Бэмби снова посигналил, и в этот раз откуда-то из-за столба появился пограничник в камуфляже.

– *Forduljon vissza az autójával, a határ zárva van!* — крикнул он по-венгерски. — Разворачивайте машину, граница закрыта!

Бэмби растерянно посмотрел на меня. Я велела ему выйти из машины и поговорить с пограничником, а если это не поможет — звонить Попкорну. Как только водитель вышел, венгр сдернул с плеча винтовку и направил ее на Бэмби:

– *Vissza, vagy lövök!* Назад или я стреляю!

Бэмби поднял руку в жесте «сдаюсь», но чем больше он пытался объяснить, кто мы такие, тем больше пугал бедолагу с винтовкой. Бэмби знаком попросил пограничника подождать, вытащил из кармана конверт с деньгами и помахал

пачкой купюр по пятьсот евро в надежде, что их фиолетовый цвет освежит пограничнику память. Но тот лишь сжал винтовку покрепче, целясь в Бэмби. «Очевидно, он не получил наших служебных инструкций, — подумала я с сарказмом. — Или просто оказался не в то время и не в том месте».

Они выглядели как два неуклюжих мультипликационных героя: Бэмби, высокий тяжеловес, и пограничник, нескладный и щуплый. Из бокового кармана брюк венгр вынул электронный термометр. Тут до меня дошло: он боится не нас, а вируса.

Бэмби тоже это понял, сунул деньги обратно во внутренний карман и махнул пограничнику, чтобы тот бросил ему прибор. Поймав его, он поднес термометр ко лбу и нажал кнопку. Миниатюрный экран засветился, послышался противный писк. Температура выше тридцати восьми градусов. Бэмби уставился на прибор, не понимая, что произошло. Пограничник поднял винтовку повыше, прицелившись Бэмби в голову, и опять закричал, но теперь уже с визгом:

– *Hall engem? Lövök!* Слышишь меня? Я стреляю!

Я обдумывала варианты: оставить Бэмби здесь,

если у него действительно поднялась температура, поручить кому-нибудь из Саличе забрать его, а самой отвезти Чарли к другому пограничному переходу. Но я рисковала столкнуться с камерами и незнакомыми людьми.

Попкорн любил повторять: если ты разработал план, исполни его, даже если ради этого придется устранить преграды, встающие на пути. Ему легко было играть духовного наставника. Я могла бы вернуться домой, но через полчаса мы должны были встретиться со своим человеком в деревне, а Майкл уже находился на пути во Францию. Бэмби замер, не зная, что делать. Он понимал, что поворачиваться к пограничнику спиной нельзя.

Я подняла крышку подлокотника, достала пистолет, взвела курок, открыла дверцу, подошла к пограничнику, вскинула руку и выстрелила. Я целилась в плечо, но была без очков и попала в грудь.

Хочется верить, что он умер, даже не поняв, что произошло. Он упал лицом вниз.

К нам бросился полный пограничник с первого поста, тот самый, что десять минут назад взял деньги. Я закричала Бэмби, чтобы он поднял шлагбаум. Велела пограничнику в сером найти машину, чтобы Бэмби уехал обратно. Они оба

должны были заняться венгром, лежавшим на земле. Если тот был еще жив, Бэмби знал, что делать. Как обращаться с трупом, он тоже знал.

Я села за руль, настроила сиденье под себя, завела двигатель, перевела рычаг коробки передач в нужное положение и, включив навигатор, поехала прямо. До сих пор не понимаю, как Чарли проспал все это.

Меньше чем через двадцать часов Чарли и Майкл встретились в Кале и сели на паром до Дувра.

•

У британских монархов два дня рождения: официальный и личный. У Макса было две смерти. Физически он умер в мае 2023 года, но его настоящая смерть произошла за три года до этого — в тот же день, когда умерла *Mãe*.

Меня рядом не оказалось. Возможно, у него было предчувствие, потому что за неделю до смерти он попросил меня уехать из страны и навестить Чарли в университете.

Я не понимала, почему он хочет, чтобы я покинула Саличе, но его настойчивость и упрямство заставили меня согласиться. Он повторял, что у него остались незавершенные дела, однако в подробности не вдавался. Каким бы хрупким или слабым Макс ни казался, работа служила

источником энергии — тем, что поддерживало в нем жизнь.

В последний раз, когда мы говорили по телефону, он попросил меня проследить, чтобы Чарли был всегда чем-то занят. «Не давай ему слишком много думать». К тому времени, когда я вернулась домой, его уже кремировали. Похороны прошли в самом узком кругу. Последним пристанищем отца стало кладбище *Memento mori*.

Жизнь, которую он вел, люди, которых он знал, эпоха, к которой он принадлежал, — все ушло вместе с ним. Максу много раз предлагали написать автобиографию. Всем издателям и литературным агентам он отправлял рукописный ответ: «Моя память — мое проклятие. Ею нельзя делиться ни с кем».

Я поняла, что даже после смерти *Mãe* все, что она оставила после себя, по-прежнему принадлежало только ей. Дом был построен и оформлен по взмаху ее волшебной палочки. Она купила всю мебель, включая мой письменный стол с поцарапанной столешницей, за которым я написала все свои книги. Она нарисовала более ста пятидесяти маленьких картин. Все цветы в саду и большинство молодых деревьев выросли благодаря ее заботе. Разные предметы — статуэтки, книги, ва-

зы, зеркала или настольные лампы — появились в доме благодаря ей. Каждая прочитанная книга на полке хранила надпись, сделанную ее рукой. Вещи украшали ее жизнь, но настоящую красоту этим предметам придавала она. С уходом матери казалось, что картины утратили яркость, словно краски выцвели за одну ночь; вазы покрылись пылью; названия книг потускнели; цветы завяли, а некоторые засохли совсем.

С Максом дела обстояли совершенно иначе: его личным имуществом были очки для чтения, винтажная пишущая машинка небесно-голубого цвета и кожаный мешочек, в котором он хранил письма к *Mãe,* написанные в молодости. Больше ничего. Макс не признавал напоминаний о прошлом. Его дома, машины и собственность принадлежали его компаниям, завещания он не оставил… Макс никогда не верил в обладание чем-то. Он просто наслаждался временем, отпущенным на земле, единственным возможным для себя способом: делая то, что любил, пока рядом была *Mãe.*

Я не рассказывала своей семье о Бастьяне. Боялась, что услышу насмешки. На деле выяснилось, что они были не так слепы, как я думала.

Макс никогда не говорил со мной о Бастьяне,

даже ни разу не упоминал о нем после встречи. Но однажды я спросила отца, верит ли он в существование родственных душ.

Он читал газету и ненадолго приподнял глаза:

— Не будь дурочкой. Это заблуждение, выдуманное людьми: будто единственная альтернатива одиночеству — это романтические отношения. Не позволяй никому убедить себя, что ты одинока. Так люди продают ложь о том, как избавиться от одиночества.

— Но разве *Mãe* не твоя родственная душа? — настаивала я, не давая ему уйти от ответа.

— Она женщина, от которой у меня перехватило дыхание, — пояснил он и многозначительно поглядел на меня. — Перестань так много смотреть новости.

В другой раз я обратилась за советом к *Mãe.* Это было весной 2017 года, когда умер Балисто. Мы похоронили пса под его любимой вишней. *Mãe* сажала в саду очередные цветы вероники. Я никогда не понимала ее одержимости фиолетовыми цветами, ведь она предпочитала одеваться в оттенки песка, шампанского и меда. Ее секрет посадки растений был незамысловат.

— Я просто опускаю их в землю и поливаю. Все остальное делает природа.

Я не находила себе места, потому что незадолго до этого увидела Бастьяна в новостной программе. Тогда он находился в Сальвадоре и Коста-Рике как посланник Демократической партии.

Mãe попросила принести ей чашку чая «Эрл грей» с молоком. Она стояла на коленях на садовом коврике, в кремовых брюках и блузке цвета топленого молока, на голове — широкополая шляпа, защищавшая лицо от солнца. Возможно, именно поэтому она так любила садоводство: впитывала солнечный свет через свои цветы.

— Что с тобой? — поинтересовалась она, потягивая чай. — Опять видела своего друга?

Притворяться, будто я не поняла вопроса, было бессмысленно. Отрицать, что я продолжаю следить за Бастьяном, — тоже.

— Я не знаю, что делать… Как ты думаешь, мне стоит поехать за ним?

Я пообещала себе, что поступлю, как скажет *Mãe.* Она откинулась назад, села на пятки, опустила солнцезащитные очки на кончик носа и посмотрела на меня:

– *Filha*, дочка, не жди, что человеческими делами будут править логика и здравый смысл. Этот мужчина — твое благословение и проклятие. Выбирай одно из двух и живи дальше.

На этом разговор о Бастьяне был окончен.

Но решающим оказался разговор с сыном. У нас с Чарли была особая игра. Каждый раз, когда ему было скучно, тоскливо или он капризничал, я спрашивала:

— Если бы прямо сейчас могло исполниться любое твое желание, что бы ты загадал?

Правила были просты: загадывать разрешалось только одно желание, зато любое, каким бы фантастическим оно ни казалось. Если Чарли замечал, что у меня плохое настроение, он мог задать мне тот же вопрос. Часто одно только описание желания и того, как оно могло бы решить проблему, делало ее менее значительной.

В начале сентября мы были в Лондоне. Стояли перед книжным магазином «Уотерстоун» на Пикадилли, ждали автобус номер четырнадцать, чтобы доехать до одного из музеев в Кенсингтоне. Через месяц Чарли возвращался в университет. Я заметила, что он много переписывается с какой-то девушкой, но имени ее не называл. Может, ему повезет больше?

Он прервал мои мысли:

— Все в порядке, можешь сказать мне. Я знаю, что ты несчастна.

Его слова меня ошеломили. Чарли всегда хо-

рошо меня понимал, но то, с какой легкостью он уловил мое состояние, показало, что сил скрывать свои настоящие чувства не было.

— О чем ты? Ты ведь знаешь, что я брюзга. Когда ты в последний раз видел меня по-настоящему счастливой?

Я убрала прядь волос, упавшую ему на глаза.

— Когда ты думала о том мужчине. О южноамериканце. Ты смотрела на него в документальном фильме. Твое лицо тогда изменилось. Ты была счастлива.

Когда же он видел, как я смотрю на Бастьяна? Сейчас это не имело значения.

— Время от времени я замечаю, как ты задумываешься, и тогда у тебя появляется то же самое выражение на лице. Оно смягчается. Как будто тебя озаряет невидимый свет. Я прав?

— Да, — ответила я, отступая назад, чтобы пропустить группу шумных прохожих.

От них тянуло резким, навязчивым запахом вейпа. Настоящее раздражало меня. Бессмысленное производство и потребление всего и ничего. Монотонность и пустота, замаскированные под увлекательное развлечение. Внезапная мода восхищаться честностью. Люди позабыли элементарные правила приличия. Неискренняя

вежливость стала универсальной формой общения. А глупость… Томас Манн выразился лучше всех, хотя записал свою мысль сто лет назад: «Ведь есть столько различных видов глупости, и разумность — не лучший вид…»[10]

Чарли подошел ко мне и встал напротив.

— Если бы прямо сейчас могло исполниться любое твое желание, чего бы ты захотела?

Он засунул руки в задние карманы. Я глубоко вздохнула. Момент для такого вопроса был совсем неподходящий.

— Позвонить ему и поговорить, — ответила я.

— Только поговорить? Так я и поверил!

Чарли был слишком проницателен для подобных уловок.

— Я хочу снова его увидеть. Так лучше?

Заметив вдали автобус, я направилась к остановке. Чарли схватил меня за руку:

— Тогда остановись. Перестань отсчитывать свои дурацкие шаги. Найди его и скажи ему это.

---

[10] Сноски: 10

Цитируется роман Томаса Манна «Волшебная гора», перев. В. Станевич и В. Курелла. — *Примеч. ред.*

Настоящее. Часть 1

За четырнадцать дней до конца 2024 года я в очередной раз улетела в Лондон. Как всегда, выбрала утренний рейс. И обязательно в среду — я летаю только по средам. Накануне ночью я не спала. Просидела до рассвета в гостиной, смотрела фильмы с Кэри Грантом, время от времени проваливаясь в сон, просыпалась, шла на кухню за ромашковым чаем, перебиралась в библиотеку — и все повторялось снова.

Так действует на человека страх перед полетами. Я летала всю жизнь: на регулярных рейсах, на частных самолетах, а однажды летом — даже на маленькой «сессне». Но внезапно все изменилось. Внутри поселилось незнакомое тревожное чувство. За день до вылета я становилась рассеянной, забывчивой, не могла ни сосредоточиться, ни заняться делом. Теряла вещи в доме, бесконечно перечитывала одну и ту же страницу книги и отвечала невпопад. У Пальмиры была своя теория, одна из великого множества ее проницательных догадок: мой страх перед полетами не был связан с безопасностью, а объяснялся тем, что я не кон-

тролирую ситуацию.

Когда наша машина подъехала к аэропорту, я чувствовала себя так, словно меня загнали в тупик. Мы прибыли к боковому входу, где меня ожидала охрана, чтобы проводить в здание. У меня не было багажа, только сумочка. На мне — шерстяные брюки, черная кашемировая водолазка и черное пальто. Черные балетки с оборками на заостренных носках. Я шла быстрым шагом среди утренней суеты, обходя стороной стандартные коридоры и регистрационные стойки. Наблюдала за очередями и длинными рядами тележек с чемоданами… Один из наших пилотов называл их «барахлом пассажиров».

Невысокий косоглазый мужчина, от которого несло резким дезодорантом, показал свой значок и сообщил, что я должна подождать в маленьком офисе у выхода на посадку, пока авиакомпания повторно проверит мой паспорт. Он предложил металлический стул, но я отказалась.

Можно быть жаворонком или совой. Я не относилась ни к тем ни к другим. Я была просто нетерпеливой женщиной. Неохотно подошла к открытому окну и уставилась на взлетно-посадочную полосу. Время от времени слева выкатывались приземлившиеся самолеты. Я пе-

ревела взгляд на высокие краны, поднимавшие вдалеке массивные балки. От скуки я закурила. В этот момент вернулся мужчина с реким запахом дезодоранта и заявил, что посадка на самолет началась.

Пепельниц в комнате не было. Не зная, что делать с сигаретой, я вручила ее мужчине и вышла.

Одним из условий моего выезда из страны был перелет регулярным рейсом, дабы наше правительство знало, куда я направляюсь. За мной по-прежнему следили. На борт я поднялась последней.

Самолеты сейчас выглядят безобразно: грязные, обшарпанные кресла и сплошной дискомфорт во время полета. «Места поменьше, людей побольше». Кажется, девиз каждой авиакомпании звучит именно так. Пассажиры еще толпились в проходе, запихивая вещи в багажные отсеки и споря о том, чью сумку куда ставить. Все, что не влезало в верхний отсек, они засовывали под сиденья или держали между коленями.

Дверь в кабину пилотов была открыта, и, когда я проходила мимо, второй пилот повернул голову, чтобы на меня посмотреть. Несомненно, его предупредили, что я буду на борту. До сих пор

имя моей семьи привлекало внимание. Передняя часть самолета, так называемый бизнес-класс, выглядела пустой. Или мне так показалось.

Когда я села, в салон вошел Эд Попплстон в своем знаменитом мятом плаще от «Бёрберри» и панамской шляпе, с пачкой газет под мышкой и посадочным талоном в руке. Этот человек напоминал оживший старый кожаный чемодан, весь облепленный разноцветными наклейками и эмблемами городов мира.

•

Иногда мы с Максом играли в шахматы. Во время партии он разговаривал со мной, делился мыслями или же просто радовался победе. Я помню один снежный декабрьский день, когда весь дом был украшен в цвета Рождества: красный, золотой и зеленый. Тогда Макс раскрыл мне секрет финансового успеха:

— Найди людей, у которых есть деньги. А потом сделай их своими деловыми партнерами.

Неужели все так просто?

— А как же мораль? — спросила я.

— Никак. — Он сделал рокировку и переместил короля в безопасное место. — Те, кто стремится к власти, оставляют мораль позади. Единственное, что имеет значение, — это личная выгода.

Макс изучал мировую литературу в университете и окончил его с отличием лишь благодаря умению блефовать.

— Убедительный блеф — ключ к победе, — часто повторял он.

Иначе как бы он смог попасть в жюри конкурса «Мисс мира», который где-то в семидесятых проходил в отеле «Эксельсиор» в Дубровнике? Еще одним членом жюри был Эдвард Поппл стон, звезда лондонского Вест-Энда и голливудских фильмов. Именно там они познакомились и стали друзьями на всю жизнь.

•

Эд устроился напротив в том же ряду и бросил газеты на пол, частично перегородив проход. Стюардесса присела на корточки, собрала их в аккуратную стопку и предложила Эду напиток. Я даже не знала, что он в стране.

Пилот объявил, что нас ожидает хорошая погода, произнес заученный текст о стандартной высоте и скорости, а затем перечислил столицы, над которыми мы пролетим. Самолет отъехал от гейта, вырулил на взлетную полосу и взмыл в небо. Я вцепилась пальцами в подлокотники. Взлет меня не пугал. Наоборот, ускорение мне даже нравилось. Но я терпеть не могла парить

в воздухе.

— Боишься летать? — услышала я знакомый голос.

Он звучал точно так же, как в фильмах. Я кивнула, не поворачивая головы. Разговаривать мне вообще не хотелось. Дыхание замедлилось, пульс упал. Если бы мне на руку надели электронный тонометр, он бы ничего не показал, словно пульса не было вовсе. Чувства притупились. Я уставилась в небо через крошечный иллюминатор, надеясь, что кто-нибудь срежет у самолета верхнюю часть и вытащит меня. Я пережила множество видов турбулентности, от легкой до жесткой, и, надо признать, каждый раз это было для меня испытанием. Но больше всего раздражало то, что я никак не могла привыкнуть к этому ощущению ужаса. Если маршрут проходил над водой, было легче: мой глупый, наполовину отключившийся мозг думал, что в случае падения в океан я смогу выплыть, в отличие от катастрофы в горах. Я достала из сумки черную шаль и накинула на плечи. В салоне похолодало.

Вдруг самолет резко снизился и задрожал, словно с ним решил поиграть сказочный великан: засунул в коробочку и начал трясти. Эд отстегнул ремень и сел рядом.

— Дай мне руку, козочка, — сказал он, снимая мою ладонь с подлокотника.

Ласково он обращался ко мне именно так — «козочка».

— Просто сожми мою руку. — Его голос звучал спокойно, а легкая хрипотца придавала сексуальность. — Все будет хорошо. Постарайся расслабиться. Помедитируй. Посчитай овец. Или коз. Что-нибудь в этом духе.

Его рука была холодной, но ее прикосновение подбадривало и утешало. Все-таки я держала за руку живого человека, а не цеплялась за металлический подлокотник. Я успела забыть, когда кто-то держал меня за руку, но сосредоточиться и вспомнить не могла. Продолжала смотреть в окно. Медитировать я не умела. Думала про диалоги из фильмов… про облака. Мне вспомнился эпизод с участием Фреда Астера и Джинджер Роджерс из комедии «Цилиндр»:

— Ты боишься грома?

— Нет. Это всего лишь шум.

— А ты знаешь, что такое гром?

— Конечно. Что-то с воздухом происходит.

— Нет-нет. Просто грузное облако встречает пушистую тучку и хочет приблизиться. Она убегает, а облако мчится за ней. Тучка плачет, и

проливается дождь. Облако ее утешает. Между ними проскакивает искра — это молния. Потом они целуются — и гремит гром.

За бортом никакого грома не было. Облака остались внизу, вокруг простиралось ярко-голубое небо. Только воздух. Немного успокаивала мысль о том, что завтра я обниму Чарли.

Мы с Эдом не разговаривали до конца полета. Я решила, что он задремал, хотя за те два с лишним часа он не ослабил хватку. Многие женщины на моем месте сочли бы себя счастливицами.

Поппластон не был красив в привычном смысле, но, возможно, оставался последней настоящей кинолегендой, живой и по-прежнему деятельной. Он, похоже, освоил искусство обаяния сто лет назад и с тех пор исповедовал предельно прямолинейный подход к актерству. Эд обладал дерзким шармом, мощной харизмой и смелостью всегда говорить правду. Он часто утверждал, что в актерстве нет ничего особенного: любой, кто любит притворяться, может играть, а слава — всего лишь иллюзия. «Каждый, кто хочет стать знаменитым, просто мечтает избавиться от ощущения собственного ничтожества», — заявил он однажды на презентации. Эд не любил отвечать на вопросы о своих ролях, анализировать моти-

вацию персонажей и терпеть не мог объяснять, как готовился к съемкам. «Вы же не спрашиваете хирурга, что он делает перед операцией? Или водителя автобуса, что сподвигло его сесть за руль? Почему актеры должны быть исключением? Мы не скажем вам ничего умного. Нам кажется, что мы интересные собеседники, но на самом деле мы просто наслаждаемся звуком собственного голоса».

•

Когда самолет приземлился на одну из взлетно-посадочных полос Хитроу, Эд выпрямился в кресле, отпустил мою руку, а затем вернулся на свое место. Я снова осталась одна. Заглянула в сумку и убедилась, что паспорт и деньги на месте. Хотелось поскорее выйти из самолета и двинуться дальше.

Когда стюардесса — или бортпроводница, если угодно — открыла дверь самолета, я увидела верх черного шлема одного из «бобби»[11], ожидавших меня, чтобы провести через терминал. Я поднялась, достала пальто из багажного отсека и взяла

[11] Сноски: 11

Бобби — традиционное прозвище британских полицейских, связанное с именем министра внутренних дел Роберта Пиля, который в 1829 году провел полицейскую реформу и основал Службу столичной полиции. — *Примеч. ред.*

сумку. Эд тоже встал, а затем наклонился ко мне и прошептал на ухо, что мы должны поужинать вместе. Я согласилась. Времени у меня было мало, и я оставила выбор ресторана на его усмотрение.

Стюардесса сдержанно улыбнулась и посмотрела на меня с долей странного восхищения, наверняка решив, что Эд за мной ухаживает. Не обращая на нее внимания, я вышла из самолета. И вот уже меня — представительницу одной из самых одиозных семей Европы — встречает у трапа лондонская полиция: «Добрый день, мэм. Добро пожаловать в Лондон. Надеемся, перелет был приятным. Сюда, пожалуйста». Как вежливо. Как по-английски.

Меня провели по длинным коридорам аэропорта Хитроу, мимо паспортного контроля, где мы обошли стороной все очереди, а затем — через зал с багажными лентами. Мы вышли на парковку, где уже ждала машина, готовая отвезти меня в отель. Воздух был прохладным и свежим; судя по всему, недавно прошел дождь, и на машинах поблескивали капли воды. Дорога до центра Лондона заняла почти два часа.

Отель был одной из жемчужин Челси, тайну которой тщательно оберегали. Тихое убежище в таунхаусе, всего в нескольких минутах от

Слоун-сквер. Стоило переступить порог, и тебя захватывал водоворот узоров и красок, с мягкой мебелью всех цветов радуги. Я заселилась и сразу вышла в ближайшую аптеку за предметами первой необходимости, все время обдумывая, как привести в действие свой план.

•

В мой восемнадцатый день рождения, после той травмы на горнолыжном склоне, когда я носила классические белые кеды с красной и синей полоской по канту подошвы, делала вид, будто не падаю духом, и разъезжала повсюду на велосипеде, кто-то решил, что мне стоит научиться стрелять. Этим кем-то был Эд.

Охранники в Саличе носили оружие, но никогда не приближались с ним к дому и тем более не заходили внутрь. Оно хранилось в садовых сараях с красными геранями. В каждом стоял сейф с кодовым замком. *Mãe* не выносила оружие, что вполне объяснимо: все-таки она была врачом. Макс тоже не был его поклонником, но мирился с его присутствием.

Эд любил похвастаться, что обращаться с оружием его научил высокопоставленный офицер из элитного спецподразделения. Для Эда стрельба была важным навыком, и он уговорил родителей

позволить ему заняться моим обучением. Опасно жить в мире, где к оружию легко получить доступ, когда сам им пользоваться не умеешь, — таков был его довод. Между нами говоря, ему просто нравилось ощущать вес пистолета в руке. В одном из своих фильмов он даже цитировал старую американскую поговорку: «Бог создал людей, а Сэм Кольт сделал их равными».

Тем летом я занималась стрельбой каждый день в течение двух недель — после обеда, но до ужина. Эд подошел к нашим урокам как инструктор по вождению: прежде чем пустить за руль, объяснил устройство автомобиля и двигателя.

— Выстрел — это, по сути, результат работы механизма, козочка, — поучал он меня. — Все начинается с ударника: он бьет по капсюлю патрона. — Эд показывал на каждую деталь, о которой шла речь. — Потом заряд пороха толкает пулю, и та вылетает из ствола.

— Если прицелиться как следует, пуля пройдет сквозь кожу, раздробит кости и повредит органы, — предупредил Эд. — Или пробьет мишень из бумаги в нескольких метрах от тебя.

Мы использовали не бумагу, а чеснок. Эд велел охраннику покрасить головки чеснока в разные цвета и подвесил их на длинных нитках к ветвям

деревьев на разной высоте.

Я не боялась держать пистолет, но не испытывала ни прилива адреналина, ни благоговения. Просто выполняла инструкции. Для тренировок мы использовали пистолет калибра девять миллиметров.

Научиться попадать в цель было непросто. Из-за близорукости мне приходилось надевать очки, без них я мазала. Но я быстро освоилась, хотя так и не привыкла к отдаче в запястье и плечо в момент выстрела.

Завершив последний урок, Эд поздравил меня с окончанием курса и подарил Glock G43X — мой первый собственный пистолет.

— Запомни, козочка, — сказал он перед этим, — оружие без стрелка — всего лишь кусок металла.

«Особенно если стрелок в очках», — подумала я.

•

Тем вечером в Лондоне мы с Эдом встретились чуть раньше девяти. Я провела день, гуляя по Найтсбриджу, потом прошлась через Гайд-парк к Грин-парку и оттуда — в Мейфэр. Прогулка помогла мне привести мысли в порядок. Я собиралась заглянуть в универмаг «Фенвик» на Бонд-стрит. Обожала делать покупки именно там. Но оказа-

лось, что он закрылся. Как ни крути, а Лондон без «Фенвика» — совсем не Лондон.

Ресторан находился недалеко от Беркли-сквер, за глянцевой зеленой дверью, перед которой лежал коврик с надписью «*Benvenuti a tutti*. Добро пожаловать всем». За дверью — элегантный бар с приглушенным светом, пышные шторы и кресла, обтянутые бархатом темно-бордового цвета. К этому часу почти все посетители уже разошлись, оставалось всего два-три занятых столика, официантки убирали посуду и снимали скатерти. Эд выбрал столик подальше от шумной кухни, облицованной желтой плиткой.

То ли он пришел рано, то ли я немного опоздала, но на столе уже стояли всевозможные закуски: брускетта с помидорами, жареная полента с сыром, бурата, фокачча, карпаччо… Еды для двоих было слишком много, но Эд всегда ел именно так — брал по чуть-чуть от всего, растягивая удовольствие на два часа.

Я пошла в уборную помыть руки. После прогулки я чувствовала себя бодро, но мне было зябко. Надо было надеть пальто потеплее. Когда я вернулась за стол, меня уже ждала дымящаяся тарелка минестроне.

— Знаю, что ты любишь горячее, козочка, —

сказал Эд, — поэтому заказал тебе суп.

О тех, кто ему нравился, Эд помнил все: их дни рождения, любимые блюда, излюбленные места для путешествий, даже клички домашних животных… Не то что Макс, который принципиально не хотел знать о людях ничего личного. Я села и положила на колени белую салфетку. Мы ели молча. Молчание и вкусный овощной суп — вот чего мне сейчас не хватало.

Я спросила, что он делал в моей стране.

— Осматривал пару локаций. — Эд оперся локтями о стол и сцепил пальцы. — Идиоты из Голливуда не дают мне покоя. Новое поколение меня не жалует. Похоже, чужая слава их раздражает.

Несомненно, дело было в его новом фильме.

Я читала, что страховые компании не хотят с ним работать из-за слишком высоких рисков, связанных с его возрастом. Эд не сдавался и обвинял их в дискриминации. Но хуже всего то, что Голливуд, похоже, отправил его в отставку. Эду приходилось сотрудничать с европейскими продюсерами в надежде снять свой последний шедевр и удалиться в закат. Однако труднее всего было найти хороший сценарий.

— Они суют мне одно барахло. А я — никто, если

мне не напишут приличные реплики, — сказал он, положив подбородок на сложенные руки. — Чем круче технологии, тем беднее воображение. Скоро сценарии станут такими тупыми, что мы вернемся к немому кино.

Официант принес еще одну тарелку — на этот раз с нежными ньокки. На столе почти не осталось места для новых блюд. Эд велел официанту убрать свечи. Он снял блестящие запонки в форме Тау-креста, положил их во внутренний карман пиджака и закатал рукава рубашки. Кожа на его руках была морщинистой, бледной, в пигментных пятнах. Он снова махнул официанту, попросив винную карту.

— Что с тобой, козочка? — спросил он, пристально глядя на меня. — Ты никогда не была такой тихой. И уж точно не боялась летать.

Когда официант принес винную карту, Эд передумал и заказал холодное итальянское пиво. Краем глаза я заметила, что пара за соседним столом перед своим уходом узнала Эда.

Из жалости к ним я надеялась, что они не подойдут. Потому что, если попросить у Эда автограф, можно услышать только одно:

— Вы меня с кем-то путаете. Богарт, Гейбл, Оливье, Уэллс… Вот они были кинозвездами. А я

просто чувак, который ужинает.

Эд отвлекся от еды.

— Первый раз, когда я тебя увидел, родители тебя потеряли. Помнишь?

Я не помнила. Он взял оливковое масло, полил им брускетту и разломил вилкой хрустящий хлеб.

— Ты погналась за щенком и убежала с пляжа, — усмехнулся Эд. — Нас там было сколько? Человек десять? Плюс съемочная группа… и никто не заметил, что ты пропала. Ты залезла на скалы, добралась до самой вершины. Сколько тебе тогда было? Три-четыре года, наверное?

Видимо, это случилось тем летом, когда мы проводили каникулы на острове в Хорватии.

— Ты была в кирпично-красных сабо на деревянной подошве, прыгала в них с камня на камень, как лягушка по гальке. К закату пришлось вызывать профессиональных альпинистов, чтобы снять тебя со скалы.

Видимо, я погналась за дедушкой Балисто. Макс получил его в подарок от баварской полиции в Мюнхене во время одной из поездок.

— Вот почему я стал звать тебя козочкой.

Я не помнила ни того лета, ни скал, но у Эда, несмотря на возраст, память была безупречная.

Он часто бывал в Саличе. Появлялся без предупреждения, обычно после завершения съемок фильма или вместо того, чтобы идти на премьеру. Он гостил у Макса, нередко задерживался на несколько дней: рыбачил на реке, спал в гамаке между вишнями или, по его же словам, «визуализировал следующий фильм».

После уговоров Макс разрешил ему построить уличный очаг с грилем, используя старую технику сухой кладки, которой он научился на одном далматинском острове. Это требовало терпения и особого склада ума, будто собираешь трехмерную головоломку. Конечно, нужны были подходящие камни. Как по волшебству, их доставили уже через неделю.

Когда гриль был готов, Эд начал экспериментировать с древесиной и углем, потому что пребывал в уверенности, что только с правильным топливом можно идеально пожарить мясо. Он перепробовал все: газеты, упаковки от яиц, щепу, ветки и даже керосин. Добавлял разные травы, сухие растения, фруктовую кожуру. Обычно его эксперименты сопровождались удушливым дымом и отвратительным запахом, который сводил Пальмиру с ума, потому что проникал в дом, пропитывая подушки и шторы.

— Огонь — он и есть огонь! — кричала она. — Главное — приправить мясо. *Los ingleses con sus ideas estúpidas.* Ох уж эти англичане со своими дурацкими идеями.

Эд попытался ее задобрить, подарив роскошный винтажный шелковый платок с изображением испанских танцовщиц фламенко, который когда-то принадлежал Аве Гарднер. Но Пальмира была неподкупной. Она заворачивала в платок репчатый лук.

•

Я заказала простую пиццу: томатный соус и много-много сыра. Хотя я слушала Эда, мысли мои блуждали где-то далеко.

— Как поживает Чарли? — сменил он тему. — Не вылезает из космоса?

Я кивнула и улыбнулась. Чарли наконец-то оказался там, где ему самое место, — среди студентов четырехлетней программы по астрофизике. Искал галактику, откуда, по его мнению, он родом.

Я с гордостью сообщила Эду, что, если он захочет приехать на выпускной Чарли в следующем году, мы будем ему очень рады, только нужно предупредить нас заранее. Церемония до сих пор напоминала обряд XII века и проходила на латыни.

Я рассказала ему, что у Чарли появилась девушка, студентка из колледжа Святой Екатерины. Она изучала итальянский и испанский и мечтала стать переводчицей художественной литературы. Обожала Толкина и Льюиса, а к экзаменам готовилась не в библиотеке и не у себя в комнате, а в Ботаническом саду.

— Хочешь услышать о ней кое-что необычное? — спросила я.

Он заинтересованно поднял взгляд.

— Ее зовут Мойра Энджела Дарлинг.

Эд остался невозмутим, явно размышляя, как отреагировать.

— А в чем соль? — спросил он, пригубив пиво.

— Мойра Энджела Дарлинг… как Венди Мойра Энджела Дарлинг. — Я дала ему три секунды, но, не дождавшись, пояснила: — Из «Питера Пэна». Это ее настоящее имя.

У Эда округлились глаза. Затем он откинулся на спинку стула и заложил руки за голову.

— А вот тебе встречный факт. Ты знала, что Чарли Чаплину предлагали сыграть Питера Пэна?

Он ухмыльнулся своей фирменной обворожительной улыбкой, демонстрируя, что он — живая энциклопедия Голливуда.

— И не просто сыграть, — продолжил Эд, — но

еще и выступить режиссером. Причем предложение поступило от самого Джеймса Барри.

— Серьезно? — сказала я, доставая телефон, чтобы отправить себе напоминание рассказать об этом Чарли. — Откуда ты знаешь?

— Он сам мне сказал, — с довольным видом ответил Эд. — Чаплин.

•

Оксбридж — это сложное слово, составленное из названий двух университетов: Оксфорда и Кембриджа. Это два старейших, самых богатых и престижных университета Англии, которые постоянно конкурируют за звание лучшего учебного заведения в мире.

Моя семья сделала крупное пожертвование одному из них через известного пластического хирурга. В благодарность за свою услугу он получил новый кабинет на углу Харли-стрит и Нью-Кэвендиш-стрит. Вся схема была задумана лишь для того, чтобы Чарли допустили к вступительному экзамену, который он успешно сдал. В октябре Чарли переехал в университетский городок.

Как и во многих других университетах, учебный год в Оксфорде делится на триместры. Каждый длится примерно по восемь недель и

начинается в воскресенье. Первый назван Михайловым в честь Дня святого Михаила и всех ангелов, который отмечается 29 сентября. Второй носит имя Илария в честь Дня святого Илария Пиктавийского, приходящегося на 14 января. Последний триместр — Троицын, ведь, как известно, Троицын день отмечается через восемь недель после Пасхи, в мае или июне.

•

Эд спросил, что подарить Чарли на день рождения.

— Небольшой портативный телескоп. Такой, чтобы было удобно брать в путешествие. Я знаю, Чарли обрадуется.

Сзади бесшумно подошел официант и долил воды в мой стакан. Эд поднял руку, попросил у официанта ручку, лист бумаги и быстро написал: «Чарли + телескоп». Аккуратно сложил бумажку и убрал ее в картхолдер. Потом снова посмотрел на меня.

— С этим разобрались. А теперь скажи, чем я могу хоть немного скрасить твое существование? — Он внимательно изучал меня, выискивая намеки. — Потому что тебе явно живется несладко, раз полиция отслеживает каждый твой шаг. За мной тоже бегают папарацци, но мне плевать.

По крайней мере, я могу им врезать.

Не дав себе времени все обдумать, я выпалила:

— На самом деле ты можешь кое-что для меня сделать. — (Его хитрые глаза тут же загорелись от любопытства, как будто кто-то включил внутри свет.) — Только не злись. Мне правда больше не к кому обратиться.

Я нервно промокнула уголки рта накрахмаленной салфеткой. Резкий жест выдал мое волнение.

— Выкладывай.

Он воткнул вилку в мягкий ньокки и начал жевать.

— Можешь передать сообщение одному человеку?

— Конечно. Кому?

— Он политик. Себастьян Сото.

Эд перестал жевать, пару раз повторил про себя имя, а потом поднял руку, вновь подзывая официанта. На этот раз он заказал эспрессо.

— Ты про того американца? — уточнил он.

Я кивнула. Эд откинулся на спинку кресла, его пронзительный взгляд превратился в лазерный луч. Он пытался понять мои мотивы.

— Он ведь, по слухам, и правда выиграет следующие выборы. Невероятно. Только этого миру

сейчас не хватало. Еще немного, и у нас тут будет премьер-министр — латиноамериканец. Зачем тебе этот гринго?

Принесли мою пиццу. Эд с интересом посмотрел на нее, восхищаясь золотистой корочкой — идеально пропеченной, но при этом не подгоревшей. Похоже, он раздумывал, не заказать ли ему такую же. Я быстро отрезала кусок и переложила треугольник на его тарелку. Затем отломила хрустящий край другого куска, собрала вилкой расплавленный сыр с середины и положила сверху. В пицце для меня главное — хрустящие края и сыр, остальное не важно.

— Я помню, как вы с Максом однажды его обсуждали. Вы оба сказали, что он умный. И принципиальный.

Мне не хотелось ввязываться в спор о политике. Эд был убежденным консерватором с такими взглядами, что любой усомнился бы в здравости его ума.

— Ум — это одно. А баллотироваться в президенты в наши времена — совсем другое. Он чертов дурак. Но, надо признать, парень неравнодушный. — Он отпил еще немного пива и продолжил: — Только не говори, что ты собираешься сделать пожертвование его партии. Или

он тебе просто нравится?

Я на миг растерялась, но последний вопрос меня развеселил.

— Разве я в том положении, чтобы мне кто-то нравился, Эд?

— Не спрашивай, ты знаешь, что я думаю обо всех этих отношениях… Все равно что смотреть, как ребенок играет с заряженным пистолетом. — Он подался вперед и прошептал: — Я думал, ты с ними покончила.

Под «ними» он имел в виду политиков, законодателей, министров, их помощников… Всех, кого он обычно называл одним словом — *кретины*. В Саличе он часто видел, как они приходят и уходят, хотя Макс всегда следил, чтобы его гости не пересекались. Деликатность была для Макса не просто правилом — она была его религией.

Я поняла, что нужно дать Эду какое-то разумное объяснение, иначе он продержит меня в ресторане до самого утра.

— К Максу это не имеет отношения. Дело сугубо личное.

Я видела, как он анализирует смысл моих слов. Хотелось избежать лишних вопросов, но Эд был моим единственным шансом, и нужно было убедить его помочь.

— Держись подальше от мужиков из правительства, — наставительно произнес Эд. — Они сознательно используют слова самым нечестным образом. Больше они ничего не умеют.

Я кивнула, чуть отодвинула стул, закинула ногу на ногу и опустила руки на колени.

— Если он действительно победит и станет следующим президентом, я не смогу до него достучаться. Мне просто нужно, чтобы ты кое-что ему передал, — пояснила я. — Только сообщение, и все.

Я убрала волосы за уши. Этот жест всегда выдавал мое волнение.

— Ты единственный человек, кто без труда получит приглашение на какой-нибудь благотворительный вечер, где он будет, или на премьеру.

Несмотря на радикальные политические взгляды, Эд не питал неприязни к партиям как таковым — он просто терпеть не мог тех, кто в партиях состоит. Но пресса его обожала и неотступно следила в надежде поймать золотую искру иронии или сарказма, очередную насмешку или выпад в адрес никчемных современных политиков. В этом смысле Эд был неуязвим и мог войти в любую дверь.

Он прищурился:

— Ладно, сделаю. А почему нет, черт возьми? Вот болваны в Вестминстере удивятся. Пусть гадают, с какого перепуга я поддерживаю Сото.

Не говоря больше ни слова, Эд вернулся к еде. Он сосредоточенно жевал, соразмеряя каждое новое движение челюстей с предыдущим.

Он выглядел расслабленным и спокойным до тех пор, пока позабытая мысль не вернулась к нему бумерангом. Допив эспрессо, он наконец задал очевидный вопрос:

— Что за сообщение, козочка?

— Спроси, какая у него любимая песня Сэма Кука.

Настоящее. Часть 2

Как и где именно состоялась их встреча, я так и не узнала. С того самого ужина в Мейфэре я больше не видела Эда и ничего о нем не слышала. Новогоднюю ночь я провела с Чарли и его девушкой в Вене. Когда в январе у них начался Илариев триместр, я вернулась в Саличе.

Спустя пару месяцев пришло письмо из американского посольства с просьбой наведаться к ним по поводу проблем с визой. У меня была так называемая виза категории «B» для краткосрочных поездок, хотя в США я ездила редко. В основном возила на каникулы Чарли в «Дисней уорлд» во Флориде или в Американский музей естественной истории в Нью-Йорке.

Подобными вопросами обычно занимался визовый центр, находившийся слева от главного здания, за пунктом охраны. Когда я пришла, меня провели в кабинет на втором этаже через другой вход. Там меня встретила круглолицая, пышногрудая женщина, ослепительно приветливая и жизнерадостная.

— Здравствуйте! Как проходит ваш день? —

пронзительно воскликнула она.

Женщина объяснила, что с визой все в порядке, но у нее есть письмо, которое она должна вручить лично, и попросила меня подписать форму. Затем она проводила меня обратно на первый этаж и завершила нашу короткую встречу словами:

— Берегите себя. Да хранит вас Господь.

Письмо оказалось приглашением на благотворительный ужин, который должен был пройти в последний день марта в посольстве США в Риме. Я сразу поняла, что это сообщение от Бастьяна. Рим находился в удобной близости от меня и на безопасном расстоянии от него.

Я прилетела накануне — по воле случая не в среду, как обычно, а в воскресенье. Полет прошел спокойно. Ни турбулентности, ни облаков, только мерцающая синяя бездна внизу и безоблачное небо вокруг.

Как оказалось, квартира, которую я купила в Риме два года назад, чтобы вложить излишек наличных, находилась совсем недалеко от посольства. Она располагалась в прекрасном жилом доме в районе, названном в честь кардинала Людовико Людовизи.

Я ожидала увидеть Бастьяна на следующий вечер и весь день посвятила обычным и утоми-

тельным процедурам по наведению красоты, чтобы выглядеть более презентабельно.

Купила простое винтажное черное платье на одной из извилистых богемных улочек Монти, а потом заглянула на Виа Кондотти, где невероятно мягкие балетки из телячьей замши будто бы только меня и ждали. Черные, с бантиком, усыпанные разноцветными кристаллами. Из украшений — только цепочка с компасом. Не потому, что «„меньше“ значит „больше“», а потому, что я разделяла мнение Кристобаля Баленсиаги, который говорил: «Элегантность — это отсечение лишнего».

Когда я пришла в посольство тем вечером, меня поразило большое количество людей, сновавших по саду. Деревья были украшены гирляндами в форме цветочных лепестков. В дальнем конце сада я заметила небольшой оркестр. Музыка в его исполнении звучала идеально — достаточно громко, чтобы ее было слышно, но не настолько, чтобы раздражать гостей или заставлять их повышать голос.

Ужин был неофициальным, со стандартной программой: встретились, поболтали, поели. Все расхаживали туда-сюда с бокалами шампанского, стараясь почувствовать себя важными. Никто не

обращал на меня внимания; разве что какая-нибудь женщина окидывала взглядом с головы до ног, пытаясь понять, почему на мне такое простое платье. Порой подходил какой-нибудь мужчина с неудачной фразой или глупым вопросом и тут же исчезал, как только замечал мое неприкрытое безразличие.

Я ожидала эффектного появления почетного гостя, но Бастьян так и не вышел.

Коктейль из нетерпения, неуверенности в себе и разочарования заставил меня усомниться во всем: зачем я приехала в Рим, почему была так убеждена, что он здесь будет. Музыка, словно по волшебству, привела меня в чувство. Когда слышишь первые ноты мелодии из далекого прошлого, то за долю секунды вспоминаешь не только всю композицию, но даже точное место и время, когда ты услышал ее впервые. Интересно, сколько мелодий, загруженных в память, мы носим в себе?

Оркестр играл инструментальную версию песни «Когда же я снова увижу тебя» соул-группы ***The Three Degrees***, которую я слушала в детстве. Я вспомнила слаженное многоголосие вокалисток и простые слова песни — в них чудесным образом сочетались изящество и печаль.

Если вселенная решила со мной поиграть, то я проиграла всухую — гейм, сет, матч. Может быть, песня отражала неопределенность моих отношений с Бастьяном? Это была любовь или просто дружба?

Я ощущала разочарование, даже растерянность и нашла уголок за деревьями и кустами, где закурила. Я была уверена, что меня никто не видит, как вдруг появился официант и протянул мне открытку с видом на Пьяццу Навона. На обороте было написано от руки: ***«Mañana. A las seis de la tarde**. Завтра. В шесть вечера».*

Оркестр заиграл другую мелодию, но в голове у меня по-прежнему звучал вопрос, зашифрованный в предыдущей композиции: **«Это начало или конец?»**

•

Рим либо любят, либо ненавидят — третьего не дано. Я принадлежу к первым, но не по очевидным причинам.

Рим — это средиземноморские джунгли, изуродованные современной туристической индустрией, которая превратила их в балаган. Но среди фальшивого блеска и показного величия прячутся подлинные сокровища былых времен, вечные в своей красоте. Одна из таких жемчужин

— это Пьяцца Навона.

Такой живописной площади я больше нигде не видела: длинная и открытая, светлая и просторная, окруженная небом. Ее история уходит корнями в эпоху Древнего Рима, когда та еще была стадионом. Здесь проходили гладиаторские бои и инсценировки морских сражений — отсюда и название: *«Navona»* значит «большой корабль».

На пьяццу я пришла без пяти шесть, не замечая, с какой скоростью иду, лавируя по оживленным улочкам. Погода стояла на удивление теплая для ранней весны. На мне были черные брюки, черный приталенный жакет и топ из шелка и кашемира с круглым вырезом. Те же черные балетки, что и прошлым вечером.

Кафе ломились от посетителей. Я часто бывала здесь. Если не заходила в церковь Сант-Аньезе-ин-Агоне, то обычно сидела в ресторане напротив фонтана Четырех рек, созданного в честь четырех известных тогда континентов: Дунай символизировал Европу, Ганг — Азию, Нил — Африку, а Рио-де-ла-Плата — Южную Америку.

Сейчас я стояла перед этим самым рестораном, высматривая свободный столик в надежде, что кто-нибудь встанет. Я не имела ни малейшего

представления, где искать Бастьяна или как он найдет меня.

К счастью, через несколько минут освободился столик в первом ряду, прямо напротив фонтана и церкви. Я поспешила занять его, готовая ждать столько, сколько потребуется. Села и подняла руку, чтобы сделать заказ, как вдруг увидела его за одним из столиков в конце того же ряда.

Бастьян. Постаревший, с идеально подстриженными усами и волосами, в которых пробивались серебристые пряди, с загорелым, наверное от итальянского солнца, лицом и в элегантных очках-авиаторах, скрывавших глаза. Или его самого. Очевидно, он тоже меня заметил, потому что встал и направился ко мне.

Хотя я сидела, мне казалось, что я стою на разъезжающихся коньках посреди кристально чистого голубого льда, пытаясь удержать равновесие, не зная, что делать, и не в силах пошевелиться.

— Не возражаешь, если я выпью с тобой чашечку кофе? — спросил он, снимая очки.

Наши взгляды снова встретились — спустя двадцать лет. И в этот самый момент лед подо мной треснул.

•

Официант подошел с привычным:

– *Buonasera, cosa vuole?* Добрый вечер, что желаете?

Бастьян заказал двойной эспрессо, а я от волнения напрочь забыла итальянский язык.

– *Lo stesso*. То же самое, — с трудом прошептала я, хотя никогда не пью эспрессо без молока.

Как только официант ушел, мне захотелось поменять заказ.

За эти годы я столько раз мысленно прокручивала нашу встречу. Репетировала, что скажу и о чем спрошу, но сейчас все заготовленные реплики будто рассыпались в прах и исчезли.

Старел он красиво. Принадлежал к тому типу мужчин, чья привлекательность со временем только усиливается. Его голос не изменился, разве что бархатистая хрипотца стала еще глубже. Когда принесли кофе, он выпил его в два глотка. Я к своей чашке так и не притронулась.

— Пройдемся? — спросил Бастьян, словно вдруг осознав, сколько людей нас окружает.

Он притворялся туристом, но явно старался не привлекать внимания. Мы решили покинуть площадь и найти место потише. Оба хотели сбежать от толпы и уединиться.

Мы прошли по Виа делла Кукканья и вышли

на небольшую пьяццу, затем продолжили путь по Виа деи Бауллари. Свернули налево на Виа дель Маскероне, после этого снова налево — на Виа Джуллия, которая вывела нас к Лунготевере деи Валлати. Когда мы дошли до моста Понте-Систо, опять свернули налево и побрели по берегу Тибра.

Сначала мы шли молча. Улицы были слишком узкими, чтобы вести разговор на ходу.

В тот вечер Рим казался особенно приветливым: транспорт почти исчез, остались только вечные толпы туристов. Они шатались повсюду, вцепившись в свои телефоны, словно от них зависела жизнь. Глядели в экраны, а не вперед и неизменно оказывались посередине узкой улицы, не догадываясь посторониться ни вправо, ни влево, даже когда кто-то шел им навстречу. Почему в незнакомых местах люди всегда проявляют свои худшие качества?

Каждый раз, когда мы с Бастьяном уступали дорогу прохожим, я намеренно прижималась к нему, чтобы наши тела как бы случайно соприкоснулись. Я хотела почувствовать, что он действительно рядом. Чем дальше мы шли, тем шире становились улицы, а толпы постепенно редели.

Когда мы переходили оживленный перекресток, он взял меня за руку и посмотрел в обе стороны, прикрывая меня собой, пока мы петляли между машинами. Он был тактичным и вежливым, задавал несущественные вопросы, учтиво отвечал на мои. Если я казалась рассеянной, то лишь потому, что точно знала, что должна сделать и как нужно действовать. Но для этого мне требовались тишина и уединение — самые ценные вещи в нынешнем мире.

С годами я поняла, что даже в одиночестве не оставалась по-настоящему одна. Теперь Бастьян, оказавшийся в центре всеобщего внимания, столкнулся с похожим испытанием. Я была уверена, что за нами следят. Министерство внутренней безопасности США никогда бы не позволило кандидату в президенты гулять по улицам Рима в одиночку. Мне было совершенно все равно, где находятся соглядатаи и что они думают о нашей встрече. Жизнь давно научила меня, что беспокоиться из-за чужого мнения не стоит. Все равно кто-то ненавидит, немногие сочувствуют, но любопытны все без исключения.

Мы прошли мимо моста Понте-Гарибальди и где-то на Лунготевере де Ченчи свернули на Виа дель Темпо. Я узнала район: это был знаменитый

еврейский квартал. Он считался одним из старейших в мире, уступая только венецианскому.

С Бастьяном было легко идти рядом. Никто из нас не вел за собой, но каждый словно следовал за другим. Как будто у нас был общий невидимый компас.

— Мне нравится, что ты сделала с волосами, — сказал он, указывая на мою голову и не пытаясь скрыть восхищение.

— Ты имеешь в виду цвет?

Это уже не был мой натуральный пепельный блонд. Я перекрасилась в платиновый.

— Нет, я про стрижку. Тебе идет.

Всю жизнь у меня были длинные волосы, но в сорок с небольшим я внезапно отважилась на каре. Плечи впервые ощутили свободу, затылок снова дышал. Я чувствовала себя обновленной и беззаботной. Прическу теперь было легче укладывать, волосы стали послушными, в отличие от моей неуправляемой жизни. Впрочем, это вот-вот должно было измениться.

Мы подошли к небольшой, но живописной площади с журчащим фонтаном посередине. Вокруг располагались бар, две сувенирные лавки, уже закрытые, и старая остерия, запертая на железную цепь. На ее грязной стеклянной двери

тусклыми буквами проступало название «*Pane e Vino*. Хлеб и вино».

Пожалуй, эта площадь выглядела невзрачно по сравнению с тяжеловесами вроде Пьяцца ди Треви, Пьяцца дель Пополо или Пьяцца Венеция. Сейчас она напоминала мне недостроенную или заброшенную декорацию старого фильма, которой недоставало важных деталей. Я надеялась, что мы сможем где-то присесть, но все вокруг словно вымерло, а официант из бара уже собирал стулья и заносил их внутрь.

Я спросила Бастьяна, идти ли нам дальше или задержаться здесь, ведь людей почти не было. Он, казалось, меня не слушал, лишь загадочно улыбался. *Los ojos del diablo.* Глаза дьявола. Пальмира как-то сказала мне, что нужно остерегаться мужчины с глазами дьявола. В тот период она уверяла всех, что умеет предсказывать будущее по кофейной гуще.

Из бара вышла молодая пара, затем они обернулись и направились к нам. Парень поднял мобильный телефон, и я замерла, решив, что он узнал Бастьяна. Оказалось, что это были туристы из Корнуолла. Они услышали, что мы говорим по-английски, и попросили сфотографировать их на фоне фонтана, изображавшего четырех

бронзовых юношей, сидевших на мраморных раковинах и дельфинах. По краям верхнего бассейна расположились четыре черепахи. Немногие знают, что черепах добавил знаменитый скульптор Джованни Лоренцо Бернини спустя семьдесят лет после того, как фонтан был построен другим архитектором.

Я позавидовала стремлению этой пары хранить воспоминания. Мои собственные либо отвлекали, либо просто терзали.

Парень с девушкой поблагодарили нас и на этот раз ушли, рассматривая фотографии в телефоне и тихо посмеиваясь.

— Ты не боялся прийти один? — поддразнила я Бастьяна, поправляя сумку на левом плече и проверяя, застегнут ли внешний карман. — А вдруг у меня был скрытый умысел?

— Когда я один, меня никто не узнает, — рассмеялся он.

Я заметила у него на запястье стильные часы из нержавеющей стали, квадратные, с римскими цифрами. Порой я гадала, откуда у него такое состояние. Выяснять, кто его финансирует, было бы все равно что играть в крестики-нолики. Мой выбор стратегии зависел от того, кто сделает первый ход: я спрошу или он сам расскажет.

— Я обрадовался, что ты попросила Попплстона передать мне сообщение. Я всегда хотел с ним познакомиться. Он такой колоритный тип, настоящая легенда.

«Эд бы с этим не согласился», — подумала я и села на металлическое ограждение фонтана, наслаждаясь журчанием воды за спиной.

— Знаешь, что он мне сказал, — с загадочным видом продолжил Бастьян, — после того, как задал вопрос про песню Сэма Кука?

Вариантов было бесконечное множество: Попплстон больше всего на свете любил играть на аудиторию, не важно — широкую или узкую.

— Он сказал, что даст мне бесценный совет… бесплатно. — Бастьян поднял взгляд к небу, будто искал луну. — Что не стоит пытаться тебя спасать. В лучшем случае я должен помочь тебе сделать шаги, которые ты сама наметила.

Это звучало вполне в духе Эда.

— Почему ты предложил встретиться именно в Риме? — полюбопытствовала я. — Находился в Италии по делам?

— Для отвода глаз я запланировал отпуск на Сицилии, чтобы избежать любых политических мероприятий. Проскользнул через аэропорт Чампино сегодня утром. Я помню, как ты рас-

сказывала мне про церковь, куда всегда ходишь. Поэтому я решил, что площадь — хорошее место для встречи. Мы следили за тобой со вчерашнего дня. Мои люди были и внутри церкви тоже.

Он говорил так непринужденно, ведь слежка за человеком — самое обыденное дело в мире.

На нем были сшитый на заказ костюм из шелка и льна и рубашка цвета морской волны с расстегнутыми верхними пуговицами. Солнечные очки он поднял на макушку, а другую пару очков, для чтения, зацепил дужкой за воротник. Несмотря на небрежную манеру речи и расслабленный вид, на его плечах я заметила незримую мантию власти. В своей жизни я встречала подобное зрелище слишком часто. Мешки под глазами и морщины на лбу Бастьяна свидетельствовали не только об усталости. Они показывали, насколько тяжелой была эта мантия. Со временем ее бремя изматывает.

— Но ведь мы должны были встретиться именно в Риме, согласна?

Голос вернул меня в реальность. Я насторожилась, не понимая, в чем подвох. Бастьян с явным удовольствием наблюдал за озадаченным выражением на моем лице.

— Прочти *Roma* наоборот, — подсказал он на-

конец.

– *Amor,* — прошептала я, удивляясь и веселясь из-за своего открытия.

Мы ненадолго замолчали, наслаждаясь присутствием друг друга. Так же как когда-то в Саличе. Нас озарял перламутровый свет воды в фонтане. Если бы все происходило по другому сценарию, я бы, наверное, спросила, заметил ли он мои морщины, сильно ли я изменилась, кроме, разумеется, цвета волос. Но такие вопросы казались глупыми и неуместными.

Будь это голливудский сценарий, он бы наклонился и поцеловал меня. Но это был наш сценарий, в котором каждое слово следовало выбирать осторожно, потому что мы знали, где проходит граница. В нашем распоряжении было совсем мало слов, зато глазами мы могли искушать друг друга без всяких запретов.

Я устала сидеть на металлическом ограждении, поднялась, открыла сумку и полезла внутрь.

— У меня есть кое-что для тебя.

Бастьян достал мою руку из сумки.

— Это подождет. Сейчас я не хочу терять ни минуты.

Он провел большим пальцем по тыльной стороне моей ладони.

— У тебя самая мягкая кожа, к которой я когда-либо прикасался. Ты совсем не изменилась.

Я была благодарна темно-синим оттенкам вечера за то, что они сгустились, оказав мне услугу и скрыв следы времени на моем лице. Наши пальцы переплелись сами собой, точно выверенным движением, словно были созданы, чтобы никогда не разъединяться.

— А ты? Ты изменился?

Я спросила нарочно — это была своего рода проверка. Он растерялся и отпустил мою руку.

— Конечно нет. Разве что у меня теперь свита, плотный график и больная спина, но а так я все тот же парень, с которым ты танцевала.

— Вот еще уста, которые говорят одно, между тем как сердце думает другое…[12] Это были не мои слова, а цитата из «*Графа Монте-Кристо*».

Бастьян пах иначе, чем я запомнила. Дымом и мускусом с тяжелыми нотками сладости. Мне больше нравился его прежний цитрусовый аромат. Я бы узнала этот запах где угодно: горький апельсин и лимон с петигреном и розмарином. Он напоминал мне севильские улицы в январе с их вечной свежестью.

---

[12] Сноски: 12
Перевод Л. Олавской и В. Строева. — *Примеч. ред.*

— Жаль, что ты не связалась со мной раньше, — пробормотал он. — После отъезда я старался держаться подальше от тебя. Даже попросил перевести меня на другое задание.

Вдруг он занервничал, не зная, куда деть руки. Порой так ведут себя курильщики, когда у них заканчиваются сигареты. Я была уверена, что он бросил. Наверняка американская общественность получила бы коллективный инфаркт, если бы узнала, что их президент курит.

— Но я должен был знать, что с тобой происходит, — продолжил он. — А это было непросто…

После того как его отстранили от расследования, связанного с Максом, у коллег не осталось причин делиться с ним свежей или важной информацией.

— Тогда агентство серьезно прижало Макса. Они понимали, что он что-то затевает, но он был нашими глазами и ушами.

Бастьян смущенно улыбнулся:

— Ты, наверное, и так все знаешь.

Конечно я знала. Когда страной правит политический безумец, будь то Милошевич или Пиночет, на него списывают все беды. Но когда безумца свергают, он уходит или умирает, его преемники, пришедшие на волне демократиче-

ских перемен, нередко оказываются не менее безумными. Цикл безумия не прерывается, а здравый смысл и рассудительность становятся первыми жертвами. Но Макс хранил верность себе: хотя он по-прежнему передавал информацию американцам, на первом месте у него всегда были собственные интересы.

Чего я не могла понять сейчас, в Риме, так это почему Бастьян все время возвращался к прошлому, от которого я старалась убежать. Давним событиям, память о которых я похоронила, не следовало напоминать о себе. Вытаскивать былое на свет не стоило.

На улице, ведущей к площади, показалась темная фигура мужчины. Своими внушительными размерами он походил на Бэмби. Я кивнула в его сторону. Бастьян тоже кивнул, подтвердив, что это телохранитель из Секретной службы. Скорее всего, менял позицию или заступал на смену.

Площадь была пуста, если не считать коренастого официанта, который все еще суетился в баре. Я сказала Бастьяну, чтобы он попросил в баре стул. Бастьян вернулся со стульями, за ним следовал официант с подносом, двумя бутылками и парой только что вымытых бокалов, еще теплых и запотевших после посудомоечной

машины.

— Стулья я нам раздобыл, — сказал Бастьян, ставя их у фонтана. — Он попросил, чтобы мы перенесли их к дверям, когда будем уходить.

Я села. Официант открыл бутылку пива и протянул Бастьяну. Потом открыл бутылку газированной минеральной воды, разлил ее по бокалам и поставил их на край каменного ограждения. Бастьян расплатился, добавив к купюрам улыбку и вежливое «*grazie mille*, большое спасибо». Передавая мне бокал, он поглядел на меня с добродушной улыбкой.

— Знаю, что ты не пьешь пиво, — сказал он. — А лаймы у них закончились.

— Откуда ты знаешь, что я не пью пиво? — нахмурилась я.

— Помню из твоего дневника. Ты пьешь колу или воду с лаймом, — уверенно заявил Бастьян.

Что ж тут скрывать, меня поразило, что он все это помнит спустя столько лет. Как бы банально это ни звучало, время разъедает воспоминания, как ржавчина. Некоторые вещи, о которых я и сама уже забыла, будто перекочевали со страниц дневника в голову Бастьяна и решили там обосноваться.

— Мне нравится сочетать сок лайма с текилой,

но довольствуемся тем, что есть. — Он откинул голову и сделал глоток из бутылки, а затем многозначительно добавил: — Как и друг другом, нам же деваться некуда.

Он приподнял бутылку и чокнулся с моим бокалом.

– *Saluti*, поскольку мы в Италии. И с днем рождения меня.

Как я могла забыть? Первое апреля. День дурака.

Тем временем официант вернулся в бар, выключил свет, и маленькая площадь почти погрузилась во тьму. В фонтане теперь отражался лишь кремово-желтый свет лампы, лившийся из окна неподалеку. Бастьян завороженно смотрел, как мандариново-золотые разводы поглощают оттенки синего.

— Я столько раз хотел вернуться в Саличе, — сказал он. — Ты вторгалась в мои мысли и сны без приглашения. Я не мог тебя забыть. Один раз я даже добрался до аэропорта.

Он выпил воду из бокала, поморщившись от вкуса.

— Где-то над Ирландией или Исландией — точно не помню — разразилась сильная буря. Рейс сначала задержали, а потом и совсем отмени-

ли. — Он оторвал взгляд от воды и посмотрел мне прямо в глаза. — Я не смог уехать из аэропорта, провел там всю ночь. Чувствовал себя персонажем книги в поисках своего автора и дальнейших указаний. Я не знал, как вернуться к тебе.

Похоже, мы оба пытались связаться друг с другом любым способом, кроме прямого, из страха быть отвергнутыми или навредить.

— Ты как-то сказала, что умные люди без жизненной мудрости — самые большие глупцы.

Я нахмурилась. Почему из всего, что я говорила, он процитировал именно это? По правде говоря, я даже не помнила, когда это сказала, и это было неприятно.

— Я хотел вернуться и увидеть тебя снова, — наконец признался он. — Но у меня не хватило ни мудрости, ни смелости попросить тебя об этом.

Наш разговор двигался в неожиданном направлении. И все же я не могла не восхищаться тем, как привлекательно выглядел Бастьян даже спустя столько лет. Сейчас он казался даже более обаятельным, чем в молодости. Я невольно напрягла мышцы живота.

— Попросить о чем?

Он опустил взгляд, а потом снова посмотрел на меня.

— О том, чтобы ты все оставила.

Я часто представляла себе эту сцену: как он просит меня уехать вместе с ним. Но потом обдумывала, как все это будет выглядеть на практике. Его бы уволили из ЦРУ или перевели в другой отдел? А теперь, когда он окунулся в политику, мне пришлось бы скрываться? Или сменить имя, оформить грин-карту и осесть где-нибудь, например в Вирджинии? Найти работу? Что бы он сказал своей семье? У него ведь есть братья и сестры. Я видела их на фотографиях в журнале, в репортаже с его свадьбы… А как же его жена? Его друзья? «Хватит», — приказала я себе.

•

Мир почти ничего не знал обо мне, и все же, как только мое имя впервые появилось в международной прессе, мой образ оказался искажен, точно в волшебном зеркале из сказки Ханса Кристиана Андерсена «Снежная королева».

В этой истории все красивое в зеркале отражалось уродливым. Когда зеркало разбилось, его осколки разлетелись по свету. Если осколок попадал человеку в глаз, он начинал видеть только дурное и безобразное. Если же в сердце — оно превращалось в лед. Так же работает и пропаганда. И почти все на планете так или иначе подверг-

лись ее воздействию. Истина не имела значения. Важно было лишь то, что показывает зеркало. Я видела это снова и снова: публику привлекают преступники, потому что ей подсовывают их романтизированный образ. Или же люди испытывают к преступникам отвращение, потому что те насквозь коррумпированы, питаются злом и прибегают к насилию, не брезгуя заказными убийствами. В любом случае преступников изображают карикатурно.

Я выросла не в горной сицилийской деревушке, отрезанной от цивилизации, не в семье неудачливых гангстеров, заучивших кодекс омерты[13]. Когда нужно, к насилию прибегают все. Возможно, и Макс к нему прибегал. Но я этого ни разу не видела и не слышала.

Когда пришло время узнать, чем Макс зарабатывает на жизнь, мне сказали правду — ту, которую большинство не в состоянии вынести. Но с детьми все иначе. Я просто это приняла. Вместе с фактом, что отныне мой образ всегда будет немного уродливым и далеким от правды.

---

[13] Сноски: 13

Кодекс омерты — свод правил поведения, наиболее распространенный в кругах итальянской мафии. Согласно кодексу омерты члены преступных организаций обязаны хранить молчание о деятельности группы и не выдавать информацию правоохранительным органам даже под угрозой наказания или смерти. — *Примеч. ред.*

Помните зеркало? Оно искажает восприятие. Людям трудно принять меня, зная, кто я и откуда.

•

Я могла сказать Бастьяну только одно:

— Речь шла не о том, чтобы я оставила свою жизнь ради тебя. А о том, чтобы не перекладывать на твои плечи чужое бремя.

Я поглядела на его классический римский профиль. В самом сердце Рима. Я тихо усмехнулась, и он спросил, что меня рассмешило.

— Ты когда-то сказал, что я, возможно, самая охраняемая женщина в мире, помнишь? А теперь я сижу рядом с самым охраняемым мужчиной в мире, который, судя по всему, может стать самым влиятельным человеком на планете. — Я провела руками по волосам. — Разве это не забавно? Жизнь всегда невероятнее любого вымысла.

— Жизнь подчиняется слепому случаю. — В его голосе прозвучала ностальгическая нота. — Вот и все. Даже когда тебе кажется, что ты способен ее изменить.

— А ты бы изменил ее сейчас? — спросила я напрямую, пытаясь перейти к делу.

Бастьян пристально на меня посмотрел, словно пытаясь понять, что у меня на уме. Неужели я действительно спрашиваю, готов ли он все

оставить?

— Ты имеешь в виду опять стать никем? — усмехнулся он, вероятно припоминая наш разговор в лодке.

— Да, — наконец произнесла я. — Как я.

Он встал со стула, подошел к фонтану и поставил одну ногу на металлическую перекладину. Оперся локтями о колено, скрестив руки, и принялся смотреть на дно фонтана. Сказал почти шепотом:

— Как много монет… Интересно, сколько из этих желаний сбылось.

Я подошла и положила руку на его левое плечо.

— Одного желания мало. Нужно хотеть по-настоящему.

Он повернул голову, испытующе на меня поглядел и произнес:

— Будь осторожнее с тем, чего желаешь всем сердцем. Оно непременно станет твоим.

В его глазах блеснуло восхищение.

— Прямо как будто Макс сказал, — заметила я и нежно провела рукой по его спине, чувствуя напряжение в мышцах.

— Это Джеймс Болдуин, — с гордостью заявил он.

— Это универсальная истина.

— Знаю не понаслышке, — отозвался он.

Он ничего не добавил, а я не стала расспрашивать. Слова были лишними. Казалось, у него есть все. Слава не меняет людей, она лишь срывает с них маску.

— Почему ты не попросила меня вернуться раньше?

— А почему ты не вернулся сам, без моей просьбы?

«Тоже правда», — прочла я в его глазах.

— Все мои сожаления были неизбежны, но терпимы. Невыносимым было лишь одно — знать, что ты забыла меня. Или, еще хуже, — что ты подарила счастье другому.

Он повернулся ко мне и обнял. Говорят, старая любовь и сухие дрова загораются сразу, при первой возможности. Именно это я и почувствовала — мгновенную вспышку и жар пламени.

Настоящее. Часть 3

Я отперла дверь, он вошел первым. Моя квартира находилась на третьем этаже элегантного здания XVIII века неподалеку от Виа Венето, улицы, в сознании многих тесно связанной с «дольче витой»: и с фильмом Феллини, и с эпохой, увековечившей тягу итальянцев к наслаждениям, роскошным клубам, ресторанам и отелям, где собиралась голливудская элита, за которой охотились папарацци.

Квартира состояла из гостиной, спальни со смежной ванной комнатой, кухни, коридора и просторного балкона. Расположение было единственной причиной ее высокой стоимости.

После покупки я почти не вносила изменений в интерьер. Оставила узорчатое стекло в окнах, лепнину на потолке и дубовый паркет. Поменяла только цвет стен. Белый душил меня. Теперь каждая комната была выкрашена в свой цвет: синей корнишской керамики, бирюзового индийского океана, жемчужно-серого лунного камня, сиреневой французской лаванды… Названия звучали не по-итальянски, некоторые цвета не сочетались,

но я все равно была рада, когда *imbianchini* — маляры — закончили работу, оставив после себя пастельную гамму и запах свежей краски.

Эту квартиру я купила, поддавшись порыву, и перевезла туда часть личных вещей из Саличе, включая несколько картин в пузырчатой упаковке, которые до сих пор стояли в спальне, прислоненные к стене. Ни одну из них нельзя было назвать бесценным произведением искусства. Такие остались в Саличе. Я взяла только оригинальные иллюстрации *Mãe* к моим историям, где она впервые нарисовала Клинку Палачинку.

Имущество, собственность, вещи… они тяготили меня. Я хотела от них избавиться, но не знала как.

В обеих комнатах на потолке висели вычурные деревянные вентиляторы. В Риме это примерно такая же редкость, как и кондиционеры.

Бросив сумку на стул рядом с зеркалом в прихожей, я включила вентилятор в гостиной и распахнула дверь на балкон, впустив в комнату свежий воздух и шум ночного города.

В спальне я сделала то же самое. Там стояла двуспальная кровать, тумбочка с лампой Тиффани с изображением стрекоз и две деревянные подставки для чемоданов. На одной лежал открытый,

наполовину заполненный чемодан; на второй — аккуратная стопка чистых банных полотенец. У стены громоздились красные коробки из-под обуви. В большинстве действительно хранилась обувь, а в некоторых — всякая мелочь.

Кровать была аккуратно заправлена и покрыта лоскутным хлопковым одеялом ручной работы с принтами японских пагод и журавлей в насыщенных бордовых, золотых и синих тонах. Но узоров почти не было видно, потому что на кровати валялись мои вещи: серебристый ноутбук, блокноты и ручки, генератор белого шума, который я не выключала, запасные мобильные телефоны, кожаные кошельки с наличными, бирюзовое дорожное портмоне с паспортами, белый тюбик крема для рук, черный флакон духов и одежда, разбросанная как попало. Кровать — лучшее место для хранения, если в комнате мало мебели. Я сняла жакет и тоже оставила его на кровати.

Я вымыла руки в раковине в ванной. Женщина, глядевшая на меня из зеркала, спросила прямо: «Чего ты ждешь от этого вечера?» Я выключила свет и закрыла дверь, проигнорировав ее вопрос.

Бастьян стоял снаружи, на балконе. Над Вечным городом нависли тяжелые темные тучи,

сулившие дождь. Балкон выходил на узкую мощеную улочку, погрузившуюся во тьму. Ее освещали только мигающие зеленые и красные огни аптеки и — напротив — вывеска джелатерии под названием «*Dolci segreti*. Сладкие секреты». В Риме она пользовалась известностью, потому что в ней продавали всего семь сортов мороженого.

Я внезапно ощутила в квартире чужое присутствие. Это было Время. Главная валюта нашей жизни. У нас оставалось всего восемь или девять часов вместе. Бастьян уже предупредил, что утром уедет. И в ту же минуту Время запустило невидимый механизм — Часы. Они начали обратный отсчет.

Бастьян спросил, есть ли вода из холодильника. Ее не было, но в морозилке лежали кубики льда. Я налила в высокий стакан воды из крана и добавила лед. Бастьян с любопытством осматривал гостиную, раздумывая, куда сесть.

В комнате не было ни уюта, ни индивидуальности. На стене висело высокотехнологичное чудо, большой LED-телевизор, в окружении дешевых деревянных полок, на которых в беспорядке громоздилась моя коллекция DVD-дисков, более двухсот фильмов. Каждый вечер, когда приходила бессонница, я включала фильмы, иногда

по два или три за ночь, и засыпала с бледными лучами рассвета. Эти фильмы стали для меня настоящим фоновым шумом, единственным надежным и проверенным способом заснуть.

Напротив телевизора стоял трехместный диван-кровать цвета красного вина. Рядом — одинокий деревянный стул, выполнявший роль столика. На нем возвышалась стопка книг.

В углу темнел дорожный сундук конца XIX века из латуни, бычьей кожи и дерева. Сундук был не мой: он достался с квартирой, принадлежал ее прежним владельцам. На нем виднелись темно-красные инициалы *Е. Н.* Другой мебели в комнате не было. Ламп в ней тоже не хватало. Свет проникал только из прихожей и кухни.

Бастьян остановил выбор на стуле и переложил книги на сундук. Очки, телефон и нечто вроде футляра для кредитной карты оставил поверх стопки. Снял пиджак и повесил его на спинку стула.

Ранее он предлагал мне поужинать где-нибудь, но находиться с ним на публике значило делить его с другими обитателями Земли, а это было выше моих сил. Я предложила пойти ко мне. Мы взяли такси, но, прежде чем сесть в машину, он позвонил и продиктовал по телефону адрес, по

которому будет находиться.

Я проверила, что есть в холодильнике и можно ли из этих продуктов соорудить ужин. Нашлись яйца, сливочное масло, йогурт, кремы и сыворотки для кожи (я специально хранила их в холодильнике, чтобы не потерять) и большой кусок выдержанного пармезана. Зачем я его купила — понятия не имею. Еще около дюжины банок диетической колы и зеленые лаймы.

Я открыла все шкафчики и ящики, изучая их содержимое так, словно надеялась обнаружить внутри полноценный ужин из трех блюд. На самом деле мои действия сводились к бестолковой суете. Это слово как нельзя лучше описывало мой сегодняшний день. Вроде бы занята, но, по сути, ничего не сделано.

Я велела себе успокоиться и сосредоточиться. Прежде чем включить плиту и поставить на нее сковороду, я разбила яйца в миску. Когда вернулась в гостиную, Бастьян рассматривал книги.

— Ты читаешь такие необычные романы, — заметил он с мягкой улыбкой, от которой на щеках проступили ямочки. — Что тебя в них привлекает?

— Они сами меня находят, — с гордостью ответила я. — Все книги, которые я покупала по

чьей-то рекомендации, оказывались ерундой. Книги — это слишком личное. А у тебя разве не так? Назови пару любимых авторов.

— Булгаков, — ответил он без колебаний.

Несомненно, ему понравился знаменитый роман «*Мастер и Маргарита*». Одна из тех книг, о которой все хвастаются, будто читали, но понимают ее единицы. Мне ее чтение напоминало кислотный трип.

— Сэлинджер, — добавил он, и я закатила глаза, решив, что наши литературные вкусы никогда не совпадут. — А у тебя?

— Одного любимого у меня нет, — заметила я, обратив внимание на отсутствие обручального кольца на его левой руке. — Мне нравятся многие авторы — каждый по-своему. И все они не отпускают меня… Мои личные падшие ангелы из мира литературы.

Бастьян поднялся со стула, подошел к полке с дисками и начал читать названия фильмов на обложках, усмехаясь всякий раз, когда находил знакомый.

— Ты не против, если на ужин будет омлет? — вежливо поинтересовалась я.

— Конечно нет, — рассеянно ответил он и тут же спросил, где ванная.

Я махнула рукой в сторону спальни, объяснив, что нужно пройти через нее. Взбила яйца с щепоткой соли и ложкой йогурта. Дала маслу в сковороде растопиться. Чарли называл это блюдо яичной тортильей и обычно съедал ее так: разрезал на четыре треугольника и выкладывал на тосты с кетчупом. Я достала из шкафа пару фисташково-зеленых тарелок, вылила яичную смесь в сковороду и накрыла крышкой.

Бастьян вернулся. Его лицо и воротник рубашки были мокрыми. Похоже, он не увидел маленькое полотенце, которое я повесила сушиться на штанге для душевой шторки.

— Спальня пахнет тобой, — сказал он.

Его глаза были темные, как нутро глубокой пещеры. Он облокотился на дверной косяк кухни. Скрестил руки. Смотрел на меня. Воздух между нами сгустился. Я почувствовала запах масла. Услышала, как шипят яйца в сковороде. Обстановка накалялась.

— Ты до сих пор не назвала мне свое настоящее имя, — произнес Бастьян, надеясь, что я наконец-то раскрою секрет. — Знаешь, сколько раз я гадал, каким оно может быть? Играл сам с собой в шарады, думал: если назову его вслух и угадаю, ты появишься рядом.

Меня словно загнали в угол. Мы продолжали смотреть друг на друга, пока запах гари не напомнил мне про плиту.

— Мы все еще собираемся есть? — пошутил он, увидев темно-коричневый омлет.

Я уткнулась лицом в ладони. Как можно было умудриться сжечь яичную тортилью? Сняла сковороду с огня. Бастьян подошел сзади и наклонился. Капли воды с его лица попали мне на шею. Он обнял меня за талию, притянул к себе и прошептал на ухо:

— Не переживай. Я не так уж и голоден.

Я схватила его руки, будто нажимая на тормоза. Потянула за них и заметила на внутренней стороне его правого запястья синюю отметину — размазанное пятно, напоминавшее букву «А». Или «V» — в зависимости от того, с какой стороны смотреть. Но я не решилась спросить, что это.

— Почему ты постоянно игнорируешь мои чувства к тебе? — Его голос звучал тише, интимнее, с той самой хрипотцой, которую я запомнила.

Но эгоистка во мне не могла не бросить вызов:

— И что же ты чувствуешь?

– *Eres tanto mi alma como su ausencia.* Ты — и моя душа, и ее отсутствие.

Меня словно нокаутировали. Он был красноре-

чив, изящен, поэтично описывал свои чувства, а я утратила дар речи. Потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

— Я должна тебе кое-что отдать, — почти небрежно бросила я.

Пошла в прихожую и вынула из сумки свой старый дневник. Уголки были немного помяты, я отогнула их в обратную сторону. На балконе снова нашла Бастьяна.

— Хочу, чтобы он был у тебя.

Протянула дневник. Он удивился, но сразу узнал потертые страницы тетради. Листал ее с улыбкой при виде знакомых строк, будто возвращаясь в прошлое.

— Мне правда было интересно его читать, как бы бестактно это ни звучало, — подмигнул он. — Но почему ты мне его отдаешь?

— Считай это подарком на день рождения.

Он посмотрел на меня с любопытством, приподняв брови, ожидая более внятного объяснения. Сентиментальность — не мой стиль. Это был как раз тот момент, когда мне захотелось произнести дежурную фразу и уйти. Уходить — вот чему я научилась лучше всего. А признаться ему в своих чувствах — это была *terra incognita*. Неизвестная территория.

Я резко сменила тему:

— Помнишь, ты приезжал в Саличе и говорил с Максом в его кабинете? Что он тебе тогда сказал?

По его выразительному лицу пробежала тень замешательства. Он явно пытался вспомнить: в конце концов, с Максом он беседовал всего раз.

— Что нужно сделать, если хочешь кого-то найти? — подсказала я.

Бастьян молчал, и я сама озвучила ответ, будто мы участвовали в викторине:

— Отыскать денежный след.

Он все еще выглядел озадаченным, пока его темные глаза вдруг не вспыхнули. Должно быть, он что-то вспомнил — возможно, тот разговор с Максом.

— Какой еще след? — спросил он с досадой. — Мы не нашли никаких денег. Зачем ты вообще подняла эту тему? Макс мертв. — Бастьян почесал левую щеку, не понимая, к чему я клоню. — Он не вел записей. *Nada*. Ничего.

— А вот я — вела, — осторожно произнесла я.

Бастьян прищурился. Его лицо застыло, словно он нажал в голове кнопку обратной перемотки, пытаясь осмыслить услышанное. Чуть не выронив дневник, он положил его на стол.

— Я думал, ты не имела отношения к делам

Макса. — Его голос похолодел.

— Не имела, — ответила я, понимая, что пришло время все рассказать.

Я подбирала слова осторожно, чтобы не запутать его еще сильнее.

— У Макса был личный бухгалтер, которого во время кадровых перестановок переманили из Министерства иностранных дел. У него было прозвище — Кликер. Так называются стеклянные шарики, в которые играют дети.

На английском «потерять свои шарики» значит «сойти с ума», а на моем языке — если у тебя «в голове есть шарик», то ты очень умный.

— Кликер, бывший банкир и настоящий гений, вел для Макса все финансовые дела, официально и строго по правилам. Я говорю о так называемых «белых» счетах для нужд легальных компаний. Они сотрудничали со множеством банков по всему миру.

Бастьян нахмурился и облокотился на балюстраду, повернувшись к городу спиной. Видимо, гадал, что еще услышит от меня этой ночью.

— Но у этой истории была и другая сторона. — Я сделала паузу, мысленно перестроила фразу и продолжила: — Скажем так, кое-кто получал оплату через другие, менее заметные каналы.

Мой рассказ полностью захватил внимание Бастьяна.

— Макс давал указания: сколько, кому и с какого счета платить. — Я говорила все медленнее, опасаясь сказать слишком много или открыть правду слишком рано. — Ты понимаешь, о чем я?

Это был еще один миф: будто преступники создают гениальные схемы, чтобы спрятать от властей свои деньги. На самом деле они поступали так же, как и все: обращались в банки. Бастьян кивнул. Для него это не было новостью.

— Только он использовал для этих переводов другие банки.

История становилась все занимательнее.

— Кликер был жутким педантом, — продолжила я. — Он записывал все, чтобы Макс мог проверить. Прямо как репортер: пишет статью, а редактор потом ее одобряет. — Меня удивляло, насколько точно я помню детали. — Это была мера предосторожности… На случай, если с бухгалтером что-то произойдет… Ну, например, на него упадет валун.

Я рассмеялась, потому что в памяти всплыл койот Вайли из мультика.

— Что смешного? — Бастьян был снова сбит с

толку. — Можешь хоть секунду побыть серьезной? Откуда ты все это знаешь?

— Подслушивала, так и узнала, — ответила я, умолчав о том, где при этом находилась. — Мне захотелось выяснить, что в тех записях и где их прячут. Сейфа в доме не имелось. Макс даже ящики своего стола не запирал. А Кликер ни за что не унес бы документы домой. У него был дар запоминать цифры — какие угодно: счета, суммы, курсы валют, даты, номера телефонов. В то утро после их встречи я велела Балисто проследить за Кликером.

— Так просто? Ты приказала собаке следить за бухгалтером Макса? — спросил Бастьян со скепсисом в голосе, будто вся история казалась ему слишком маловероятной. — Разве это возможно?

Это была одна из секретных команд, которым я научила Балисто. Услышав «*Mensch folgen*. Следуй за человеком», он крался за кем-то, запоминая маршрут, чтобы потом показать его мне. Мы отрабатывали этот трюк с Чарли, когда он только начал ходить. Для нас троих это было обычной игрой вроде пряток.

Бастьян выглядел так, будто оказался на перекрестке, где не работает ни один светофор. Пора мне было закончить начатое — и побыстрее.

— Я поняла, где спрятаны записи, вернулась туда в тот же день и все переписала. Названия банков и номера счетов. Они все в моем дневнике.

— Что? — спросил он растерянно, словно начал терять нить происходящего.

Может, я говорила слишком быстро. А может, время было уже слишком позднее для игры в Шерлока.

— Я записала счета, с которых Макс платил людям.

Я ожидала, что, произнеся это вслух, почувствую хоть какое-то облегчение, но ничего не произошло.

Бастьян покачал головой, давая понять, что, по его мнению, память меня подвела.

— Твои зеленые глаза заставят меня поверить любому твоему слову. Но только не этому. Невозможно было такое провернуть. Да и зачем?

— В то время это казалось хорошей идеей, — процитировала я Стива Маккуина из «Великолепной семерки», с трудом сдерживая смех.

А какой другой ответ его бы устроил?

— Повтори еще раз.

Бастьян, как и большинство людей, при столкновении с чем-то невероятным предпочитал

просто не верить.

— Ничего невозможного. Это случилось почти тридцать лет назад. Тогда люди ходили в банки и подписывали чеки вручную. Переводы делались лично, иногда по телефону. Никаких электронных данных. Ты же помнишь, что такое факс? — Он кивнул, догоняя ход моих мыслей. — Речь о времени, когда разваливалась Югославия. Шли войны. А война — это идеальная почва для организованной преступности. — Я не ожидала, что придется столько всего объяснять. — Макс тогда проводил кучу сделок, которые не имели ничего общего с торговлей кокаином. Многие стремились к личной наживе, и я говорю не про обычных мелких преступников.

— Кого ты имеешь в виду?

Он хотел знать имена. Не дождется. Пусть выясняет сам.

Сколько Макс заработал в самые прибыльные годы — чистая математика. Производство кокаина — дешевый процесс, а чем ближе ты к источнику, тем дешевле товар. Именно эта колоссальная наценка позволила Максу выстроить свои компании и накопить состояние. Я даже не пыталась пересчитать эти доллары. К тому же тогда все шло налом. Перевозить наличные

легко, если знаешь как. А удвоить — еще проще, если знаешь, куда вложить.

«Войну ведут не ради победы, а для того, чтобы воевать вечно», — сказал Джордж Оруэлл[14]. Но сколько бы ни длилась война, для нее необходимо оружие. Один из способов его получить — намеренный вывод из легального оборота в нелегальный. Макс называл это инвестиционной возможностью. За красивыми словами скрывалась банальная торговля оружием. Макс ничего не покупал и не продавал напрямую, он вел переговоры и устраивал сделки. Брал комиссию. А потом гонял по кругу десять-двадцать миллионов, приобретая активы и открывая новые компании.

Если кто-то хотел поучаствовать и вложить деньги вместе с Максом — тот был только рад. Чем больше желающих, тем лучше. Отделить грязные деньги от легальных в любом банке было сложно. Зато проследить путь этих денег до конечного получателя, наоборот, легко. Достаточно было иметь доступ к счетам.

Бастьян выглядел взвинченным. Спросил, курю

---

[14] Сноски: 14

Эти слова появляются только во второй экранизации романа «1984», а также в документальном фильме «Фаренгейт 9/11» Майкла Мура. — *Примеч. ред.*

ли я до сих пор и можно ли взять у меня сигарету, а потом усмехнулся, увидев, какие они тонкие. Казалось, ему было тесно в моей квартире, небольшое пространство сковывало его мысли.

Он взял дневник со стола и сказал:

— Покажи.

Я перелистывала страницы в поисках нужных — с названиями и картинками городов, в которых побывала. Нашла страницу с описанием Цюриха. Раньше я вырезала изображения городов из открыток или журналов и вклеивала в блокнот. Записывала, где гуляла, что ела или покупала. В центре той самой страницы красовалась фотография заката над Цюрихским озером.

— Ты будешь смеяться, но вот взгляни. Здесь по-английски написано «цукини + кесадилья с курицей + брауни». — Я указала пальцем. — Ниже идут какие-то цифры, видишь?

Бастьян нетерпеливо кивнул. Ему было не до смеха.

— Посмотри на первые буквы каждого слова: «z», «c», «b». Аббревиатура банка. ZCB — Цюрихский кантональный банк.

Я пролистала дальше, чтобы показать другой пример. Бастьян прищурился. Ему не хватало очков, но он был слишком взволнован и даже не

взял их со стопки книг.

— Вот Сент-Хелиер на острове Джерси. Посмотри, что я ела на обед. «Салат „цезарь“ + картошка фри + клубника», — прочитала я вслух. — Первые буквы английских слов складываются в CFS. «Куттс. Финансовые услуги».

Еще одну запись Бастьян решил расшифровать самостоятельно — хотел убедиться, что правильно понял. Я открыла страницу с городом Сент-Питер-Порт и фотографией восьмивекового замка.

— Вот. Здесь написано «начос + салат „уолдорф“ + бургер»… — Я замолчала, чтобы он продолжил.

— NWB. Еще один банк? — Он в замешательстве поднял глаза.

Я кивнула:

— Угадаешь название?

— Национальный Вестминстерский банк. Гернси.

Мы действовали как одна команда.

— Один из Нормандских островов. Все банки офшорные, — подытожил Бастьян.

— Именно. — Я не хотела останавливаться, должна была показать ему остальное. — А теперь посмотри сюда — внизу каждой страницы написано «калорийность», видишь?

Какие-то числа были трехзначными, другие состояли из двух цифр. Разумеется, никакой связи между этими числами и калориями, поглощенными за день, не было.

— Это номера счетов.

Наконец-то я выложила все свои карты.

— Подожди, — прошептал он. — Ты о чем?

— Вот эта числовая последовательность: 150+190+490+690…

Я провела пальцем по строке, словно выделяя ее невидимым маркером.

— На плюсы внимание не обращай. Это счет Макса на Гернси, — открыто призналась я.

— Так кому уходили деньги? — спросил он, и я заметила, как участилось его дыхание.

Я испугалась, что его хватит удар.

— Не знаю.

И знать не хотела. Вычислять имена людей не входило в правила игры, и я не собиралась нарушать традицию.

— Но ты можешь легко выяснить, — добавила я.

— Сколько у Макса было офшорных счетов? — задал он следующий вопрос.

— Пять, — сообщила я. — Первый он открыл в Лихтенштейне, второй — в Панаме. Большая

часть денег хранилась на них. Даже часть прибыли от торговли кокаином оседала там. Странно, что незадолго до смерти Макс закрыл оба счета и кому-то все перевел. Видимо, этот человек был ему важен. Но я не пыталась узнать, кто это был.

У меня пересохло горло и слегка охрип голос от долгого разговора. Я потерла лопатки и шею. С улицы вдруг раздался пронзительный вой сирены, который вскоре растворился в тишине.

— А остальные три счета? — уточнил он.

В его взгляде читалась то ли угроза, то ли усталость — разобрать я не могла.

— Счета в Швейцарии, на Джерси и Гернси теперь доступны онлайн. Макс не оставил завещания, значит все переходит наследнику. Но я не хочу иметь с этими деньгами ничего общего.

Впервые за вечер Бастьян сделал глубокий вдох, а затем медленно выдохнул, стараясь успокоиться. Его следующий вопрос меня озадачил:

— Выходит, ты никогда не бывала в том банке в Панаме?

— Нет, никогда. Я много раз бывала в Цюрихе и Женеве, особенно когда мы ездили кататься на лыжах. Но в банки не заходила. Зачем? И на Нормандских островах тоже не была.

Он продолжал разглядывать дневник в по-

исках того, что еще может быть скрыто на его страницах.

— Макс знал, что ты сделала? — спросил он, как я и предвидела.

Я колебалась: дать краткий ответ или развернутый? Выбрала краткий.

— Конечно нет. Послушай, я сделала это просто от скуки. Из любопытства. Всему виной моя фантазия. Или фильмы с Джеймсом Кэгни.

Бастьян наконец рассмеялся, покачал головой и недоверчиво посмотрел в небо.

— Я же не думала, что кто-то когда-нибудь захочет прочесть подростковый дневник. — Мои щеки вспыхнули. — Кроме тебя.

Я отвернулась и поглядела на город. «Никогда не оправдывайся», — нередко повторял Макс.

— Я прочел его, потому что мне было интересно. Твоя манера письма меня заворожила, — разоткровенничался Бастьян. — Как и ты.

Он ушел с балкона и вернулся с двумя холодными банками диетической колы. Одну открыл и протянул мне. Я сделала глоток. Вторую Бастьян приложил ко лбу.

— Скажи мне вот что. Ты говорила, что Балисто следил за бухгалтером. Где же он прятал записи?

— На катере, — прозвучала первая часть от-

вета.

Бастьян усмехнулся, вспомнив «Докторицу» и свое плавание по реке, и прижал холодную банку к левому виску.

— В коробке для рыболовных снастей, — закончила я.

Он поставил банку на стол, взял у меня вторую, сделал глоток, а затем вытер уголки рта большим и указательным пальцами.

— У меня остался только один вопрос: при чем тут я?

Его голос прозвучал настороженно, почти с вызовом. Он скрестил руки на груди. На горизонте тонкая серебристая молния пронзила ночное небо.

— Я все еще могу представлять интерес для твоего правительства. Макс мертв, но они ведь не знают, какие секреты он оставил. Поэтому я решила, что лучший способ защитить себя — выдать тебе один из секретов.

Бастьян выглядел на удивление собранным и спокойным, несмотря на недавнее потрясение от услышанного.

— Если ты обнародуешь эту информацию и поручишь расследование настоящим специалистам, — продолжила я, — то выведешь на чистую

воду множество военных спекулянтов. Тебя будут славить, как рыцаря в сияющих доспехах. Справедливость, правосудие, равенство… Разве это не один из лозунгов твоей партии?

Я взяла дневник.

— В наши дни разоблачение жуликов — самое популярное и зрелищное развлечение. Они новое поколение знаменитостей.

К нам на балконе присоединился *ponentino*, западный ветер, неся прохладу и возвещая приближение бури.

Бастьян резко изменил позу: расправил плечи, упер в бока руки и встал напротив меня, словно готовясь к дуэли.

— О каких суммах речь?

Казалось, он не проявлял любопытство, а вел допрос. Или же я инстинктивно восприняла его слова как нападение и по привычке подняла щит.

— Не знаю. Какая разница? — ответила я с сарказмом. — Ты же не думаешь всерьез, что сто миллионов долларов лежат на одном счете? Или что их кому-то перевели?

Он вздрогнул и пристально на меня посмотрел, его взгляд бросал вызов и словно требовал: «Продолжай». На его лбу пролегли глубокие складки,

а между бровей — две широкие вертикальные морщины. Я могла смотреть на его лицо вечно.

— Скажи честно, ты попросила Попплстона передать мне послание из-за дневника?

Теперь я поняла причину его мрачного настроения. Я и сама задавала себе этот вопрос.

— Да, — солгала я.

Он меня раскусил.

— Считай меня сумасшедшим, но в это я не верю. Как и в то, что ты действительно хочешь, чтобы партнеры твоего отца понесли наказание — кем бы они ни были.

— А ты разве не хочешь, чтобы правда всплыла наружу?

Для него это всегда было делом принципа. Для меня — нет.

— Правде давно закрыли дверь.

Меня поразили его слова.

— Вот и ты стал циником, — поддразнила я.

Мне нравилось наблюдать за тем, как в нем борются свет и тьма. Подобное происходит с каждым из нас.

Бастьян посмотрел на меня. В его глазах была только нежность, ничего больше.

— Может, я просто идеалист с завышенными стандартами, — вздохнул он. — Меня раздражает,

когда люди бездействуют в ожидании нового президента, вождя или супергероя… Кругом сплошное притворство. Я не уверен, что хочу быть тем, кого они ждут.

Он явно запел на другой лад. Ничего подобного он ранее публично не заявлял.

— Я совсем не тот, за кого меня принимают. — Бастьян потер переносицу. — И больше не хочу быть марионеткой, которой управляют чужие ожидания.

Что он пытался сказать? Неужели он был готов все бросить?

— Разве ты можешь подать в отставку? Так просто?

— Незаменимых людей не бывает. Твой отец был прав. — Бастьян снова вспомнил Макса. — Когда дело касается власти и денег, большинство людей ведут себя одинаково. А американская мечта… Не зря же ее называют мечтой.

— Моего отца всегда интересовало только одно: что получит он сам и что достанется другому, — напомнила я Бастьяну, кем был Макс.

— Вот именно. Что же получу я? Если я разоблачу жуликов, как ты их называешь, об этой сенсации забудут через неделю. Даже если назовут всех поименно. Шишки принесут извинения,

изобразят раскаяние, уйдут с постов, а через сорок восемь часов подпишут контракты на книги и фильмы. Ну а мы, как всегда, во всем обвиним русских. — Он уверенно на меня посмотрел и с гордостью добавил: — Миром правят жадность и страх. Я давно это понял.

— Если ты не хочешь продолжать предвыборную кампанию, что будешь делать? Или ты решил уйти из политики?

— Я хочу жить по-другому. Сейчас я не способен стать лучше.

Странное заявление. Я впервые задумалась, хорошо ли я знаю Бастьяна.

— А ты что собиралась делать, отдав мне дневник?

— Исчезнуть. О Чарли я позаботилась: на его имя оформлена недвижимость, в том числе эта квартира и квартира в Лондоне. Его делами займется юрист из Холборна. Мне нужно уехать туда, где люди вежливы и не говорят глупостей. Хочу жить в идеальном месте, где каждый день предсказуем. — Я вертела в пальцах кулон-компас. — У меня есть настоящий паспорт. Я ни разу его не использовала, поэтому он не вызовет подозрений.

Я все продумала. И то, с какой легкостью я де-

лилась своими планами, удивляло меня саму.

— А как же Саличе?

— Саличе будет всегда.

— И куда же ты отправишься? — спросил он с вызовом.

Хороший вопрос. Впервые в жизни у меня была возможность уехать куда угодно, не оглядываясь… И тут меня осенило: где бы я ни оказалась, я никогда не перестану думать о Бастьяне.

Притяжение между нами было слишком сильным, чтобы я могла сопротивляться. Мы были как два воздушных гимнаста: один прыгает, другой ловит. Мы раскачивались навстречу друг другу, набирая скорость, в ожидании момента, когда можно будет отпустить перекладину и схватиться за руки. Но при этом оставались на своих качелях. И вот я отважилась на прыжок.

Я подошла к Бастьяну, заглянула ему в глаза и постаралась, чтобы мой голос звучал соблазнительно:

— Хочу оказаться на берегу океана, где пахнет апельсиновыми рощами.

Я всегда мечтала о доме с видом на лазурный океан и бесконечные ряды апельсиновых деревьев с темно-зеленой листвой и белыми цветами. На рассвете открываешь окно — и тебя окутывает

аромат цитрусов, смешанный с дыханием соленого моря и пропитанный утренней свежестью.

Он обхватил меня за бедра и притянул к себе. Наши тела не просто соприкоснулись — они словно слились в единое целое, точно гаджет, требующий подзарядки, и беспроводной источник питания. Что-то внутри меня словно растаяло. Я провела пальцами по его лицу, осторожно касаясь скул и висков.

— Ты знаешь такое место? — спросила я будто между прочим.

Я хотела, чтобы мои слова его загипнотизировали. Прижалась к нему, чтобы оказаться как можно ближе. Руки скользнули вниз, по плечам, талии, нырнули под рубашку, игриво коснулись его поясницы, двигаясь, как длинные паучьи лапки.

— Я даже придумала имя для дома, — прошептала я. — *Miramar*[15].

Озвучив свое тайное желание, я словно призывала джинна исполнить его.

— Я хочу простых радостей. Приятных, но незначительных.

— Например? — тихо спросил он, касаясь губа-

---

[15] Сноски: 15

С видом на море *(исп.). — Примеч. ред.*

ми мочки моего уха.

Я закрыла глаза, подбирая слова:

— Просыпаться на рассвете, когда солнце еще не взошло. Первая утренняя чашка кофе. Ливень под вечер…

Бастьян медленно приподнял мой топ, проверяя, стану ли я сопротивляться. Не стала. Подняла руки и позволила убрать еще один барьер между нами. Он бросил топ на столик и задержал взгляд на кружеве майки. Его пальцы играли с тонкими бретельками, мягко сдвигая их, чтобы те соскользнули с плеч.

Он обнял меня — именно так, как я мечтала. Так, как никто не обнимал с той июльской ночи накануне его отъезда. Это было объятие, способное уберечь даже от собственной тени.

Его следующая фраза вернула нас обоих к реальности:

— Поехали со мной в Чили.

Я открыла глаза, чтобы понять: он говорит всерьез или поддавшись страсти?

— Я не шучу. Я часто думал вернуться и хочу, чтобы ты поехала со мной. Там я был по-настоящему счастлив: чинил школы, ремонтировал мебель, мыл окна… Даже точил карандаши. — Он словно сдувал паутину с давней мечты, не

выпуская меня из объятий. — Мне нравилось быть рядом с теми детьми. Они потеряли все, а я… Я чувствовал себя живым и нужным, когда помогал им. Гораздо более нужным, чем когда снимал документальные фильмы или давал интервью. Чтобы «привлечь внимание», так сказать. — Он изобразил пальцами кавычки и пощекотал меня за талию. — Никакого внимания мы не привлекли. Просто я получил пять минут славы. А слава — это машина, которая возносит тебя и перемалывает одновременно. Не для того, чтобы тебя поняли или оценили. Главное — чтобы тебя заметили.

Я спросила, почему же он не вернулся в Чили и не обосновался там.

— Я женился. Жене нравилось жить в Калифорнии, она не хотела уезжать. А для меня дом был повсюду и одновременно нигде. Мне нужно было все время двигаться. Всегда. Я был неугомонным. Или же у меня было слишком много свободы.

Он взял мой кулон, покрутил его, и стрелка компаса дрогнула.

— Я думал, смысл брака в том, чтобы перестать думать о любви. Но я все равно думал. Только о другой женщине. О тебе.

Взглядом я дала понять, что готова к следую-

щему шагу, но наши внутренние ограничения уравновешивали силу взаимного притяжения.

— А что, если, разоблачая жуликов из твоего дневника, я разоблачу и себя? — неожиданно спросил он. — Ты ведь сама говорила: чтобы играть с волками, нужно научиться выть. Что, если я сам один из волков?

— Для меня это ничего не меняет. Я выросла с одним из них, — напомнила я, сказав чистую правду. — Что же ты предлагаешь? Встретиться на вершине Испанской лестницы и уйти от всего этого?

— Или на ее середине, — откликнулся он, будто ответ уже давно лежал наготове, как пирог в духовке. — А потом решим вместе: подниматься или спускаться.

Он провел большим пальцем по моему подбородку.

— Давным-давно — наверное, когда я увидел тебя впервые, — я понял, что для меня ты станешь грандиозной проблемой.

Его взгляд упал на часы. Что-то вспомнив, он произнес:

— Почти полночь. Дай мне двадцать четыре часа. Сможешь?

— Для чего, Бастьян?

Я поняла, что он собирается уходить. Он выглядел сосредоточенным и энергичным, словно решил действовать.

— Чтобы решить, что делать дальше.

Он вернулся в гостиную, взял с сундука телефон, который весь вечер молчал, и, похоже, включил на нем звук. Как только экран загорелся, уведомления посыпались одно за другим, без остановки.

— Ты не поцелуешь меня на прощание? — потерянно спросила я, стоя в проеме между гостиной и балконом.

Он окинул меня взглядом с головы до ног, будто пытался запечатлеть мой образ. Казалось, он создавал в воображении живую картину того, что хотел бы сделать с моим телом. Или того, что мое тело могло сделать с ним, прислушайся я к его желаниям.

— Нет, — ответил он коротко и ясно.

— Почему?

Я не провоцировала его. Просто пыталась понять, что произошло и откуда взялась эта решимость уйти.

– *En un beso sabrás todo lo que he callado. В одном поцелуе ты узнаешь все, чего я не сказал*, — процитировал он национального поэта своей страны.

— Думаешь, мы больше не увидимся?

Острая боль полоснула изнутри по ребрам.

— Сейчас я не могу доверять тому, что думаю. Только тому, что знал раньше.

Он взял пиджак с кресла, разложил по карманам телефон, очки и портмоне.

— И что же ты знал?

Я не собиралась сдаваться. И не сдвинулась с места. Похоже, мы дошли до конца очередной главы.

Он направился к выходу, но, перед тем как исчезнуть, обернулся и посмотрел на меня в последний раз этим вечером. И вместо *adiós* сказал:

– Todo para lo que soy bueno es tú. Все, на что я годен, — это ты.

•

Я еще немного постояла на балконе, но не вынесла тишины в квартире. Мне нужен был фоновый шум. Я схватила пульт, включила телевизор и DVD-плеер и сняла с паузы фильм «Квартира», который начала смотреть вчера вечером. В комнате снова зазвучали голоса Джека Леммона и Ширли Маклейн:

— Зеркало разбито.

— Да, я знаю. Мне так нравится. Оно отражает то, как я себя чувствую.

•

Я пошла в ванную, чтобы принять душ. *Мãе* верила, что душ — лучшее место для размышлений. Среди пара, под струями воды разум теряет бдительность, ты не заставляешь себя думать, и поэтому мысли текут свободно. Я ни разу не совершила ничего выдающегося. Не чинила школы, не строила больницы, не удостаивалась премий, не спасала детей после землетрясений.

Макс часто говорил, что я должна жить только ради себя, а не ради других. «Не зацикливайся на деньгах, — твердил он. — Не желай их больше, чем нужно. Найди свое дело. Тогда тебе будет безразлично, сколько у тебя денег». Мне потребовалась целая вечность, чтобы понять эти слова.

Я забыла взять чистое полотенце и вернулась в спальню нагишом. На полу остались мокрые следы.

Чего я хочу? Обычной жизни где-нибудь подальше? Вместо той необычной, что у меня была? А что, если необычная жизнь — это проклятие? Может быть…

Я схватила большое полотенце с подставки для чемодана, завернулась в него и вышла на балкон. Нейромедиаторы в мозгу замигали, как сигнализация в доме перед тем, как сработать.

Я вдруг вспомнила, где раньше слышала слова о том, что миром правят жадность и страх. Их произнес Макс в беседе с Бастьяном. Я тогда пряталась в шкафу. Макс ненавидел диктатуру, но однажды сказал: «Иногда демократическому государству, которому не хватает либерализма, нужен либеральный диктатор».

Во время встречи Бастьян и Макс обсуждали политику. Теперь я вспомнила — именно поэтому их разговор не вызвал у меня интереса и я слушала вполуха. Бастьян не допрашивал Макса и не задавал ему вопросов о незаконных делах.

Облака наконец не выдержали и пролились классическим римским ливнем. Точно так же — внезапно — на меня снизошло озарение: возможно, у Макса и Бастьяна была своя игра. Вероятно, их связывали особые отношения.

Это многое объясняло: например, почему Бастьян с такой легкостью проникал в наш дом. Его никто не останавливал, не обыскивал… Он вошел в кабинет Макса с оружием… Такое могло произойти только в том случае, если Макс ему доверял. А если так, значит Макс его знал.

Дождь хлестал с такой силой, что мне пришлось отойти от ограждения. Капли воды разлетались в разные стороны, отскакивая от любой поверх-

ности.

Они могли разговаривать, встречаться, даже планировать что-нибудь… Но что именно? Макс всегда играл только с самим собой, стремясь побить собственные рекорды. В чем тогда заключался его интерес к Бастьяну? Я мысленно вернулась к сцене на реке, когда мы сидели на песчаной дюне… Бастьян называл причину своего визита в Саличе. «Скажем, есть такой человек, которого Макс нанимает…» Никакого загадочного человека не существовало. Таинственного сообщника не было. Если только… Неужели Бастьян тогда сообщил мне настоящую причину своего приезда?

Я отодвинула столик ближе к двери. Мой дневник лежал на нем, насквозь промокший, рядом с серебристыми банками газировки.

Почему Бастьян спросил, бывала ли я в Панаме? Он тогда насторожился и проявил слишком живой интерес именно к этому городу. Где вообще находится Панама? «В Центральной Америке, — прошептал внутренний голос, — рядом с Коста-Рикой, и ты знаешь, что Бастьян туда ездил. А что, если он…»

Я снова посмотрела на дневник, который почти утопал в дождевой воде. Почему Бастьян его

оставил? Чтоб доказать свою верность мне? Или Максу? Или самому себе?

Эпилог

Испанская лестница — это название для иностранцев. По-итальянски она зовется *La Scalinata di Trinità dei Monti*, Лестница Троицы на горах, но местные говорят просто *la Scalinata* — Лестница. По одной из версий, Испанской ее окрестил Китс или Шелли, жившие неподалеку, возможно, потому, что за сотни лет до ее постройки там находилось испанское посольство. Лестницу возвели, чтобы соединить французскую церковь Пресвятой Троицы на горах с Палаццо Мональдески на Испанской площади внизу, названной в честь посольства. Церковь и соседняя Вилла Медичи на самом деле принадлежат Франции, а не Италии, о чем мало кто знает. Лестница посвящена Святой Троице и поэтому имеет три яруса, символизирующие Отца, Сына и Святого Духа. Фонтан у подножия лестницы, спроектированный Бернини, напоминает лодку. Это отсылка к наводнению, когда Тибр вышел из берегов и одну из речных лодок унесло на Испанскую площадь, а когда вода ушла, лодка осталась и послужила прообразом для фонтана.

Каждый раз, когда мы с Чарли бывали в Риме, вечером после ужина мы шли в нашу любимую джелатерию за мороженым. Я предпочитала со вкусом фундука и фисташковое, а Чарли — стрчателлу и шоколадно-ореховое. Потом мы поднимались по ступенькам, по всем ста тридцати пяти.

В том месяце, когда мы в последний раз там побывали, в Италии ввели штраф за сидение на ступеньках. Мы купили мороженое, поднялись по лестнице и с верхнего яруса наблюдали, как сотрудники столичной полиции подходили к туристам и приказывали им встать.

Часто они вообще не говорили ни слова, просто свистели в свисток, будто давая старт гонке. Иногда они не утруждали себя даже этим.

В тот вечер молодая сотрудница полиции постукивала людей по плечу и молча показывала пальцем, что нужно встать. Двое ее коллег стояли неподалеку, перед магазином известного дизайнера, и смотрели на телефоне музыкальный клип, ремикс старой песни восьмидесятых в исполнении Раффаэллы Карры.

На верхнем ярусе группа из дюжины азиатских туристов пыталась уместиться в кадр для общей фотографии. Мужчина с хвостиком на затылке

играл на гитаре *«Imagine»* Джона Леннона. Звучало плохо — не потому, что у исполнителя не было слуха или голоса, а потому, что песня не вписывалась в атмосферу Рима.

На балконе соседнего отеля сидел мужчина средних лет в белом банном халате. Он собирал что-то на столе: то ли пластиковую игрушку, то ли какое-то электронное устройство вроде будильника. Вещица выглядела так, будто по ней стукнули молотком, как в мультфильмах. На столе стоял бокал белого вина или просекко, стекло словно покрывала испарина. Балконная дверь в его номер была распахнута настежь, и любой, кто стоял на лестнице или проходил мимо, мог видеть, что происходит внутри. На стене висел большой телевизор, работавший слишком громко, вероятно, чтобы мужчина мог слышать его с балкона. Изнутри доносился голос женщины:

— Гарри, почему эту лестницу называют Испанской?

Гарри сделал вид, что не слышит; его внимание и неуклюжие пальцы сосредоточились на гаджете. Затем он ответил рассеянно:

— Не знаю, Милдред. Наверное, потому, что ее построили в Испании.

Люди продолжали подниматься и спускаться

по лестнице непрерывным потоком. Пары целовались, заскучавшие дети умоляли родителей уйти, потому что тут было нечем заняться, кроме хождения вверх и вниз…

Богатая на вид семья из шести человек — все в белом, словно участники Уимблдона, — вышла из соседнего отеля класса люкс и поднялась на верхний ярус. Загорелые мужчины прогуливались, небрежно накинув на плечи хлопковые свитера. Женщины в шелковых струящихся платьях балансировали в блестящих босоножках на тонких, как зубочистки, каблуках. Их макияж начал таять от зноя. Как обычно по вечерам, такси было трудно найти, из-за чего многие опаздывали на ужин в рестораны. Они держали бумажные конические стаканчики с ледяной водой, которые выдавали в отеле, чтобы гости могли освежиться, пока ждут такси. Теперь опустевшие стаканчики им только мешали. Люди не знали, куда их девать. Они стояли как вкопанные, не понимая, чем себя занять, и, казалось, думали об одном: «Лучше бы мы остались дома».

Женщина снова закричала на Гарри, приказывая ему вернуться в номер, но он был полон решимости починить чертов будильник. Тогда женщина подошла к дверям. На ней тоже был

белый банный халат, а в волосах — розовые, как фламинго, бигуди.

— Гарри, я хочу заказать еду в номер. Лучше взять органическую курицу или обычную? — продолжала она, не понижая голоса.

Это был типичный римский вечер: люди часами оставались на улице, не зная, куда податься, и не желая возвращаться в свои маленькие, душные, неоправданно дорогие гостиничные номера.

Мужчина в бейсболке с надписью *Nostromo* — так назывался космический корабль из фильма «*Чужой*» — и с винтажной кожаной сумкой на плече сбежал по ступенькам, минуя отца, который кружился на месте с малышом на плечах.

Внизу у фонтана тоже толпились люди. Девочки подросткового возраста в укороченных топах, с телефонами в руках бесконечно позировали, надувая губы, как рыбы, дышащие под водой.

Пара с детской коляской ела пиццу, томатный соус с одного из кусков капал на одеяльце малыша.

Двое глупых подростков, один — в черной футболке с портретом Пабло Эскобара, нарочно сели на ступеньках, чтобы привлечь внимание полицейского.

Женщина в черном комбинезоне без рукавов с атласными лацканами и в балетках из кожи наппа цвета розового золота с блестками быстро прошла мимо них вверх по лестнице и на середине едва не столкнулась с пожилой парой, изучавшей бумажную карту Рима.

Жена Гарри ахнула и опустила телефон. С ее головы упали бигуди. Прочитав бегущую строку на экране телевизора, она не смогла скрыть бурного удивления.

— О боже, Гарри, ты должен это увидеть! — воскликнула она во весь голос и прибавила громкость, чтобы весь мир мог услышать сенсацию.

После знакомой заставки, возвещавшей экстренную новость, раздался четкий баритон диктора:

— Срочное сообщение: кандидат в президенты от Демократической партии, Себастьян Сото, только что объявил, что он…

Но конца фразы никто не услышал, потому что Гарри наконец поднялся и вернулся в свой номер, захлопнув балконную дверь и оставив на столике сломанный будильник.

Post scriptum

В последний день третьего триместра своего выпускного года Чарли кивнул, поблагодарил собеседника по мобильному телефону и снова продиктовал адрес колледжа. Он заказывал мини-кеб до аэропорта Хитроу для себя и своей девушки.

У них было пять чемоданов на двоих, но только один из них — черный жесткий чемодан на колесиках для телескопа, который Попплстон подарил ему на день рождения, — принадлежал Чарли. Назвать его компактным или портативным язык не поворачивался. С помощью этого прибора можно было сканировать ночное небо, анализировать расположение звезд, делать снимки Луны и планет и, вероятно, даже увидеть слезы самого Господа.

Чарли сбежал по лестнице колледжа Магдалины — вопреки написанию его название издавна произносится как Модлин. На нем была флисовая куртка с черно-белым гербом колледжа, а за спиной — рюкзак с изображением Чеширского кота и его знаменитой фразой: «Мы все здесь не

в своем уме».

Его девушка пошла попрощаться с одним из саженцев в Ботаническом саду, старейшем саду Великобритании.

Там росло любимое дерево Толкина — *Pinus nigra*, или черная сосна, — которое, по мнению некоторых, своими изогнутыми ветвями напоминало энтов из романа «Властелин Колец». Когда в 2014 году дерево срубили, ему было двести пятнадцать лет. С него собрали семена, и в июне 2021 года принц Уэльский — ныне король Карл III — посадил новое дерево, выращенное из этих семян.

Перед тем как сдавать промежуточные и выпускные экзамены, положенные бакалаврам, девушка Чарли приходила в Ботанический сад и терла иголки саженца — на удачу. Она не могла уехать из Оксфорда, не попрощавшись с деревцем.

•

Когда они вернулись в колледж, высокий рыжеволосый парень окликнул Чарли с дальнего конца внутреннего двора:

— Эй, Астроном, проверь свой ящик! Там для тебя кое-что есть!

В Оксфорде ящиком называли почтовую ячей-

ку.

Чарли направился во Двор капеллана, ожидая подвоха, но обнаружил открытку с картой Чили и яркими символами: андский кондор, альпака, авокадо, вулкан и тюлень. Написанное от руки сообщение гласило: «Я перестала считать шаги. Теперь твоя очередь считать звезды. Жду не дождусь встречи с тобой. До скорого. А».

Вместо благодарностей

Мне не очень хотелось говорить о себе. Ведь это не моя история, а история моей семьи — пусть неполная, со многими пробелами. Хочу еще добавить, что в детстве и юности я все время хотела написать книгу о людях, которые меня окружали. Это и есть та самая книга, но только отчасти, потому что память — вещь гибкая и книги, взятые из жизни, зачастую есть лишь слабые отблески, осколки того, что нам довелось увидеть или услышать.

Наталья Гинзбург. Семейный лексикон. Перевод Г. Смирнова

Об авторе

Ана Майя — это псевдоним.

Слово «майя» происходит из санскрита и означает «иллюзия».